

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева

Поэмы
Чародей
Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер – наш чародей,
Наш принц и рыцарь. – Был нам всем он
Среди людей!
В нем было столько изобилий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили –
Одну весну.
Один его звонок по зале –
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.
И как бы шевелились корни
Волос, – о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И уже – грудь.
И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
– Семь раз в течение недели
Такой звонок!

* * *

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!
Он вылетает к нам, как птица,
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться.
Кричать и петь.

* * *

Прыжками через три ступени
Взбегаем лесенкой крутой
В наш мезонин – всегда весенний
И золотой.
Где невозможный беспорядок –
Где точно разразился гром
Над этим ворохом тетрадок
Еще с пером.
Над этим полчищем шарманок,
Картонных кукол и зверей,
Полубогрызанных баранок,
Календарей,
Неописуемых коробок,
С вещами не на всякий вкус,
Пустых флакончиков без пробок,
Стеклянных бус,
Чьи ослепительные грозди
Cinqantes, éclatantes grappes[1] –
Звеня опутывают гвозди
Для наших шляп.
Садимся – смотрим – знаем – любим,
И чует, не спуская глаз,
Что за него себя погубим,
А он – за нас.
Два скакуна в огне и в мыле –
Вот мы! – Лови, когда не лень! –
Мы говорим о том, как жили
Вчерашний день.
О том, как бегали по зале

Сегодня ночью при луне,
И что и как ему сказали
Потом во сне.
И как – и мы уже в экстазе! –
За наш непокоримый дух
Начальство наших двух гимназий
Нас гонит двух.
Как никогда не выйдем замуж,
– Так в останемся втроем! –
О, никогда не выйдем замуж,
Скорей умрем!
Как жизнь уже давным-давно нам –
Сукно игорное – vivat![2]
За Иоанном – в рай, за доном
Жуаном – в ад.
* * *

Жерло заговорившей Этны –
Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный
Водоворот.
Здесь и проклятья, и осанна,
Здесь все сжигает и горит.
О всем, что в мире несказанно,
Он говорит.
Нас – нам казалось – насмерть раня
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз
С шипеньем раздраженной кобры,
Он клял вселенную и нас, –
И снова становился добрый..
Почти на час.
Чревовещание – девизы –
Витийства – о, король плутов! –
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.
* * *

Среди пятипудовых теток
Он с виду весит ровно пуд:
Так легок, резок, строен, четок,
Так страшно худ.
Да нет, – он ничего не весит!
Он ангельски – бесплотно – юн!
Его лицо, как юный месяц,
Меж полных лун.
Упершись в руку подбородком,
– О том, как вечера тихи,
Читает он. – Как можно теткам
Читать стихи?!
* * *

О, как он мил, и как сначала
Преувеличенно-учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив
Свои магические руки,
Умеет – берегись, сосед! –
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.
Но вдруг – безудержно и сразу! –
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом.
Еще за полсекунды чинный,
Уж с пеной у рта взвел курок.
– Прощай, уют, и именинный,
Прощай, пирог!
* * *

Чай кончен. Удлинились тени,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И домурлыкал самовар.
Скорей на свежий, на весенний
Тверской бульвар!
Нам так довольно о Бодлере!
Пусть ветер веет нам в лицо!
Поют по-гоголевски двери,
Скрипит крыльцо. –
В больших широкополых шляпах
Мы, кажется, еще милей..
– И этот запах, этот запах
От тополей.
Бульвар сверкает. По дорожке
Косые длинные лучи.
Бегут серсо, за ними ножки,
Летят мячи,
Другие остаются в сетках.
Вот мальчик в шапочке «Варяг»
На платьице в шотландских клетках
Направил шаг.
Сияют кудри, щечки, глазки,
Ревун надулся и охрип.
Скрипят колесами коляски,
– Протяжный скрип. –
Там мама наблюдает зорко
За девочкой с косой, как медь.
В одной руке ее – ведерко,
В другой – медведь.
Какой-то мальчик просит каши.
Ох, как он, бедный, не дорос
До гимназической фуражки
И папирос!
О, вейтесь, кудри, вейтесь, ленты!
Увы, обратно нет путей!
Проходят парами студенты
Среди детей.
Играет солнце по аллеям..
– Как жизнь прелестна и проста! –
Нам ровно тридцать лет обеим:
Его лета.
* * *

О, как вас перескажешь ныне –
Четырнадцать – шестнадцать лет!
Идем, наш рыцарь посредине,
Наш свой – поэт.
Мы по бокам, как два привеска,
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зеленый глаз,
Крутое острие бородки,
Как злое острие клинка,
Точеный нос и очерк четкий
Воротничка.
(Кто с нашим рыцарем бродячим
Теперь бредет в луче златом?..)
Над раскаленным, вурдалачьим,
Тяжелым ртом, –
Уса, взлетевшего высоко,
Надменное полукольцо..
– И всё заглядываем сбоку
Ему в лицо.
А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.
* * *

На всём закат пылает алый,
Пылают где-то купола,
Пылают окна нашей залы

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И зеркала.

Из черной глубины рояля
Пылают гроздья алых роз.
– «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос,
Но шел за мной по всем дорогам
Тот, кто присутствует и здесь.
Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь.
Две правды – два пути – две силы –
Две бездны: Данте и Бодлер!»
О, как он по-французски, милый,
Картавил «эр».
Но, милый, Данте ты оставишь,
И с ним Бодлера, дорогой!
Тихонько нажимаем клавиш,
За ним другой –
И звуки – роем пчел из улья –
Жужжат и вьются – кто был прав?! –
Наш Рыцарь Розы через стулья
Летит стремглав.
Он, чуть ли не вселенной старше –
Мальчишка с головы до пят!
По первому аккорду марша
Он весь – солдат!
Чу! – Звон трубы! – Чу! – Конский топот!
Треск барабана! – Кивера!
Ах, к черту ум и к черту опыт!
Ура! Ура!
Он Тот, в чьих белых пальцах сжаты
Сердца и судьбы, сжат весь мир.
На нем зеленый и помятый
Простой мундир.
Он Тот, кто у кремлевских башен
Стоял во весь свой малый рост,
В чьи вольные цвета окрашен
Аркольский мост.
* * *

должно быть, бледны наши лица,
Стук сердца разрывает грудь.
Нет времени остановиться,
Нет сил – вздохнуть.
Магической силой руки
По клавишам – уже летят!
Гремят вскипающие звуки,
Как водопад.
Цирк, раскаленный, как Сахара,
Сонм рыжекудрых королев.
Две гордости земного шара:
Дитя и лев.
Под куполом – как царь в чертоге –
Красуется британский флаг.
Расставив клетчатые ноги,
Упал дурак...
В плаще из разноцветных блесток,
Под говор напряженных струн,
На площадь вылетел подросток,
Как утро – юн!
– Привет, милэди и милорды! –
Уже канат дрожит тугой
Под этой маленькой и твердой
Его ногой.
В своей чешуйке многозвездной,
– Закончив резвый пируэт, –
Он улыбается над бездной,
Подняв берет.
* * *

Рояль умолкнул. Дребезжащий

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Откуда-то – на смену – звук.

Играет музыкальный ящик,

Старинный друг,

Весь век до хрипоты, до стопа,

Игравший трио этих пьес:

Марш кукол – Auf der Blauen Donau[3] –

И экосез.

В мир голосов и гобеленов

Открылась тайная тропа:

О, рай златоволосых венков!

О, вальс в три па!

Под вальс невинный, вальс старинный

Танцуют наши три весны, –

Холодным зеркалом гостиной –

Отражены.

Так, залу окружив трикраты,

– Тройной тоскующий тростник, –

Вплываем в царство белых статуй

И старых книг.

На вышке шкафа, сер и пылен,

Видавший лучшие лета,

Угрюмо восседает филин

С лицом кота.

С набитым филином в соседстве

Спит Зевс, тот непонятный дед,

Которым нас пугали в детстве,

Что – людоед.

Как переполненные соты –

Ряд книжных полок. Тронул блик

Пергаментные переплеты

Старинных книг.

* * *

Цвет Греции и слава Рима, –

Неисчислимы тома!

Здесь – сколько б солнца ни внесли мы, –

Всегда зима.

Последним солнцем розовея,

Распахнутый лежит Платон...

Бюст Аполлона – план Музея –

И всё – как сон.

* * *

Уже везде по дому ставни

Захлопываются, стуча.

В гостиной – где пожар недавний? –

Уж ни луча.

Все меньше и все меньше света,

Все ближе и все ближе стук...

Уж половина кабинета

Ослепла вдруг.

Еще единым мутным глазом

Белеет левое окно.

Но ставни стукнули – и разом

Совсем темно.

Самозабвение – нирвана –

Что, фениксы, попались в сеть?! –

На дальних валиках дивана

Не усидеть!

Уже в углу вздохнуло что-то,

И что-то дрогнуло чуть-чуть.

Тихонько скрипнули ворота:

Кому-то в путь.

Иль кто-то держит путь обратный

– Уж наши руки стали льдом –

В замороженный, невозвратный

Наш старый дом.

Мать под землей, отец в Каире...

Еще какое-то пятно!

Уже ничто смешное в мире

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Нам не смешно.

Уже мы поняли без слова,
Что белое у шкафа – гроб.
И сердце, растеряв подковы,
Летит в галоп.

* * *

– «Есть в мире ночь. Она беззвездна.

Есть в мире дух, он весь – обман.

Есть мир. Ему название – бездна
И океан.

Кто в этом океане плавал –

Тому обратно нет путей!

Я в нем погиб. – Обратно, Дьявол!

Не тронь детей!

А вы, безудержные дети,

С умом, пронзительным, как лед, –

С безумьем всех тысячелетий,

Вы, в ком поет,

И жалуется, и томится –

Вся несказанная земля!

Вы, розы, вы, ручьи, вы, птицы,

Вы, тополя –

Вы, мертвых Лазарей из гроба

Толкающие в зелень лип,

Вы, без кого давным-давно бы

Уже погиб.

Наш мир – до призрачности зыбкий

На трех своих гнилых китах –

О, золотые рыбки! – Скрипки

В моих руках! –

В короткой юбочке нелепой

Несущие богам – миры,

Ко мне прижавшиеся слепо,

Как две сестры,

Вы, чей отец сейчас в Каире,

Чьей матери остыл и след –

Узнайте, вам обеим в мире

Спасенья нет!

Хотите, – я сорву повязку?

Я вам открою новый путь?»

«Нет, – лучше расскажите сказку

Про что-нибудь...»

* * *

О Эллис! – Прелесть, юность, свежесть,

Невинный и волшебный вздор!

Плач ангела! – Зубовный скрежет!

Святой танцор,

Без думы о насущном хлебе

Живущий – чем и как – Бог весть!

Не знаю, есть ли Бог на небе! –

Но, если есть –

Уже сейчас, на этом свете,

Все до единого грехи

Тебе отпущены за эти

Мои стихи.

О Эллис! – Рыцарь без измены!

Сын голубейшей из отчизн!

С тобою раздвигались стены

В иную жизнь...

– Где б ни сомкнулись наши веки

В безлюдии каких пустынь –

Ты – наш и мы – твои. Во веки

Веков. Аминь.

15 февраля – 4 мая 1914

На красном коне

Анне Ахматовой

И настужь, и настужь

Руки – две.

И навзничь! – Топчи, конный!

Чтоб дух мой, из ребер взыграв – к Тебе,

Не смертной женой – Рожденной!

* * *

Не Муза, не Муза

Над бедною люлькой

Мне пела, за ручку водила.

Не Муза холодные руки мне грела,

Горячие веки студила.

Вихор ото лба отводила – не Муза,

В большие поля уводила – не Муза.

Не Муза, не черные косы, не бусы,

Не басни, – всего два крыла светлорусых

– коротких – над бровью крылатой.

Стан в латах.

Султан.

К устам не клонился,

На сон не крестил.

О сломанной кукле

Со мной не грустил.

Всех птиц моих – на свободу

Пускал – и потом – не жалея шпор,

На красном коне – промеж синих гор

Гремящего ледохода!

* * *

Пожарные! – Широкий крик!

Как зарево широкий – крик!

Пожарные! – Душа горит!

Не наш ли дом горит?!

Сполóшный колокол гремит,

Качай-раскачивай язык,

Сполóшный колокол! – Велик

Пожар! – Душа горит!

Пляша от страшной красоты,

На красных факелов жгуты.

Рукоплещу – кричу – свищу –

Рычу – искры мечу.

Кто вынес? – Кто сквозь гром и чад

Орлом восхитил? – Не очнись!

Рубашка – длинная – до пят

На мне – и нитка бус.

Вой пламени, стекольный лязг...

У каждого – заместо глаз –

Два зарева! – Полет перин!

Горим! Горим! Горим!

Трещи, тысячелетний ларь!

Пылай, накопленная кладь!

Мой дом – над всеми государь,

Мне нечего желать.

– Пожарные! – Крепчай, Петух!

Грянь в раззолоченные лбы!

Чтобы пожар не тух, не тух!

Чтоб рухнули столбы!

Что́ это – вдруг – рухнуло – вдруг?

Это не столб – рухнул!

Бешеный всплеск маленьких рук

В небо – и крик: – Кукла!

Кто это – вслед – скоком гоня

Взор мне метнул – властный?

Кто это – вслед – скоком с коня

Красного – в дом – красный?!

Крик – и перекричавший всех

Крик. – Громовой удар.

Вздымая куклу, как доспех,

Встает, как сам Пожар.

Как Царь меж огненных зыбей

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Встает, сдвигает бровь.
– Я спас ее тебе, – разбей!
Освободи Любовь!
* * *

Что́ это вдруг – рухнуло? – Нет,
Это не мир – рухнул!
То две руки – конному – вслед
Девочка – без куклы.
Злая луна – в прорезь окон.
Первый мне снится сон.
Стоим, обнявшись туго,
Над шумом, где поток.
Вплоть до ноги упругой
Взлетает пенный клочок.
Глядим, обнявшись немо,
На пенные столбы.
Я – все его гаремы,
Он – все мои гербы.
Стоим, сплечившись круто:
Бок в бок, ладонь в ладонь.
Вплоть до ноги разутой
Взмывает пенный конь...
– Клянись, что тотчас – с мосту,
Коль я туда – цветок,
Платок... – Глядит – и – просто
Вниз головой – в поток!
Мост ли дрожит, я ли – дрожу?
Кровь или вал – стонет?
Окаменев – тупо – гляжу,
Как моя жизнь – тонет.
Кто это вдруг – взмахом плаща
В воздух меня – вскинул?
Кто это вдруг – красным всплеща
Польемем – в огонь синий?!
Всплеск – и победоносный зов
Из бездны. – Плавный вскок.
Подъемля тело как улов,
Встает как сам Поток.
Как царь меж вздыбленных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
– Я спас его тебе, – убей!
Освободи Любовь!
Что́ это вдруг – ринулось – нет! –
Это не смерч-вьюга!
То две руки – конному – вслед
Девушка – без – друга!
Мутная мгла – в прорезь окон.
Новый мне снится сон.
Ночь гонится – а путь таков:
Кровь в жилах сжата.
Сын! Детище моих боков, –
Веди, вожатый!
Мужайся, отрок! – Дух Горы
Один – нас двое.
Здесь только зори да орлы,
Да мы с тобою.
Вихрь! – Боги бы вернулись вспять,
Орлам он страшен...
Ввысь, первенец! – За пядью пядь –
Ввысь будет нашей!
На то и сына родила,
Прах дольний гло́жа –
Чтоб из-под орльего крыла
Мне взял – гром Божий!
Черная высь. – Голый отвес.
Маленьких рук – стержни.
Кто это там – точно Зевес
В люльке – орла держит?

Смех – и в ответ – яростный плеск
Крыл – и когтей свёрла.
Кто это вслед – наперерез –
Молнией – в гром орлий?!
Хрип – и громopodobный ре́в
Грудь горную рассек.
Как Первенца его воздев,
Встает как сам Набег.
Как Царь меж облачных зыбей
Стоит, сдвигает бровь.
– Я спас его тебе, – убей!
Освободи любовь!
Что́ это вдруг – хрустнуло – нет! –
Это не сушь-древо.
То две руки – конному – вслед
Женщина – без чрева!
Злая заря – в прорезь окон.
Третий мне снится сон.
* * *

Февраль. Кривые дороги.
В полях – метель.
Метет большие дороги
Ветров артель.
То вскачь по хребтам наклонным,
То – снова круть.
За красным, за красным конным
Все тот те путь.
То – вот он! рукой достанешь!
Как дразнит: Тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом – конь.
Султан ли – в глазах – косматый,
Аль так – ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Мети, ветра!
Мети, громозди пороги –
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан – стал.
И внемлют ветра – и стоном
В ответ на стон.
Торопится красным гоном
Мой конный сон.
Косматых воскрылий взлеты,
Аль так – ветла?
Вздымайте, вздымайте метлы!
Держись, ветра!
А что ж это там за глыба
Всплывает – там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.
Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,
Мне пламень подков, в ладони –
Уж край плаща!
На помощь, с мечом и громом,
Всех воинств Царь!
Но прядает конь – и громом
Взгремел в алтарь!
* * *

Стремлю – а за мною сворой
Вся рать ветров.
Еще не остыл – по хорам –
Разлет подков.
Как рокот Сорокоуста
Метель взмелась:
Престол опрокинут! – Пусто!
Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!

Метель, ярьсь!

Померкло от конской пены

Сиянье риз.

Шатается купол. – Рухай,

Сонм сил и слав!

И рухает тело – руки

Крестом распяв.

* * *

Огромною битвой радуг –

Разлет лампад.

– Прими меня, чист и сладок,

За ны – распят.

Ревнивая длань, – твой праздник!

Прими огонь!

Но что – с высоты – за всадник,

И что за конь?

Доспехи на нем – как солнце...

– Полет крутой –

И прямо на грудь мне – конской

Встает пятой.

Огненный плащ – в прорезь окон.

Огненный – вскачь – конь.

И не метель

Метет, – метла.

И не султана взмах, –

Ветла,

Седые космы разметав,

Качает стан, – не орлий клюв

Заоблачный, – то нос уткнув

В густое облако котла –

С тряпкой в руках –

Бабка.

И тот же стаканом прикрытый штоф.

Отставит – опять пригубит.

– Какой ж это сон мой? – А сон таков:

Твой Ангел тебя не любит.

Гром первый по черепу – или лом

По черепу?! – Люди! Люди!

В сухую подушку вгрызаясь лбом

Впервые сказать: Не любит!

Не любит! – Не надо мне женских кос!

Не любит! – Не надо мне красных бус!

Не любит! – Так я на коня вздымусь!

Не любит! – Вздымусь – до неба!

О дух моих дедов, взыграй с цепи!

Шатай вековые сосны!

О дух моих дедов – Эол! – трепи

Мои золотые космы!

На белом коне впереди полков

Вперед – под серебряный гром подков!

Посмотрим, посмотрим в бою каков

Гордец на коне на красном!

Разломано небо! – Благой знак:

Заря кровянит шлем мой!

Солдаты! До неба – один шаг:

Законом зерна – в землю!

Вперед – через ров! – Сорвались? – Ряд

Другой – через ров! – Сорвались? – Вновь

Другой – через ров! – На снегу лат

Не знаю: заря? кровь?

Солдаты! Какого врага – бьем?

В груди холодок – жгуч.

И входит, и входит стальным копьем

Под левую грудь – луч.

* * *

И шепот: Такой я тебя желал!

И рокот: Такой я тебя избрал,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дитя моей страсти – сестра – брат –
Невеста во льду – лат!
Моя и ничья – до конца лет.
Я, руки воздев: Свет!
– Пребудешь? Не будешь ничья, – нет?
Я, рану зажав: Нет.
* * *

Не Муза, не Муза, – не бранные узы
Родства, – не твои путы,
О Дружба! – Не женской рукой, – лютой,
Затянут на мне –
Узел.
Сей страшен союз. – В черноте рва
Лежу – а Восход светел.
О, кто невесомых моих два
Крыла за плечом –
Взвесил?
Немой соглядатай
Живых бурь –
Лежу – и слезу
Тени.
Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне –
Мой Гений!
13-17 января 1921

Поэма горы
Liebster, Dich wundert die Rede? Alle Scheidenden reden wie Trunkene und nehmen
gerne sich festlich...

nölderlin[4]
Посвящение
Вздогнешь – и горы с плеч,
И душа – горé.
Дай мне о горé спеть:
О моей горé!
Черной ни днешь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горé спеть
На верху горы.
1
Та гора была, как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного
Требовала та гора.
– Океан в ушную раковину
Вдруг-ворвавшимся ура!
Та гора гнала и ратовала.
Та гора была, как гром!
Зря с титанами заигрываем!
Той горы последний дом
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Бог за мир взывает дорого!
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.
2
Не Парнас, не Синай –
Просто голый казарменный
Холм. – Равняйся! Стреляй!
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была – рай?

3
Как на ладони поданный
Рай – не берись, коль жгуч!

Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.
Как бы титана лапами
Кустарников и хвой –
Гора хватала за полы,
Приказывала: стой!
О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: ляг!
Оторопев под натиском,
– Как? Не понять и днесь!
Гора, как сводня – святости,
Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое!
Как забыть тебя в стужах зим?
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.
Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец...

5

Не обман – страсть, и не вымысел,
И не лжет, – только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!
О когда б, здраво и попросту:
Просто – холм, просто – бугор..
(Говорят – тягую к пропасти
Измеряют уровень гор.)
В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой..
(Высота бреда – над уровнем
жизни.)

– На те меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увы!
Оттого что в сей мир явились мы –
Небожителями любви!

6

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.
Гора горевала о нашей дружбе:
Губ – непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется – по слезам его.
Еще говорила гора, что табор –
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!
Еще говорила, что это – демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немые.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет – что ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!
Гора горевала, что только дымом
Станет – что ныне: и мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).
Гора горевала о страшном грузе

Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев – долг и страсть.
Гора горевала о нашем горе –
Завтра! Не сразу! Когда над лбом –
Уж не memento, [5] а просто – море!
Завтра, когда пойдем.
Звук... Ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи –
В жизнь, про которую знаем все мы:
Сброд – рынок – барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор – пишутся – так.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до ночи мы
Жизнь свою – как карту бьем!
Страстные, не быть упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами –
Чтите мой угрюмый грот.
(Грот – была, и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям!

.

Горе началось с горы.
Та гора на мне – надгробием.

9

Минут годы, и вот означенный
Камень, плоским смененный, снят. [6]
Нашу гору застроят дачами, –
Палисадниками стеснят.
Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,
Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои вверх дном!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Дома – в счастье, и счастья в дом!
Счастья – в доме! Любви без вымыслов!
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть – и вынести!
(Было-было, когда ходил,
Счастье – в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет – мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе,
– Пока можешь еще – греш! –
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,
Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора – игры.
Есть беспутные, нет беспамятных:
Горы времени – у горы!
По упорствующим расселинам

Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, –
Кратер, пущенный в оборот!
Виноградниками Везувия
Не сковать! Великана льном
Не связать! Одного безумия
Уст – достаточно, чтобы львом
Виноградники заворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами – сыновья!
Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!
Тверже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
– Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!
В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Послесловие

Есть пробелы в памяти, бельма
На глазах: семь покрывал...
Я не помню тебя – отдельно.
Вместо черт – белый провал.
Без примет. Белым пробелом –
весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана – сплошь.) Частности мелом
Отмечать – Дело портных.
Небосвод – цельным основан.
Океан – скопище брызг?!
Без примет. Верно – особый –
весь. Любовь – связь, а не сыск.
Вороной, русой ли масти –
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть – целит на части?
Часовщик я, или врач?
Ты – как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.
(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы –
Новизной, странной для слуха,
Вместо: я – тронное: мы...)
Но зато, в нищей и тесной
Жизни – «жизнь, как она есть» –
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:

– Памяти мечь.

1 января – 1 февраля 1924

Прага. Гора.

Декабрь 1939. Голицыно, Дом писателей

Поэма конца

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на означенном месте,
Как судьба.
– Без четверти. Исправен?
– Смерть не ждет.
Преувеличенно-плавлен

Шляпы взлет.
В каждой реснице – вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно-низок
Был поклон.
– Без четверти. Точен? –
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!

* * *

Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.
Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так – государыням руку,
Мертвым – так...
Мчющийся простолюдин
Локтем – в бок.
Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.
Взвыл, – как собака, взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)
То, что вчера – по пояс,
Вдруг – до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь рост.)
Мысленно: милый, милый.
– Час? Седьмой.
В кинематограф, или?.. –
Взрыв – домой!

2

Братство таборное, –
Вот куда вело!
Громом на голову,
Саблей наголо,
Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушущимся –
Слово: дом.

* * *

Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!
Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так из дому рвутся,
Как ты – домой!

* * *

Конем, рванувшим коновязь –
Ввысь! – и веревка в прах.
– Но никакого дома ведь!
– Есть, – в десяти шагах:
Дом на горе. – Не выше ли?
– Дом на верху горы.
Окно под самой крышею.
– «Не от одной зари
Горящее?» Так сызнава
Жизнь? – Простота поэм!
Дом, это значит: из дому
В ночь.

□□(О, кому повем
Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?..)

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Вы слишком много думали. –
Задумчивое: – Да.

3

И – набережная. Воды
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие – так вот вы!
Воды (стальная полоса
Мертвецкого оттенка)
Держусь, как нотного листка –
Певица, края стенки –
Слепец... Обрато не отдашь?
Нет? Наклонюсь – услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши
Лунатик...

□□Но не от реки
Дрожь, – рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом –
И верен...
□□Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны –
Ты. Правый бок как мертвый.
Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
– Нам с вами нужно бы...

□□(Озноб)
– Мы мужественны будем?

4

Тумана белокурого
Волна – воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное – насказано!
Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.
Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное – насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.
(Вполоборота: это вот –
Наш дом? – Не я хозяйкою!)
Один – над книжкой чековой,
Другой – над ручкой лайковой,
А тот – над ножкой лыковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.
Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное – натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь – не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.
Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы – телятину
Жуют. Над шейкой сахарной

Черт – газовым рожком.

...Коммерческими крахами

И неким порошком –

Бертольда Шварца...

□□Даровит

Был – и заступник людям.

– Нам с вами нужно говорить.

Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.

И знаю – не скажет первым.

– Не любите? – Нет, люблю.

– Не любите! – Но истерзан,

Но выпит, но изведен.

(Орлом озирая местность):

– Помилуйте, это – дом?

– Дом – в сердце моем. – Словесность!

Любовь – это плоть и кровь.

Цвет, собственной кровью полит.

Вы думаете, любовь –

Беседовать через столик?

Часочек – и по домам?

Как те господа и дамы?

Любовь, это значит...

– Храм?

Дитя, замените шрамом

На шраме! – Под взглядом слуг

и бражников? (Я, без звука:

«Любовь – это значит лук

натянутый – лук: разлука».)

– Любовь, это значит – связь.

Всё врозь у нас: рты и жизни.

(Просила ж тебя: не сглазь!

В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы

и страсти. Memento[7] – паром:

Любовь – это все дары

в костер, – и всегда – задаром!)

Рта раковинная щель

бледна. Не усмешка – опись.

– И прежде всего одна

Постель.

– Вы хотели: пропасть

сказать? – Барабанный бой

Перстов. – Не горами двигать!

Любовь, это значит...

– Мой.

Я вас понимаю. Вывод?

* * *

Перстов барабанный бой

растет. (Эшафот и площадь.)

– Уедем. – А я: умрем,

надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:

Рифм, рельс, номеров, вокзалов...

– Любовь, это значит: жизнь.

– Нет, иначе называлось

у древних...

– И так? –

□□Лоскут

Платка в кулаке, как рыба.

– Так едемте? – Ваш маршрут?

Яд, рельсы, свинец – на выбор!

Смерть – и никаких устройств!

– Жизнь! – Как полководец римский,

Орлом озирая войск

Остаток.

– Тогда простимся.

– Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть – это дело тел,
А мы друг для друга – души
Отныне...) – И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода
Вручаете...) – Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет.
Кровавую честь разрыва
Вручающий...) – Внятно: слог
За слогом, итак – простимся,
Сказали вы? (Как платок,
В час сладостного бесчинства.
Уроненный...) – Битвы сей
Вы – Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику – как трофей,
Им отданную же шпагу
Вручать!) – Продолжает. (Звон
В ушах...) – Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. – Вы это каждой?
Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо
От кости. – Смешок. Сквозь смех –
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть, это дело – тех,
А мы друг для друга – тени
Отныне...) Последний гвоздь
вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
– Последнейшая из просьб.
– Прошу. – Никогда ни слова
О нас... Никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые – в весну!)
– О том же и вас просила б.
Колечко на память дать?
– Нет. – Взгляд, широко-разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень
На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
– Но книгу тебе? – Как всем?
Нет, вовсе их не пишете,
Книг...

* * *

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.
В наших бродячих
Братствах рыбацких
Пляшут – не плачут.
Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят – не плачут.
Жемчуг в стакане
Плавят – и миром
Правят – не плачут.
– Так я ухожу? – Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей – как кость
Презреннейшее из первенств
Бросающий: честь конца,

Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы
И – чище бы...

□□Зубы

Втиснула в губы.
Плакать не буду.
Самую крепость –
В самую мякоть.
Только не плакать.
В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.
В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.
– Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...

– Срочно

Прошу, не смотрите! – Взгляд. –
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) – Говорю, не надо
Глядеть!!!
Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
– Милый, уйдемте,
Плакать начну!

* * *

Забыла! Среди копилки
Живых (коммерсантов – тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!
Все заповеди Синая
Смывая – менады мех! –
Голконда волосяная,
Сокровищница утех –
(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, – где тропа
Назад? Наготовю грубой
Дразня и слепя до слез,
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.
– Не правда ли? – Льнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице – зуд.
– И главное – эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.
О, рвущий уже одежды –
Жест! Проще, чем пить и есть –
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)
И – сестрински или братски?
Союзнически: союз!
– Не похоронив – смеяться!
(И похоронив – смеюсь.)

7

И – набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки –
Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не высрал небосвод.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшущимися сопреступниками
Бредем. (Убитое – Любовь.)
Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
– Вы понимаете, что будущее –
Там? – Запрокидываюсь вспять.
– Спать! – Новобрачными по коврику...
– Спать! – Все не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: – Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..
Ток. (Точно мне душою – на руку
Лег! – На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, – на душу рукою лег!
Льнет. Радужное всё! Что радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. – Я таких не знаю набережных
Кончающихся. – Мост, и:

– Ну-с?
Здесь? (Дроги поданы.)
Спо – койных глаз
Взлет. – Можно до дому?
В по – следний раз!
8
По – следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.
Во – да и твердь.
Выкладываю монеты.
День – га за смерть,
Харонова мзда за Лету.
Мо – неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо – неты те.
Итак, в теневую руку –
Мо – неты тень.
Без отсвета и без звяка.
Мо – неты – тем.
С умерших довольно маков.
Мост.
* * *

Бла – гая часть
Любовников без надежды:
Мост, ты – как страсть:
Условность: сплошное между.
Гнезжусь: тепло,
Ребро – потому и льну так.
Ни до, ни по:
Прозрения промежутки!
Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.
Вся жизнь – в боку!
Он – ухо и он же – эхо,
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху
Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиама,
Что – ваш союз?
Та женщина – помнишь: мамой
Звал? – всё и вся
Забыв, в торжестве недвижимом
Те – бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!

Сбылись! На груди баюкал!

Не – брошусь вниз!

Нырять – отпускать бы руку

При – шлось. И жмусь,

И жмусь... И неотторжима.

Мост, ты не муж:

Любовник – сплошное мимо!

Мост, ты за нас!

Мы реку телами кормим!

Плю – щом впилась,

Клещом – вырывайте с корнем!

Как плюш! как клещ!

Безбожно! Бесчеловечно!

Бро – сать, как вещь,

Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём

Вещественном мире дутом!

Скажи, что сон!

Что ночь, а за ночью – утро,

Эк – спресс и Рим!

Гренада? Сама не знаю,

Смахнув перин

Монбланы и Гималаи.

Про – гал глубок:

Последнюю кровью грею.

Про – слушай бок!

Ведь это куда вернее

Сти – хов... Прогрет

ведь? Завтра к кому наймешься?

Ска – жи, что бред!

Что нет и не будет мосту

Кон – ца...

– Конец.

* * *

– Здесь? – Детский, божеский

жест. – Ну-с? – Впилась.

– Е – ще немножечко:

В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...

Сокровенную, подъязычную

Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей – тебе, подноготную

Тайну Евы от древа – вот:

Я не более чем животное,

Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули

С кожей! Паром в дыру ушла

Пресловутая ересь вздорная,

Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!

Пар! Припарками обложить!

Да ее никогда и не было!

Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

* * *

Прости меня! Не хотела!

Вопль испортого нутра!

Так смертники ждут расстрела

В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой

Дразня коридорный глаз.

Ведь шахматные же пешки!

И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?

Во весь оком глазка –

Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.
Махорочная затяжка.
Сплёв, пожилы значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога: в ров
И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...

И покосившись сбоку:
– Как ты уже далек!

10

Совместный и сплóченный
Вздрос. – Наша молочная!
Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам –
Сброд! Пара минутная! –
Справляли заутреню.
Базаром и зáкисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, –
Совсем овсяной!

(Овсом своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией –
Аркадией пах
Тот кофе...
Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, –
Любовниц седых
Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви, –
А главное – юности!
Смешку – без причин,
Усмешке – без умысла,
Лицу – без морщин, –
О, главное – юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей
В молочную тусклую:
– Бурнус и Тунис! –
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...
(Дружочек, не жалуясь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце
Голландского глаженья...
* * *

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
– Наша улица! – Уже не наша... –
– Сколько раз по ней... – Уже не мы... –
– Завтра с западу встанет солнце!
– С Иего́вой порвет Давид!
– Что мы делаем? – Расстаемся.
– Ничего мне не говорит
Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас – стаемся. – Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.
Стой! По-сербски и по-кроатски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас – ставание. Расставаться...

Сверхъестественнейшая дичь!
Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание – не по-русски!
Не по-женски! Не по-мужски!
Не по-божески! Чтó мы – овцы,
Раззевавшие в обед?
Расставание – по-каковски?
Даже смысла такого нет,
Даже звука! Ну, просто полый
Шум – пилы, например, сквозь сон.
Расставание – просто школы
Хлебникова соловьиный стон,
Лебединый...

□□Но как же вышло?
Точно высохший водоем –
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться – ведь это гром
На голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы – слишком круты:
Расставаться – ведь это вниз,
Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться – ведь это врозь,
Мы же – сросшиися...

11

Разом проигрывать –
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.
Негам (читай – камням),
Дням, и домам, и нам.
Дачи пустующие! Как мать
Старую – так же чту их.
Это ведь действие – пустовать:
Полое не пустоует.
(Дачи, пустующие на треть,
лучше бы вам сгореть!)
Только не вздрагивать,
рану вскрыв.
Загород, загород,
швам разрыв!
ибо – без лишних слов
Пышных – любовь есть шов.
Шов, а не перевязь, шов – не щит.
– О, не проси защиты! –
Шов, коим мертвый к земле пришит,
коим к тебе пришита.
(Время покажет еще, каким:
Легким или тройным!)
Так или иначе, друг, – по швам!
дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!
что под наметкой – живая жиль
Красная, а не гниль!
О, не проигрывает –
кто рвет!
Загород, пригород:
лбам развод.
По слободам казнят
Нынче, – мозгам сквозняк!
О, не проигрывает, кто прочь –
в час, как заря займетя.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
Набело, без наметки.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так не кори же меня, что вкривь.

Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные –

В рубцах!..

Загород, пригород...

Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь – по глине жидкой?

...Скорую руку мою суди,

Друг, да живую нитку

Цепкую – как ее ни канай!

По – следний фонарь!

* * *

Здесь? Словно заговор –

Взгляд. Низших рас –

Взгляд. – Можно на́ гору?

В по – следний раз!

12

Частой гривую

Дождь в глаза. – Холмы.

Миновали пригород.

За́ городом мы.

Есть – да нету нам!

Мачеха – не мать!

Дальше некуда.

Здесь околевать.

Поле. Изгородь.

Брат стоим с сестрой.

Жизнь есть пригород.

За́ городом строй!

Эх, проигранное

Дело, господа!

Всё-то – пригороды!

Где же города?!

Рвет и бесится

Дождь. Стоим и рвем.

За три месяца

Первое вдвоем!

И у Иова,

Бог, хотел взаймы?

Да не выгорело:

За́ городом мы!

* * *

За городом! Понимаешь? За́!

Вне! Перешед вал!

Жизнь – это место, где жить нельзя:

Ев – рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат

Стать Вечным Жидом?

Ибо для каждого, кто не гад,

Ев – рейский погром –

Жизнь. Только выкрестами жива!

Иудами вер!

На прокаженные острова!

В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь

Овец – палачу!

Право-на-жительство свой лист

Но – гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит –

Мечь! – В месиво тел!

Не упоительно ли, что жид

Жить – не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.

По – щады не жди!

В сём христианнейшем из миров

Поэты – жида!

13

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками –
Меховое, мокрое.
Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью –
Слезы, а не дождь!
О каких еще соблазнах –
Речь? Водой – имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, –
Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу – глажу –
Глажу по лицу.
Такова у нас, Маринок,
Спесь, – у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...
Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!
Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наворачиваешь
Стыд, со мной потерянный.
Оди – накового
Моря – рыбы! Взмах:
..Мертвой раковинной
Губы на губах.
* * *

В слезах.
Лебеда –
На вкус.
– А завтра,
Когда
Проснусь?
14
Тропю овецъей –
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу.
Смеются. Слезам
Смеются, – всем полднем
Недр, гребнем морским!
Смеются!
– недолжным,
Позорным, мужским
Слезам твоим, видным
Сквозь дождь – в два рубца!
Кан жемчуг – постыдным
На бронзе бойца.
Слезам твоим первым,
Последним, – о, лей! –
Слезам твоим – перлам
В короне моей!
Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень – перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз
Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Самой Песней Песен
Уступлена речь
Нам, птицам безвестным,
Челом Соломон
Бьет, ибо совместный

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Плач – больше, чем сон!

* * *

И в полые волны
Мглы – сгорблен и равн –
Бесследно, безмолвно –
Как тонет корабль.
Прага, 1 февраля – Иловици, 8 июня 1924

Крысолов
Лирическая сатира
Город Гаммельн
(Глава первая)
Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромн, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн – славный городок!
В ночь, как быть должно комете,
Спал без прóсыпу и сплошь.
Прочно строен, чисто мётен,
До умильности похож
– Не подойду и на выстрел! –
На своего бургомистра.
В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покрой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.
Гривенник – туша, пятак – кувшин
Сливов, полушка – твóрог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:
Грех.
(Спросим дедов:
Дорог: редок.)
Ни распоясавшихся невест,
Ни должников, – и кроме
Пива – ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови –
Грех. Полстолетия (пятьдесят
лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
дальше. «Вдвоем потели,
вместе истлели». Тюфяк, трава, –
Разница какова?
(Бог упаси меня даже пять
лет на одной перине
спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их принял.
И озаренье: А вдруг у них
не было таковых?
Руки – чтоб гривну взывать с гроша,
Ноги – должок не додан.
Но, вразумите, к чему – душа?
не глубоко ль негодный
– Как жардиньерка – гамак – кларнет –
в нашем быту – предмет?
в городе Гаммельне – отпиши –
ни одного кларнета.
в городе Гаммельне – ни души.
но уж телá за это!
Плотные, прочные. Бык, коль дюж,
Дюжины стоит душ.
А приосанятся – георгин,
ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин, –
это выходит гордо.
не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн – и умереть!»
Juri, и Rührei, и Rühr uns nicht

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ап[8] (в словаре: не тронь нас!) –
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых – скромность,
И... бережливость: воззрился – ан
Пуговица к штанам!
Здесь остановка читатель. – Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?
– Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, –
Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз – да помер.
Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел
Пастор, – и правильно: не простака
Пастор, – не воем «осанна!»
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной
Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка – не пустяк!
(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв – застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних –
Смерть. Обывателю ты – что чуб
Бульбе, и Будде – пуп.
С пуговицею – все право в прах,
В грязь. Не теряй, беспутный,
Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,
Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch wo bist?»[9]) –
Как не прообраз ее? («Bin nackt, [10]
Наг, – потому робею») –
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица – в идее!
Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) – идея – вот:
Для отличения Шатуна –
Чад – от овец Господних:
Божье застегнуто чадо на́
Всё, – а козел расстегнут –
Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж, – застегнись на всё!
Не привиденьями ли в ночи
– Целый Бедлам вакантный! –
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,
Каторжники...
□□Коли взять на вес:
Без головы, чем без[11]
Пуговицы! – Санкюлот! Босьяк!
От Пугача – к Сэн-Жюсту?!
Если уж пуговица – пустяк,
Что ж, господа, не пусто?
Для государства она – что грунт
Древу и чреву – фунт
Стерлингов. А оборвется – голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, мать, коль
Пуговицею – носик:
Знак добронравия. (Мой же росс
явственно горбонос –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
в нас[12]).

* * *

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! От истин куцых!
От революции не спасет –
Пуговица. Да рвутся ж –
Всё! Коли с демонами в родстве –
Бард, – расстегнись на всё!
(Здесь кончается ода пуговице и возобновляется повествование.)

Город грядок –
Гаммельн, нравов –
добрых, складов
полных, – Рай –
город...
Божья радость –
Гаммельн, здравых –
город, правых –
город...
Рай-город, [13] пай-город, всяк-свой-пай-берет, –
Зай-город, загодя-закупай-город.
Без загадок –
город, – гладок:
Благость. Навык –
город. – Рай –
город...
Божья заводь –
Гаммельн, гадов –
Бесу, сладок –
Богу...
Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему-уступай-город.
Без пожаров –
город, благость –
город, Авель –
город. – Рай –
город...
Кто не хладен
и не жарок,
прямо в Гаммельн
поез –
жай-город, рай-город, горностай-город.
Бай-город, вовремя-засыпай-город.
Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупрежденье первое.
Су – дари, выпрягайте слуг!
Тру – бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag».[14]
Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник – на пять.
Ла – вочник, оставляй мелок,
Бюр – герша, оставляй чулок
и оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».
Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдёт ли засов?
Предупрежденье третье.
Би – блию закрывай, отец!
Бюр – герша, надевай чепец,

Муж, надевай колпак, –

«Morgen ist auch ein...»

– Спят

Гаммельнцы...

Сны

(Глава вторая)

В других городах,
В моих (через – край-город)

Мужья видят дев

Морских, жены – Байронов,

Младенцы – чертей,

Служанки – наездников...

А ну-ка, Морфей,

Что – гаммельнцам грезится

Безгрешным, – а ну?

– Востры – да не дюже!

Муж видит жену,

Жена видит мужа,

Младенец – сосок,

Краса толстощекая –

Отцовский носок,

Который заштопала.

Повар – пробует,

Обер – требует.

Всё как следует,

Всё как следует.

Вдоль спицы петля –

Так всё у них плавно!

Павл видит Петра,

А Петр видит Павла,

Конечно – внучат

Дед (точку – прозаик),

Служанка – очаг

И добрых хозяев.

Каспар – заповедь,

Пастор – проповедь.

Не без проку ведь

Спать, – не плохо ведь?

Пуды колбасы

Колбасник (со шпэком),

Суд видит весы,

Весы же – аптекарь,

Наставнику – трость,

Плод дел его швейных –

Швецу. Псу же – кость?

Ошиблись: ошейник!

Стряпка – щипаное,

Прачка – плисовое.

Как по-писаному!

Как по-писаному!

– А сам бургомистр?

– Что въяве – то в дрёме.

Раз он бургомистр,

Так что ж ему кроме

Как бюргеров зреть,

Вассалов своих?

А сам бургомистр –

Своих крепостных. [15]

Дело слаженное,

Платье сложенное, –

По-положенному!

По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:

Есть доброе – в старом!)

А впрочем, чтоб рифм

Не стаптывать даром –

Пройдем, пока спит,

В чертог его (строек

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Царь!) прочно стоит
И нашего сто́ит
Внимания...

* * *

Замка не взломав,
Ковра не закапав –
В богатых домах,
Что первое? запах.
Пределный, как вкус,
Нещадный, как тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.
Вся плоть вещества, –
(Счета в переплете
Шагреновом!) вся
Вещественность плоти
В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей, –
Вещественность сути:
Букет ее – всей!
Есть запахи – хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.
Не сущность вещей,
– О! и не днєвала! –
Гнилых овощей[16]
– Так пахнут подвалы –
Ему предпочту.
Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!
Не запах, а звук:
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных
Перил – а по мне
Смердит изобилье! –
Довольством – вполне.
А если и пылью –
Не нашей – с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной – штофной –
Портьерной. Красот
Собранием, скопом
Красот и чистот,
А если и потом –
Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным
Жилетным: не дам.
По самое небо
– О Ненависть! – храм
Стоглавый тебе бы –
За всех и за вся.

* * *

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,
Замки не гремят.
Врата без затвора –
Сон. Дóмы – без врат.
Всё – тени, всё – вóры
В снах).
Стó – невест тебе.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Всё – с запястьями!
Без – ответственно.
Без – препятственно.
Сё – час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные дома!
В двухспальных толстух,
В мужей без измены.
Тот красен петух –
Как стяги – как стены
В иных городах...
Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих – бургомистр.
* * *

Домовит, румянист –
Баю-бай, бургомистр.
Завершенная седмица –
Бургомистрово чело.
Что же мнится? что же снится
Бургомистру? Ни – че – го.
Ничего (как с жир-горы
Пот-то!), то есть: бюргеры.
Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена
Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,
Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей – бюргерши.
Той – пропавшей без вести,
Этой – Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной
Ничего не грезится.
Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дочь.
Соломонова пшеница –
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?
Запахи, шепоты...
Все – и еще что-то!
Напасть
(Глава третья)
Тетки-трещотки,
Кухарки-тараторки,
– Чепцы, кошёлки –
Бабки-балаболки.
– Сала для лекаря!
– Трав для аптекаря!
– Свежего, красного
Легкого для пастора!
– По – следней дойки!
Девки-маслобойки.
– Ядрёной крупки!
Стряпки-мясорубки.
– Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
– Свежих воловьих
Жил для ремесленников!
Тетки-трещотки,
Торговки-горлодёрки
– Кофты на байке –
Хозяйки-всезнайки.
– Све – жая требуха!

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Жи – вога петуха!
– Масляна, не суха!
– Сёрд – ца для жениха!
– Сливки-последки!
Соседки-добросердки.
– Свежего! с ледничку!
Советницы-сплетницы.
– Взвесь, коль не веришь!
– Жарь – не ужарится!
– Гу – синих перьев
Для нотариуса!
– Ó – вощи да с гряды!
– Со – вести для судьи!
Кур – ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежи, с постельки
Вдовицы-коротельки.
– Мни, да не тискай!
– Рдянь – не редиска!
– По – лушка с миской!
– Мозгов для бургомистра!
– Чтó хотите, то берите!
Подолы, капорá.
Поварижи-разберихи,
Румяные повара.
Но – сы приплюснутые:
– Чего бы вкусенького?
Ла – дошки – ширмочками:
– Чего бы жирненького?
Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.
– Все чехлы посняли с кресел!
– А гостей! А гостей!
– Нынче пекарева крестят!
– Новостей! Новостей!
Язвы-тихони.
Один в трахоме
Глаз, другой – пенится.
Сидни-кофейницы.
– Женишка-то, чай, постарше!
– А наряд! А наряд!
– Говорят, что у почтарши...
– Говорят... Говорят...
Язвы-шнырялы,
Кляузы-обмиралы,
– На площадь сор неси! –
Козни-цикорницы.
– Нацепил зеленый галстук!
– Ловелас! Ловелас!
– Мясник с тещей поругался!
– А у нас! А у нас!
Ред – ко – сти...
Хит – ро – сти...
– Кхе-кхе-кхе...
– Кхи-кхи-кхи...
– Бургомистрова-то Грета!
– Не того! Не того!
– Третью ночь сидит до свету!
– Каково? Каково?
– Свечку жжет...
– Век свой жжет...
– Счастья ждет...
– В гроб пойдет...
– Скатертей однех – с три пуда!
– Чай, одна! Чай, одна!
– Ни за кем, отцу, не буду.

– Не жена! Не жена!
– Грех-таки...
– Стыд-таки...
– Кхе-кхе-кхе...
– Кхи-кхи-кхи...
– Поглядеть – одне костяшки...
– Не в соку! Не в соку!
– К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!
Клуб
Женский – закрыт:
Суп
Перекипит.
* * *

Город грядок
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных –
Мера! Священный клич!
Пересмеялся – хнычь!
Перегордился – в грязь!
Да соразмерит князь
Милость свою и гнев.
Переовечил – хлев,
Перемонаршил– бунт:
Zuviel ist ungesund.[17]
В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал – резь,
(Лысина – перескреб),
Перепостился – гроб,
Перелечил – чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.
В меру и мочь и сметь:
Перезлословил – плеть,
Но и не переглядь!
– Только не передать! –
Не пере-через-край!
Даже и в мере знай –
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.
В меру! Im rechten Mass![18]
Верный обманет глаз.
В царстве – давно – химер –
Вера и глазомер.
Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuviel ist un –
Не красоты одной – сало, слышишь? –
Вреден излишек.
Переполнения ж складов – рисом –
Следствием – крысы.
Саго, и сала, и мыла – в меру,
Господи, даруй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».
Так, чтобы в меру щедрот: не много
чтоб, и не мало.
Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы». [19]
К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:
Злость сытости! Сплёв
С на – крытых столов!
Но – в том-то и гвоздь! –
Есть – голода злость.

Злость тех, кто не ест:

Не есть – надоест!

Без – сильных не злобь!

(Кры – синая дробь).

Злость тех, кто не сыт:

Се – годня рысит,

А завтра – повис.

(Кры – синая рысь).

(Скороговорка):

Не сыт и не спит,

(Крысиная сыпь),

По сытеньким – прыг,

(Крысиная прыть).

Дом. Склад.

Съе – дят

До – крох.

(Крысиный горох).

Зря – крал,

Зря – клал,

Зря – греб

(Крысиный галоп).

Глав – глад –

Крысиный набат.

Глав – гвалт –

Крысиный обвал.

Куль! Рвись:

Глав – крыс!

* * *

А над кулём-то, а над мешком-то –

Точно над трупом!

И перекатывается круто:

«Крысы да крупы».

(Твой зуб,

Главкруп!)

Докраснобайствовались, мессии

Низшего класса!

Так и свистит по живому мясу:

«Крысы-запасы!»

(Твой всхлёт,

Главхвост!)

* * *

– Присягай, визжат, главглоту!

– Взяли склад, дай им глаз!

– Всю ночь топали, как рота!

А у нас! А у нас!

– Ушки! Замашки!

– Занды[20] карноухие!

– Все-то бумажки

Взрыли, перенюхали!

– Присягай, визжат, главблуду!

– Думал – горсть, смотришь – рать!

– Самого, визжат, на блюде

Бургомистра подать!

Эка крúговерть

Карноусая!

Все-то пуговицы

Пообкусывали

Штанные!

– Schande! [21]

– Schande нам!

– Банды!

– Мастерá – усы-то салить!

– Ты им: ой! они: бей!

– У нас Библию: на палец,

Дескать – сала на ней!

– Ух, бессовестные!

– Ух, нахрапистые!

Всё-то соусники

Перепаковали!

– Не спасут, визжат, молебны!

– Ты им: Gott! [22] они: глав!

– Весь по буквам судебный

Растащили устав!

– Ух, нахрапистые!

– Ух, обшарпанные!

Все-то сахарницы

Пообшаркивали!

– Целый мир грозятся стрескать!

– Солнцеверт! – Мозговрат!

– Из краев кант-то русских,

Кораблем, говорят.

– Граждане!

К спайке!

Schande нам:

Шайки!

Ни торгов от них, ни сна нет:

Ты им: ррраз! они – сто!

«Голов сахарных не станет, –

А купецки на што?»

– Мало этого-то:

Рукой писанные

Всё-то летописи

Поо –

– Присягай, визжат, главсвисту!

– Уж и стыд! Уж и страмь!

– Не совсем, с лица, на крыс-то...

– Да уж крысы ли впрямь?

– Лысины!

– Пасмы!

– Слыхано ль?

В красном!

Предиковинный сорт!

Ты им: Бог, они: черт!

Скок – на башенный шпиг!

Ты им: негз, [23] они: цыц!

Ты им: чин, они: чушь!

Ты им: пиль! они: куш!

Ты им: стой! они: при!

Ты им: три! они:

– пли!

Коль не бос – кровосос,

Коль не бит – паразит,

– А язык!

– А язык!

– А язык!

– А язык!

У нас: Brot, [24] у них: прод,

И язык не берет!

Думал: сдох, смотришь: прет, –

И мышьяк не берет!

У нас: взлом, у них: Ком,

У нас: чернь, у них: терн,

Наркомчёрт, наркомшиш, –

Весь язык занозишь!

В новый мир, дескать, брешь:

Не потел – так не ешь,

Не пытел – так не ешь,

Не пострел – так не ешь.

До поры, дескать, цел:

Не потел – под расстрел,

Не хотел – под расстрел,

Не пострел – под расстрел!

(Тоном обвинительного акта):

В воровстве.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В кумовстве.
В шельмовстве.
В колдовстве.
(Тоном заговора):

– Все мы белые?
– Все.
– В чем же дело?
– В словце.
(Силясь выговорить):

Не терял.
Начинал.
Интеграл.
Интервал.
Наломал.
Напинал.
Интерна –
цио...
– Сказок довольно!
Слушать герольда!
Всех, кто отчизне – сын,
Оповещаю сим...
Не углубляясь в частности:
Гаммельн в опасности!
Горний и дольний!
Слушать герольда!
Все и семижды все,
Знайте: на волоске
– Вот уже рвущемся –
Наше имущество,
Слава и класс,
Граждане, глас
Девы, словес не тратящей:
Постановление ратуши:
«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит
Город от тьмы крысиной,
В дом бургомистра – сыном
Вступит – прошу понять:
Сын означает: зять.
(Треск барабанный.)
В Гаммельне... анпо
Domini...». [25]
* * *

В тот же час – вините будочника:
Что ж он не усторожил?! –
В город медленно входил
Человек в зеленом – с дудочкой.
Увод
(Глава четвертая)
– Ти-ри-ли –
– По рассадам германской земли,
– Ти-ри-рам –
По ее городам
– Красотой ни один не оставлен –
Прохожу,
Госпожу свою – музыку – славлю.
Нынче – здесь,
Да и то половинку, не весь!
– Ти-ри-рам –
Завтра – там,
И хотя повсеместно оболган –
Стар и мал,
Равнодушно никто не внимал
И никто не отказывал в долгом
Взгляде – вслед.
Только там хорошо, где нас нет!

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 – Сердцелов! –
 Только там хорошо, где ты нов:
 Не заведом, не дознан, не вызван.
 «Прижились», –
 Эта слизь называется – жизнью!
 – Переезд! –
 Не жалейте насиженных мест!
 Через мост!
 Не жалейте насиженных гнезд!
 Так флейтист, – провались, бережливость!
 – Перемен! –
 Так павлин
 Не считает своих переливов.
 – Ти-ри-ли!
 Провалитесь, мешки и кули!
 – Ти-ри-ли! –
 Проломитесь, мучные лари!
 Вместо гаммельнских – флейта не ферма! –
 – Переступ –
 Лип и круп,
 Есть индийские пальмы и перлы.
 Перелив.
 Человек не ключарь кладовых!
 Половик,
 Червь, а не человек – тыловик!
 Это – Гаммельн, а есть Гималаи:
 Райский сад.
 Так да сяк –
 Этот шлак называется – Раем!
 Оторвись!
 По дорогам цветет остролист!
 Отвались!
 По оврагам цветет барбарис –
 Кисловатый.
 Лишь бы сыт!
 Этот стыд называется: свято.
 Крысы, с мест!
 Не водитесь с сытостью: съест!
 Крысы, с глаз!
 Осаждаемый сытостью – сдаст
 Шпагу...
 ☐☐О крысоловах злословят!
 Дело слов:
 Крысо-лов?
 Крысо-люб: значит любит, коль ловит!
 Крысы, в...
 – Што ж мы?
 – В чем дело ж?
 – Тошно!
 – Приелось!
 – Вкусно ж, –
 В чем тайна?
 – Скушно:
 Крайне.
 Без борьбы человек не живет.
 – У меня отрастает живот:
 До колен, как у царских крыс.
 – У меня – так совсем отвис.
 – Без борьбы человек не жилец!
 – У меня разминулся жилет
 С животом: не разлад, а брешь.
 – У меня объявилась плешь.
 – Житие – не жысть!
 – Разучился грызть!
 – Не поход, а сласть!
 – Разучился красть!
 – Утром – булки, не меньше двух.
 – У меня пропадает слух.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– У меня пошатнулся зуб.
– У меня остывает зуд
В зубах...
– Без слуги не влезаю в башмак...
– Есть такая дорога – большак...
– Без борьбы и овраг – острог...
– Хорошо без сапог!
– Не поход – погост.
– У меня отсыхает хвост.
– В полдень – клёцки, не меньше трех...
– У меня – так совсем отсох.
– Без обид, без злоб...
– Назревает зоб...
– Чуть обут-одет –

Уж опять обед

Из трех блюд...

– Знали б – за́ версту обошли б!
– Помнишь странную вещь: башлык?
Сшиб да стык,
Штык да шлык...

– Без слуги не влезаю в обшлаг...
– Есть такая дорога – большак...
– В той стране, где шаги широки,
Назывались мы...
– Больше сил моих нету: пасс!
– У меня заплывает глаз.
– У меня опадает слог.
– У меня – так совсем затек

Мозг.

– В Москву! – В Карлсбад!
– У меня оседает зад.
– У меня, по утрам, прострел.
– У меня – так совсем осёл

До земли...

– Лыжи – и к Богу!
– Грыжа!
– Изжога!

Свыкнись –

И крышка!

Сытно –

Слишком.

– Три денька таких – и готов!
– Начинаю любить котов

И купцов...

– Заушат – прощу.
– Завтра дочку свою крещу:
Мне-то – всё одно, ну, а ей –
Ей – целей.

– Не бивак – насест!
– У меня пропадает жест.

ФЛЕЙТА:

Где-то Инд...

– Начинаю вдаваться в винт.
– Различать твое.
– Запирать белье.
– Без штанов махал! –

Начинаю вводить крахмал
В туалет.

– Самолично вощить паркет.
– Господа, секрет:

Отвратителен красный цвет
Мне.

– Нам всем!
– От стыда засыпаю в семь.
– Недурен наезд!
– Начинаю бояться мест

Под мостами.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Масс.

– Материнских глаз.

– Ну а я – стрельбы!

– Отчего у дворян гербы, –

А у нас...

Гладко, –

Как шваброй!

– Взятки!

– Подагра!

– В трюм бы!

– В гром бы!

...Тумбы.

...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

ФЛЕЙТА:

Пе – ре – корм.

– Всё назад чуть съем.

– И естественно: после схем,

диаграмм – да в склад!

– Обращение камерад

устарело. Ввиду седин

предлагаю вам господин...

Господин гражданин...

Для ... форм.

ФЛЕЙТА, настойчиво:

Перекорм.

Пересып.

Ели б досыта – не пошли б,

спали б домертва – не прошли б

ни километра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:

Перепев.

Пересест!

Не жалеите насиженных мест!

Перемен!

Не жалеите надышанных стен!

Звёзд упавших – и тех не жалейте!

Мертвым – мир.

Выход в мир

вот по этой по самой аллейке, –

чуть левей.

– У меня пятьдесят сыновей!

Как один.

– У меня проржавел карабин.

– Полно – залежь.

Их – по рвам!

– Без программ

из амбара – да в Индию?!

– Брали ж

перекоп!

Не искали ж протоптанных троп

на Москву!

– К черту всю

быль с ее трехсотлетними Lind'ами! [26]

– Идем завоевывать Индию!

Напролом!

– У меня недостроенный дом!

– Строим – мир!

– У меня недоеденный сыр!

– Выше носу же не переплюнешь!

ФЛЕЙТА:

Переплюнь!

В синь! в июнь!

В новизну! и к тому – новолунье ж!

Чтоб шагать молодцом –

Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак –

Выступать натошак!

– Да здравствует полк!

Клыков перещелк.

Довольно с нас круп!

Курков перещуп.

...Сала и масла гарного!

Да здравствует красная...

– Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!

Свежесть, которой триста

Лет – не свежа уже! Шагом, марш!

Кто не прокис – окрысься!

Нам опостылел молочный рис!

Погорячее в ранцах!

Три миллиарда индийских крыс

Велико – оке – анских

Ждут, лихорадочные рои

Крысьего штурм унд дранг'а!

С кошками мускусными бои

На побережьях Ганга

Ждут. Не до слоек, не до колбас

Гаммельнских, венских, пражских!

Мы – на вселенную! Мир – на нас!

Кто не пропах – отважься!

Вот оне, слойки!

Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!

Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши –

Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!

Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью – вестью – страстью – выстрелом –

Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...

Ах! а с балкона...

Вроде ожога...

Вроде поклона...

Вроде Ширази

Щёчного – тссс...

Кажется – розу

Поднял флейтист?

(дело вежливости!)

Не задерживаться!

Вышел радоваться, –

Не оглядываться!

Вот он, в просторы – лбом,

Города крайний дом.

* * *

– Око – ём!

Грань из граней, кайма из каём!

«Отстаем», –

Вот и рифма к тебе, окоём!

Скороход

В семитысячемилевых, флот,

Обогнавший нас раз

Навсегда – дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!

Растопляющий всякую явь –

Аки воск, –

Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!

Синим по синю (восемь в уме),

Как по аспиду школьной доски,
Давшей меру и скорость тоски:
Окохват!

Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ

О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж

Эта жгучая женская блажь

Орд и стай –

По заглатывателю тайн.

Окоим!

Окодер, окорыв, околом!

Ох, синим –

синё око твое, окоём!

Вышед в вей,

Допроси строевых журавлей,

В гаолян –

Допроси столбовых каторжан!

– Он! – За ним?

– Он же! – Ну а за? – Он же...

– Джаным!

Здесь – нельзя.

Увези меня за

Горизонт!..

* * *

– Шел или спал?

– Штиль или шквал?

– Рус или сед?

– Наш ли уж свет?

– Дали не те!

– Ели не те!

– Горы не те!

– Гулы не те!

– Наш или тот?

– Час или год?

– Год или три, –

Сколько же шли?

– Даль не та!

– Пыль не та!

– Синь не та!

Тень не та!

– Плыл или мчал?

– Гаммельн? Квартал.

– Гаммельн? Проспал.

– Гаммельн? Читал

В сказке.

– Весьма не новая

Сказка: левой Ганновера.

– Лес не тот!

– Куст не тот!

– Дрозд не тот!

– Свист не тот!

– Юн как Ахилл!

– Гаммельн? Гости́л!

– Гаммельн? Простыл!

– Гаммельн? Учил

В книжке, покамест тамбу́ром

Тетки...

– С меня, так Гамбурга

Хватит!

– Вздох не тот!

– Ход не тот!

– Смех не тот!

– Свет не тот!

Синь, а не бел!

– Гаммельн? Пробел.

– Гаммельн? Прозрел:

Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном
Обществе: hamme|braten.[27]

Славный кусок!

– Гаммельн? Дай срок!

– Гаммельн? Заскок!

– Гаммельн? Отек

Мозга.

– Вниманья требую:

Гаммельна просто не было:

Пыль.

Мель.

Моль.

Нуль.

Наша соль – пыль от пуль!

Наша быль – рваный куль!

Пусть злее чумы, –

Всё ж соль земли – мы!

Наша кровь – та же смоль!

Раз кровь – кровью смой!

Пусть ропщут умы, –

Всё ж кровь земли – мы!

Наша дробь – та же трель!

– Эй, раб! Влево цель!

Пав ниже земли, –

Всё ж цвет ее...

– Говорю вам: не те холмы!

– Не Германия!

– Много далее!

– Не Германия!

– И не Галлия!

– Одурманены!

– Знай да захивай!

– Не Германия!

– И не Влахия!

– Тише тихого!

– Дольше длинного!

Коль не Скифия,

Значит...

– Индия!

ФЛЕЙТА:

Индостан!

Грань из граней, страна из стран.

Синий чан –

Это ночь твоя, Индостан.

Здесь на там

Променявший, и дай на дам,

Гамма гамм,

Восходящая прямо в храм.

Рис, маис,

Промываемый девой из

Кув – шинá:

Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок

После зарослей и тревог

В пушинú –

В тишину твою, Индостан –

Человек...

* * *

– Пáгоды куполá!

– Что-то синим-синё!

– Рисовые поля!

– Пальмовое вино!

С первоначальных бед,

С первоначальных дрём

Детский и крысий бред

Сахарным тростником.

Миру который год?

Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!
Не целина – шагреня!
У синевы налет
Сливы. – Четвертый день
И никоторый год.
Смол
Гул.
Вол.
Мул.
Не полотно – резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил
Демона. В первый раз
Молотом о кремень.
Миру четвертый час
И никоторый день.
Де – вы
Ганга!
Древо
Манго!
Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру четвертый миг!
Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...
Ока последний взмах –
И никоторый миг
Миру...
СТАРАЯ КРЫСА:

Так-таки и зудит!
Что-то – будто бы – точно – вид
Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром
Смахивает...
– Тюрбан! Брамин!
СТАРАЯ КРЫСА:

Чтó за Индия, где овин
На овине...
– Бомбей! Базар!
Дервиш с коброю!
СТАРАЯ КРЫСА:

– И амбар
На амбаре...
– Дворец раджи!
СТАРАЯ КРЫСА:

Вот так тропики в поле ржи!
Черным по белу, по складам:
Пальма? Мельня. Бамбук Шлагбаум.
Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех
Милях, – горсточка, а не полк!
ФЛЕЙТА:

Кривотолк!
Рвите шкурника, чтобы смолк!
Крив и кос
Тот, кто в хоботе видит нос
Собственный и в слоне – закром.
Крив и хром.
(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Хроматические гаммы лжи!)

Лжец и трус
Тот, кто в будущем видит – гуз,
Мертв и сгнил
Тот, кто, идучи, видит тыл
Собственный, и в просторах – порт.

Перевёрт!
Передёрг!

Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит.
Ибо Музыки – динамит –
Младше...

– Все на единый фронт:

Горизонт!

– Озеро!

– Яхонт!

– Розовым

Взмахом

– Видишь? –

Самим бы!

Ибис!

Фламинго!

СТАРАЯ КРЫСА:

Синее – топит!

– Зеркало тропик!

Кротость –

В сапфирах!

Лотос!

Папирус!

В воду –

Как в спальню.

Озеру –

Пальмы

Низкопоклонство.

– Смоем!

– Напьемся

Соком лотосовым: покой.

ФЛЕЙТА:

Водопой!

Дальним – варево и постой.

Спят и пьют.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это – пруд

Гаммельнский: триста лет, как сгнил!

ФЛЕЙТА:

Кро – ко – дил!

– Сбудется!

– Близится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Лужица!

Жижица!

– Шелком ластится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Головастики!

Безголовым и главарю:

Головастики, говорю!

ФЛЕЙТА:

Словарю –

Смыслов нищему корчмарю,

Делу рук –

Кто поверит, когда есть звук:

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Царь и жрец.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это лжец,
Лжец, агент!
ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка – инструмент!
СТАРАЯ КРЫСА:

Trug und Schand! [28]
ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка – музыкант!
Обосóбь!
СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это топь,
Гать!
ФЛЕЙТА:

Пусть так!
Лучше Музыка, чем мышьяк.
СТАРАЯ КРЫСА:

Смерть!
ФЛЕЙТА:

□□Что в том?
Лучше озеро, чем закрóm,
Сплыл, чем сгнил!
Тина? Полно! Коралл! Берилл!
Изумруд...
Ведь не в луже, а в звуке – мрут!
Что́ тело? Тени тень!
Век тела – пены трель!
Нир – вана, вот он, сок!
Ствол пальмы? Флага шток.
В мир арок, радуг, дуг
флагштоком будет – звук.
Что́ – руки! Мало двух.
Звук – штоком, флагом – дух.
Есмь: слышу! («вижу» – сон!)
Смысл выше – ниже тон,
Ни – жайший. Тела взмёт,
И – тихо: нота нот.
Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа.
(В смерти...)

□□С миром глаза смежи...
– Этой Индии мы – раджи!
* * *

Раджа на радже!
Но крыс тех уже –
Никто и нигде:
Круги на воде.
В ратуше
(Глава пятая)
Тайные, статские –
Здравствуйте, ратсгерры!
Старого Гаммельна
Стены избавлены
От даровых жильцов.
Праздник котлов,
Шествие прóтвене́й, –
Крысы утоплены!
Не был Цезарем бы –
Стал бы поваром бы...

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!
Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады – от хищников,
Головы – от идей.
В сковороду – бей!
Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
– Цукром с цикорием –
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.
Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дожили:
Крысы уложены.
Сладко ль, солоно ли –
Делать нечего
Вам – исполненное,
Мне – обещанное.
Трепеток.
Шепоток.
Раты – вкось,
Герры – в бок.
Щеки – мак,
Брови – еж:
– То есть – как?
– То есть – что ж?
(Полка с мопсами
В лавке глиняной!)
– Что же – собственно?
Что же – именно?
– Ясно и точно, без некто и где-то:
В собственность деву, по имени Грета.
– Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.
Ганс или Грета. Не Грета – Ганс.
За валунами в реку –
В Гаммельн за Гретами. Контраданс:
Коли не Ганс – так Грета.
Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжинами!
Не косорукий, да не слепой –
Уж себе Грету сыщешь!
Яминка – всё на один покрой! –
В ямку и прыщик в прыщик.
Оспа в оспину,
Чутка в чуточку.
Чью же собственно
Грету?
– Шутите!
Чью же, думали, высвистывал
Грету – как не бургомистрову?
Кипяток.
Топотёж.
Раты в скок,
Герры – в лёжь,
Раты – в ик,
Герры – в чих.
– И шутник!
– И жених!
Сто кабанов захрюкало:
Заколыхали брюхами.
– Ой насмешил! Утешил же!

Заполыхали плешами.

– В эдаком фартучке

Девоньку?

– Так-таки.

– С коробом почестей

Девоньку?

– В точности.

Раты – в фырк,

Герры – в верт.

– Ну и франт!

– Ну и ферт!

Очи – в узь,

Щеки – в глянец.

– Ну и гусь!

– Ну и Ганс!

С кузовом серебра –

Девоньку?

– Сеяли!

– Полную житницу

Девоньку?

– Жните же!

– Нотный тюк!

Штанный клок!

– Ну – супруг!

– Ну – зятек!

Уж и шустр!

Уж и быстр!

Ржет без чувств

Бургомистр.

– Наспех, да наскоро

Свадебку?

– Ратсгерры!

– Первую в городе

Девушку?

– Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,

Тот, кто освободит

Город – хоть слеп, хоть спятил! –

В дом бургомистра зятем

Вступит, в графу особ

В городе – первых»...

– Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда, –

В думе! Шажком! Анданте!

Только про беса и про жида,

Где же про музыканта

Сказано?

□□Как завершен обряд –

Милости просим, брате!

Всяк музыканту на свадьбе рад –

Только не в роли зятя.

За музыканта! за нотный крюк!

Звук! – флейтяную дырку!

Где ж это видано, чтобы вдруг

Да с музыкантом – в кирку?

За музыканта! За нервный ком –

Дочку! милей ковач мне!

Что же и делать-то ей с тюком

Нотным – на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!

Может – в краях незнамых –

Только не слыхивал Гаммельн, чтоб

За музыкантов – замуж!

– Что есть музыка? Щebet птах!

Шутка! Ребенок сладит!

– Что есть музыка? – Шум в ушах.

– Увеселенье свадеб.

– Беспоследственный дребезг струн.

– Скука и крики браво.
– Что есть музыка? Не каплун,
А к каплуну – приправа.
– За – бывается: молод был –
Сам загибал преловко!
– Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.
– Околпачивающий пар.
– Нет! Музыкантов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.
– Полегонечку – за пивцом –
Да чтобы женский пол был...
Две-три арийки перед сном...
Только не очень долго.
– Что есть музыка? с первых нот:
«Что бы вам, братцы, кончить?»
– Ну а я так – наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!
– Рано встав,
Да коли восемь ртишек...
– Превышение всяких прав.
Гетто: себя не слышишь!
– Музыка? Гриф
С лентами.
– Шлиф.
– К зёву позыв,
– Так... перелив...
– После сольцы – пирожное...
– Из пустоты – в порожнее...
– Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.
Аффектация неких чувств,
Коиx и нету. Хам, мол, –
Кто не чувствует.
– Как ни тщусь
Что-либо, кроме гаммы –
Беспоследственно.
– Факт есть факт:
Музыка есть антракт.
– Рукоделие праздных дур.
Что до меня – так стойко:
Пуще всяческих увертюр
Мне по нутру – настройка
Перед оными.
– Фонд есть фонд.
Музыка есть афронт –
Смыслу здравому. Вящий вздор,
Нежель чулок с ажуром.
БУРГОМИСТР:

Выше-высказанное – вздор.
Истина есть. Скажу вам.
Думали – гриф
С лентами? Шлиф?
К зёву позыв?
Так... перелив –
Музыка? Тиф –
Музыка! Взрыв!
По степи – скиф!
Жил перерыв!
За головню – да гольми –
Хвать! Из огня да в полямя!
Пострашнее, чем шум в ушах,
Грезы, глаза зажмурия.
Музыка – это банков крах,
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На Рождество предместий.
Quatuor[29] четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.
Рабской сущности унтергрунд –
Музыка – есть – бунт.
Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста: – клоком – фата!
За фортепяно – ведьма!
Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрема –
В креслах? Бесы на площади
Думской – и бесы в доме!
Женской сущности септ-аккорд –
Музыка – есть – черт.
Лупоглазого школяра
В пасмах – кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ca ira![30]
Ратсгерры, вот вам гамма!
В оперении райских птах
Демоны: stirb und töte![31]
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте –
Пред Бетховеном.
Брови – вверх,
Краска – в нос.
Раты – в перх,
Герры – в чёс.
Раты – в крёт,
Герры – в чох.
– С нами фохт!
– С нами Бог.
Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,
Новорожденски-розов
И Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах –
Это не так серьезно».
Бурго-же-мистр, величав и льдист:
– В вас говорит артист.
РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

Tempi passati![32]
БУРГОМИСТР:

Ратсгерры, сядьте!
Шутки – за рюмкой.
Думсгерры, думьте!
Можно ли – непостижим Господь –
За музыканта – плоть
Нашу?
* * *

В городе – впрочем, одна семья
Гаммельн! И так, в семействе
Гаммельнском – местоименья «я»
Нет: не один: всё вместе.
За исключением веских благ
Я – означает всяк.
Славное слово, и есть в нем прок:
Всяк! Так и льнет шубейкой!
Автору же этих скромных строк
– Озолоти! убей хоть! –
Только одна в нем – зато моя! –
Буква понятна: я.
Необоримая! Так алмаз
Жив в черноте пожара.
Неповторимая! Что есть аз?

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Что́ не бывает парой.

На языке невозвратных рас

Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы...

Впрочем, язык прикусим.

Страшное слово! Страшней грозы

В полночь, гостей за гусем:

я! (В пожирающем большинстве

я означает – всё).

Как у соседей! как у людей!

Не мое дело – всё так!

Автору же, ясновидцу лжей,

Оку – из самых светлых,

Только одна в нем – прошу понять –

Буква доступна: ять.

я: нагруженная по края

яблонь: снимай не снимешь!

В Гаммельне ж – вместо имения: я –

Мы – лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын –

С буквы когда – в аршин!

(Право гигантов!)

– За музыканта?

Это пикантно!

Это пикантно!

Время – пропало!

Место – пространство!

– За зубоскала!

– За голодранца!

– Без будущего!

– За дудочника!

В доме – гнусь.

В лавке – долг.

Черный гусь!

Белый волк!

С крыши – душ,

В спальне – шtrand.

– Кто ваш муж?

– Му – зы – кант.

Рук – вместо платы,

Плеск – вместо мяса.

– За звездохвата!

– За лоботряса!

В грезы да в планы

Первенца кутай.

– За великана!

– За лилипута!

– За опусника!

– За фокусника!

Вечный иск!

Всё в ломбард!

Крысий писк

Квинт да кварт.

Деток – кладь.

Geld ist Sand.[33]

– Кто ваш зять?

– Му – зы – кант.

Дудка! для этого нужен дых

Дюжий, – весь день дудишь-то!

Не затруднительно в молодых

лэтах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники

чистить. В слепцы, с жестянкой?

А неоплатные должники –

Всё они музыканты!

Ратсгерры белым

Полняются гневом:

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Первую в целом
Городе – деву?
Первому? – браво!
Встречному? – ново!
– За крысодава?
– За крысолова?
– Бессахарника?
– За каторжника!
Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.
Помер – преи.
Unbekannt.[34]
– Кто был сей?
– Му – зы – кант.
Сомущены – в сумятице –
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:
– «В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном – тот же брак,
Что соловья с капустой.
К Розе приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,
Над соловьем моим слезы лью,
А соловей – женатый!
Гения с Гаммельном – где же такт?
Вкус? – не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей – в законе?
Брак – это за́ борт: засесть, залечь,
Закись – тюфяк – свинина..
Не небожителя слышу речь,
Други, а мещанина!
Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли – так я – предместье!
Но небожителю – что́ за честь
Звать бургомистра – тестем?
Многозначителен – так красив,
Высокосерд – так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?
Кухонку?
Куколку?
Кольчи́ко?
Только-то?
Что не для лириков – Гименей,
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей –
Недопустимый казус!
Коль небожители в царстве тел –
Ни лоскутка на дыры
Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:
Нам – только видимый, вам же весь
Прочий (где несть болезни!).
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.
Вам – миродержествовать, нам – родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть –
Попросту непристойно!
Так предоставьте же сладкий кус
Обыкновенным смертным!
Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище – не́ктар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ –
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите – чтоб мы плодились!
А бургомистрову дочку – план
Дольний – другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья
Следующих...»
Поразрумянился весь совет,
Лбищи понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одне чужие.
Не мудрено: на земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд, –
Только одна, и та ведь
Авторская... Шепоток вдоль стен:
«Что́ бы ему взамен?»
– Что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину
Недорогих носков!
– Туфельку для часов!
– Что-нибудь на́ стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
– Дело ведь не в цене!
– Нотную папочку!
– Тросточку! На́ плечи
Что-нибудь из тряпья!
– Кисточку для бритья!
– Так себе – чуточку!
– Штучно! – Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
– Главное – от души!
– Самую капельку!
– Крохотку! – Крапинку!
– Каб налицо – сюртук,
я б предложил – утюг:
Прочно и дешево!
– Главное – пошибом
Взять: для подобных бар
Жест – наилучший дар.
Прочее – дорого.
– Дешево – здорово!
Без роковых затрат,
В дельности – аттестат.
Деньги – безвкусица!
Каперцы, устрицы, –
Не диабет – нефрит.
– Гений мечтами сыт.
Доброе мнение –
Вот она, гению,
Плата: кошель похвал.
– Смертный дороже б взял.
Стало быть – аттестационный лист.
РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

– Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он – флейтист,
Значит – футляр на флейту!
Раты – в плёск,
Герры – в хлоп.
– Ну и мозг!
– Ну и лоб!
Geben – frisst,
Leb' heisst spar'...[35]
Раз флейтист –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так футляр.

– Слажено! – Сложено!

– Замшевый! – Кожаный!

– Для музыкальных душ

Так же приятен плюш.

– Стало быть – плюшевый!

– Ратсгерры, кушанье

Стынет. – Коль нежность – цель,

Так же нежна фланель.

– Главное – умысел!

– В траты не сунувшись,

чтоб от души – к душе –

Так из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе

Прок был – у всех была бы.

А в переводе папье-маше –

Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!

Боги – а рты замажем!

Так же как критика – соловью:

Жвачкой, притом – бумажной.

– Чистой! без примеси!

– Принято! Принято!

– Хлопковой! Рисовой!

– Bravo! Подписано!

БУРГОМИСТР:

Не проскочил – в зятя!

Но, человека чтя

И в музыканте –

Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,

Постановленье ратуши:

Гаммельн – не в царстве душ.

Раз музыкант – не муж,

Раз музыкант – не зять.

В названной отказать

девушке. (В царстве цен!)

И предложить взамен

нечто из царства чар:

На инструмент – футляр.

Жвачно-бумажный.

Ибо не важно –

что – («Вещество – лишь знак».

Гёте) – а важно – как.

Тих как мех.

Тих как лев.

Губы в смех.

Брови в гнев.

Выше звезд,

Выше слов,

Во весь рост –

Крысолов.

«Раз музыкант – так мот.

Дудки не бережет

Дудочник. Треснет – свистнет,

Чехолоненавистник

Он – и футлярокол.

Раз музыкант – так гол.

Чист. Для чего красе –

Щит? Гнойники скрывают!

Кто со всего и всё

в мире – чехлы срывает!

Нехороша – так пнуть!

Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух

Вам протрубят к обедне

В день, когда сбросит дух

Тело: чехол последний.
В день, когда станут – льды.
В душу – и без трубы.
Не в инструменте – в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего – без глаз
Видящий. Самый гудкий
И благодарный зал –
Грудь. Никогда не мал.
Не соловью беречь
Горло. (Три капли на ночь!)
Что до футляра – в печь!
Или наденьте на нос...
Ратсгерры! Долг и мзду –
Дочь бургомистра. Жду».
Зашушукали: шу-шу-шук...
«За каких-нибудь десять штук
жалких – благо бы крыс! – мышей!
Не видать как своих ушей».
Грета, Грета, попалась в сеть!
Легче уши свои узреть,
Нежель душу.

– Камыш, шурши!
Не видать как своей души.
Детский рай
(Глава шестая и последняя)
Розан ал, студень гол,
А будильник – зол.
В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-Ост – в спину! Норд-Вест – в полы!
Не продравши глаз –
В класс! в класс! в класс!
Жарче шуб, слаще дынь –
А будильник: дзинь!
Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!
Собирай-бирай мозги!
Тьма – ни зги! ни зги! ни зги!
Но – гами в чан!
Под кран! Под кран!
Не роман и не драма, – скушна весьма!
Из-под крана смывайте румяна сна!
Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,
Так от готов и гуннов – а мир был мал! –
Что осталось? Хороший балл.
Гул да балл.
Гунн да галл.
(Спутал – влёт).
Галл да гот.
Гот да галл.
– Слишком мал –
Гунн да гот,
– Бутерброд.
Гунны – конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит – плюс.
Цезарь – немец.
□□Сейчас проснусь.
Спит сурок, спит медведь.
– Спать не сметь! не сметь! не сметь!
Спит мертвец, спит индус.
– Отосплюсь – просплюсь – просплюсь...
Буки – Аз –
В щелки глаз.
Сотней ос –
В ноздри, в нос.
На сто лет, на сто мод –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мой завод – завод – завод.
– Рухнет дуб, рухнет трон –
Заведен – ведён – ведён.
Сотни лет, сотни мод –
А что дальше будет –
Скажет тот, скажет тот,
кто будильник – будит.
Что́ есть час? что́ есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот,
кто будильник грохнет.
Час пропал, день сгорел,
А будильник – цел.
Были доли –
Выросли горы.
Нынче – в школу,
Завтра – в контору.
Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...
Утомительней мошканы...
– Шко – ля – ры!
Что́ это? Новый звук!
Книги летят из рук
– Мимо – и прямо в печь.
Руки хотят от плеч,
Слезы хотят из глаз,
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп –
В школьную Morgensupp! [36]
Звуки! Звуки! Как из лейки!
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта
Это флейта залилась!
Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-притоп, топот пряд
– флейта, лей нам! флейта, пой нам! –
жеребят, козлят, телят.
Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.
Что ливень с суков,
что щебень с горы –
Со всех чердаков
Горох детворы.
Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.
Ливня, ливня барабан!
Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад!
Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!
В роще – сойки, в роще – зайки,
В роще – белые дрозды!
Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают жития.
– Дет – во – ра!
Золотых вечеров мошкара...
Ди – ка – ри!
Голосистых прудов пискари...
Прочь из нор!
Мотылек – не сурок, не бобер.
Прочь из школ!
Ведь еще первоцвет не отцвел.
Есть у меня – не в службу, а в дружбу! –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
 – Глубокая ловля и быстрая гребля, –
 Для девочек – иглы, для мальчиков – кегли,
 На – ряд и доспех,
 И – вафли – для всех.
 Птичкам – рошица, рыбкам – озерце,
 На всё особи, на всё возрасты!
 Младшим – сладости, старшим – пряности, –
 На всё тайности, на всё странности.
 Блеск – больно глазам:
 Эдем и Сезам.
 Под родительскою крышею
 Вы там-там бессонный слышали?
 Под родительскою кровлею
 Кто шербет блаженный пробовал?
 Дом – тесный загон
 Для львов и для жен.
 Есть у меня – сказал, так в ладони! –
 Для девочек лани, для мальчиков кони,
 Плоды Соломона и розы Саади,
 Для мальчиков – войны, для девочек – свадьбы,
 Весь мир – нараспев
 И ласка для всех.
 Рыбки в лужице! Птички в клетке!
 Уничтожимте все отметки!
 Рыбкам – озерце, птичкам – лето, –
 Уничтожены все предметы!
 Рож – девственский стол
 В древнейшей из школ.
 – Говорят, что он в зеленом!
 – Где ж он? – Я иду за звоном.
 – Он в жару меня баюкал.
 – Где ж он? – Я иду за звуком.
 – Я за красною фатой.
 – Я за старшею сестрой.
 – Говорят, что рай – далёко.
 – Я не выучил урока.
 – Что-то боязно мне втайне.
 – Я – за дальним. Я – за крайним.
 – Я – чтоб детство навестать.
 – Не остаться. – Не отстать.
 – За отчаявшимся кладом.
 – Я – за славой. Я – за стадом.
 – Все равно – домой нельзя уж!
 Я – так за́ море! Я – замуж.
 – Потому что в школе бьют.
 – Потому что все идут.
 – Ночевать хотел бы в сене.
 – Я – за францем. Я – за всеми.
 – Воевать хотел бы с львами.
 – Я? не знаю. Ноги сами.
 Потому что фатер – бьет.
 Потому что – всё идет!
 ...Колотушки – и те в миндалинках!
 Погремушки для самых маленьких!
 Сказки – пастора рассмешишь!
 И романтики для больших.
 На всякие нужды! на всякие вкусы!
 Для мальчиков – пули, для девочек – бусы.
 На всякие жажды! на всякие масти!
 Для мальчиков – игры, для девочек – страсти.
 Без свах, без помех.
 И – письма – для всех.
 – Говорят, что он заводит,
 Топит. (Ворочай, народец!)
 – Заведет, потом загубит!
 – Раз не может, так не будет
 Хуже! – В лад – так не злодей!

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– В ад – так без проповедей!
– Хорошо еще, что вместе,
Кучей. – А сказать по чести...
(То с воды идет, то свыше, –
Где ж он?) – Ничего не слышу:
Ни гопп-гопп и ни ду-ду, –
Всё идут, и я иду.
– Есть у меня – всё, всё, кроме ренты!
Для мальчиков флинты, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек – звуки, для мальчиков – смыслы,
Сих – с теми – родство.
И – рифма – на всё.
Ветер в полы!
Мимо школы!
Целым цирком –
Мимо кирки.
Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан –
До свидания, классный!
До свидания, пастор!
Не напишем и не пиши!
– Малыши!
Есть у меня – не всё перескажешь! –
Для мальчиков – радость, для девочек – тяжесть,
Нежна – перелюбишь, умна – переборешь.
Для мальчиков – сладость, для девочек – горечь.
Дно – страсти земной...
И – рай – для одной.
Здесь – пути,
Здесь – числа...
Разруха...
Разлука...
Рай – сути,
Рай – смысла,
Рай – слуха,
Рай – звука.
Точно облачко перистое,
Шепот: Грета бургомистрова!
Стройтесь, резвые невестины
Сёстры в свадебное шествие.
Позабыв о сальных бальниках –
За руку берите маленьких.
Школьный дом уже с горошину!
На руки берите крошечных
Братцев аистовых...
– Не раскаиваться!
Вроде благовеста...
– Не оглядываться!
Вот он, в просторы стай,
Города самый край.
– Зарастай,
След от ног наших. Спросят – в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.
Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.
Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.
Жить – стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить – врагу!
Всё, что вечно – на том берегу!
В царстве моем – ни тюрем, ни боен, –

Одно ледяное! одно голубое!

Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей

Для девочек – перлы, для мальчиков – ловля

Их. – С грецкий орех!

И – ванна – для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,

жемчуг – чудная болезнь.

Хворост – сер. Хочешь – ал?

Вместо хворосту – коралл.

В царстве моем – ни свинки, ни кори,

Ни высших материй, ни средних историй,

Ни расовой розни, ни Гусовой казни,

Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето красно.

И – время – на всё.

Тише, тише, дети! Отданы

В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,

В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! Кто-то: ил!

Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! Кто-то: гул!

Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики

Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.

А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.

– Хри – зо – лит!

Красные мхи, лазурные ниши...

(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)

Зеркальные ложи, хрустальные зальца...

А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

– Берегись! По колено ввяз!

– Хри – зо – праз!

А вода уже по плечико

Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!

А вода уже по горлышко, –

Усладительней простыни...

– Хру – ста – ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce[37])...

А веку всё меньше, а око всё больше...

Болотная чайка? Младенческий чепчик?

А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!

Подступает к подбородочку,

Хороши чертоги выстроил

Нищий – дочке бургомистровой?

– Вечные сны, бесследные чащи...

А сердце всё тише, а флейта всё слаще...

– Не думай, а следуй, не думай, а слушай...

А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

– Муттер, ужинать не зови!

Пу – зы – ри.

Вшеноры, март 1925 – Париж, ноябрь 1925

С моря

С Северо-Южным,

Знаю: невозможным!

Можным – коль нужным!

В чем-то дорожном,

– Воздухокрутом,

Мчащим щепу! –

Сон три минуты

Длится. Спешу.

С кем – и не гляну! –

Спишь. Три минуты.

Чем с Океана –
Долго – в Москву-то!
Молниеносный
Путь – запасной:
Из своего сна
Прыгнула в твой.
Снюсь тебе. Четко?
Глядко? Почтище,
Чем за решеткой
Штемпельной? Писчей –
Стою? Почтовой –
Стою? Красно?
Честное слово
Я, не письмо!
Вольной цензуры
Нрав. Прыгом с барки!
Что без цензуры –
Даже без марки!
Всех объегоря,
– Скоропись сна! –
Вот тебе с моря –
Вместо письма!
Вместо депеши.
Вес? Да помилуй!
Столько не вешу
Вся – даже с лирой
Всей, с сердцем Ченчи,
Всех, с целым там.
Сон, это меньше
Десяти грамм.
Каждому по три –
Шесть (сон взаимный).
Видь, пока смотришь:
Не анонимный
Нос, твердозначен
Лоб, буква букв –
Ять, ять без сдачи
В подписи губ.
Я – без описки,
Я – без помарки.
Роз бы альпийских
Гордость, да хибарка
На море, да но
Волны добры.
Вот с Океана,
Горстка игры.
Мало-помалу бери, как собран.
Море играло. Играть – быть добрым.
Море играло, а я брала,
Море теряло, а я клала
За ворот, за щеку, – терпко, морско!
Рот лучше ящика, если горсти
Заняты. Валу, звучи, хвала!
Муза теряла, волна брала.
Крабьи кораллы, читай: скорлупы.
Море играло, играть – быть глупым.
Думать – седая прядь! –
Умным. Давай играть!
В ракушки. Темп *ur petit navir'a*. [38]
Эта вот – сердцем, а эта – лирой,
Эта, обзор трех куч,
Детства скрипичный ключ.
Подобрала у рыбацкой лодки.
Это – голодной тоски обглодки:
Камень – тебя щажу, –
Лучше волны гложу,
Осатанев на пустынном спуске.
Это? – какой-то любви окуски:

Восстановить не тщусь:
Так неглубок надкус.
Так и летит не внесенный в списки.
Это – уже не любви – огрызки:
Совести. Чем слезу
Лить-то – ее грызу,
Не угрызому ни на столько.
Это – да нашей игры осколки
Завтрашние. Не видь.
Жаль ведь. Давай делить.
Не что понравится, а что выну.
(К нам на кровать твоего бы сына
Третьим – нельзя ль в игру?)
Первая – я беру.
Только песок, между пальцев, ливкий.
Стой-ка: какой-то строфы отрывки:
«Славы подземный храм».
Ладно. Допишешь сам.
Только песок, между пальцев, плёский.
Стой-ка: гремучей змеи обноски,
Ревности! Обновясь,
Гордостью назвалась.
И поползла себе с полным правом.
Не напостовцы – стоять над крабом
Выеденным. Не краб:
Славы кирпичный крап.
Скромная прихоть:
Камушек. Пемза.
Полый как критик.
Серый как цензор
Над откровеньем.
– Спят цензора! –
Нашей поэме
Цензор – заря.
(Зори – те зорче:
С током Кастальским
В дружбе. На порчу
Перьев – сквозь пальцы...
(«Вирши, голубчик?
Ну и чёрно!»
И не взглянувши:
Разрешено!)
Мельня ты мельня, морское ко́ло!
Мамонта, бабочку, – всё смололо
Море. О нем – щепоть
Праха – не нам молоть!
Вот только выговорюсь – и тихо,
Море! прекрасная мельничиха,
Место, где на мели
Мелочь – и нас смели!
Преподаватели! Пустомели!
Материки, это просто мели
Моря. Родиться (цель –
Множиться!) – сесть на мель.
Благоприятную, с торфом, с нефтью.
Обмелевающее бессмертье –
Жизнь. Невпопад горды!
Жизнь? Недохват воды
Недокеанской.
□□Винюсь заранее:
Я нанесла тебе столько дряни,
Столько заморских див:
Всё, что нанес прилив.
Лишь оставляет, а брать не просит.
Странно, что это – отлив приносит,
Убыль, в ладонь, дает.
Не узнаешь ли нот,
Нам остающихся по́ две, по́ три

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В час, когда Бог их принесший – отлил,
Отбыл... Орфей... Арфист...
Отмель – наш нотный лист!
– Только минуту еще на сборы!
я нанесла тебе столько вздору:
Сколько язык смолол, –
Целый морской подол!
Как у рыбачки, моей соседки.
Но припасла тебе напоследки
Дар, на котором строй:
Море роднит с Москвой,
Советороссию с Океаном
Республиканцу – рукой шуана –
Сам Океан-Велик
Шлет. Нацепи на шлык.
И доложи мужикам в колосьях,
Что на шлыке своем краше носят
Красной – не верь: вражду
Классов – морей звезду!
Мастеровым же и чужеземцам:
Коли отстали от Вифлеемской,
Клин отхватив шестой,
Обречены – морской:
Прабогатырской, первобылинной.
(Распространяюсь, но так же длинно
Море – морским пластам.)
Так доложи ж властям,
– Имени-звания не спросила –
Что на корме корабля Россия
Весь корабельный крах:
Вещь о пяти концах.
Голые скалы, слоновьи ребра..
Море устало, устать – быть добрым.
Вечность, махни веслом!
Влечь нас. Давай уснем.
Вплоть, а не тесно,
Огонь, а не дымно.
Ведь не совместный
Сон, а взаимный:
В Боге, друг в друге.
Нос, думал? Мыс!
Брови? Нет, дуги,
Выходы из –
Зримости.
Вандея, St. Gilles-sur-Vie.

Май 1926

Попытка комнаты
Стены косности сочтены
До меня. Но – заскок? случайность? –
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь.
Кто те знает, спиной к стене?
Может быть, но ведь может не
Быть. И не было. Дуло. Но
Не стена за спиной – так..? всё, что
Не угодно. Деша «Дно»,
Царь отрекся. Не только с почты
Вести. Срочные провода
Отовсюду и отвсегда.
На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой –
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе – девятый.)
Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины
За роялем. Еще – столом

Письменным, а еще – прибором
Бритвенным (у стены – прием –
Этой – делаться коридором
В зеркале. Перенес – взглянул.
Пустоты переносный стул).

Стул для всех, кому не войти –
Дверью, – чуток порог к подошвам!
Та стена, из которой ты
Вырос – поторопилась с прошлым –
Между нами еще абзац
Целый. Вырастешь как Данзас –
Сзади.

□□Ибо Данзасом – та,
Званным, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: стена хребта!)

Входит в комнату – не Дантесом.
Оборот головы. – Готов?

Ты и ты через десять строф.
Строк.

□□Глазная атака в тыл.
Но, оставив разряд заспинный,
Потолок достоверно – был.
Не упорствую: как в гостиной,
Может быть и чуть-чуть косил.
(Штыковая атака в тыл –
Сил.)

□□И вот уже мозжечка
Сжим. Как глыба спина расселась.
Та сплошная стена Чека,
Та – рассветов, ну та – расстрелов
Светлых: четче, чем на тени
Жестов – в спину из-за спины.
То, чего не пойму: расстрел.
Но, оставив разряд застенный,
Потолок достоверно цел
Был (еще впереди – зачем нам
Он). К четвертой стене вернусь:
Та, куда, отступая, трус
Оступается.

«Ну, а пол –
Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»
Был. – Не всё. – На качель, на ствол,
На коня, на канат, на шабаш, –
Выше!..

□□Всем нам на «тем свету»
С пустотою срывать пята
Тяготенную.

□□Пол – для ног.
– Как внедрен человек, как вкраплен! –
Чтоб не капало – потолок.

Помнишь, старая казнь – по капле
В час? Трава не росла бы в дом –
Пол, земля не вошла бы в дом –
Всеми – теми – кому и кол
Не препятствие ночью майской!

Три стены, потолок и пол.
Всё, как будто? Теперь – являйся!
Оповестит ли ставнею?

Комната наспех составлена,
Белесоватым по серу –
В черновике набросана.
Не штукатур, не кровельщик –
Сон. На путях беспроводных
Страж. В пропастях под веками
Некий нашедший некую.
Не поставщик, не мебельщик –
Сон, поголее ревельской
Отмели. Пол без блёсткости.

Комната? Просто – плоскости.
Дебаркадер приветливей!
Нечто из геометрии,
Бездны в картонном томике,
Поздно, но полно, понятой.
А фээтонов тормоз-то –
Стол? Да ведь локтем кормится
Стол. Разлоктись по склонности,
Будет и стол – настольности.
Так же, как деток – аисты:
Будет нужда – и явится
Вещь. Не пекись за три версты!
Стул вместе с гостем вырастет.
Все вырастет,
Не ладь, не строй.
Под вывеской
Сказать – какой?
Взаимности
Лесная глушь
Гостиница
Свиданье Душ.
Дом встречи. Все – разлуки –
Те, хоть южным на юг!
Прислуживают – руки?
Нет, то, что тише рук,
И легче рук, и чище
Рук. Подновленный хлам
С услугами? Тощица,
Оставленная там!
Да, здесь мы недотроги,
И вправе. Рук – гонцы,
Рук – мысли, рук – итоги,
Рук – самые концы..
Без судорожных «где ж ты?».
Жду. С тишиной в родстве,
Прислуживают – жесты
В Психеином дворце.
Только ветер поэту дорог!
В чем уверена – в коридорах.
Прохождение – вот армий база.
Должно долго идти, чтоб сразу
Середь комнаты, с видом бога –
Лиродержца..
– Стиха дорога!
Ветер, ветер, над лбом – как стягом
Подымаемый нашим шагом!
Водворенное «и так дале» –
Коридоры: домашность дали.
С грачьим профилем иноверки
Тихой скоростью даль, по мерке
Детских ног, в дождеватом пруфе
Рифмы милые: грифель – туфель –
Кафель... в павлиноватом шлейфе
Где-то башня, зовется Эйфель.
Как река для ребенка – галька,
Дали – долька, не даль – а далька,
В детской памяти, струнной, донной –
Даль с ручным багажом, даль – бонной..
Не сболтнувшая нам (даль в модах)
Что там тащится на подводах..
Доведенная до пенала..
Коридоры: домов каналы.
Свадьбы, судьбы, события, сроки, –
Коридоры: домов притоки.
В пять утра, с письмецом подметным,
Коридором не только метлы
Ходят. Тмином разит и дерном.
Род Занятия? Ко – ри – дорный.

Тó лишь требуя, что смолола –
Коридорами – Карманьола!
Кто коридоры строил
(Рыл), знал куда загнуть,
Чтобы дать время крови
За угол завернуть
Сёрдца – за тот за острый
Угол – громов магнит!
Чтобы сердечный остров
Со всех сторон омыт
Был. Коридор сей создан
Мной – не проси ясней! –
Чтобы дать время мозгу
Оповестить по всей
Линии – от «посадки
Нету» до узловой
Сердца: «Идет! Бросаться –
Жмурься! А нет – долой
С рельс!» Коридор сей создан
Мной (не поэт – спроста!),
Чтобы дать время мозгу
Распределить места,
Ибо свиданье – местность,
Роспись – подсчет – чертеж –
Слов, не всегда уместных,
Жестов, погрешных сплошь.
Чтобы любовь в порядке –
Вся, чтоб тебе люба –
Вся, до последней складки –
Губ или платья! Лба.
Платье всё оправлять умели!
Коридоры: домов туннели.
Точно старец, ведомый дочерью –
Коридоры: домов ущелья.
Друг, гляди! Как в письме, как в сне том –
Это я на тебя просветом!
В первом сне, когда веки спустишь –
Это я на тебя предчувствьем
Света. В крайнюю точку срока
Это я – световое око.
А потом?
Сон есть: в тон.
Был – подъем,
Бал – наклон
Лба – и лба.
Твой – вперед
Лоб. Груба
Рифма: рот.
Оттого ль, что не стало стен –
Потолок достоверно крен
Дал. Лишь звательный цвел падёж
В ртах А пол – достоверно брешь.
А сквозь брешь, зелена как Нил..
Потолок достоверно плыл.
Пол же – что, кроме «провались!» –
Полу? Что нам до половиц
Сорных? Мало мела? – Горé!
Весь поэт на одном тире
Держится..
□□Над ничем двух тел
Потолок достоверно пел –
Всеми ангелами.
St. Gilles-sur-Vie,

6 июня 1926

Поэма лестницы
Короткая ласка

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

На лестнице тряской.
Короткая краска
Лица под замазкой.
Короткая – сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.
Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.
В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад –
В ад...
– стезею листков капустных!
Точно лестница вся из спусков,
Точно больше (что – жить! жить – жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.
Так, до розовых уст дорваться –
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край –
Кто – когда – забывал: прощай.
Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.
От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.
Знаешь проповедь
Тех – мест?
Кто работает –
Тот – ест.
Дорого в лавках!
Тош – предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.
В жизненной давке –
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.
Взрывом газовым
Час. Да-с.
Кто отказывал,
Тот – даст.
Даст!
(Нынче зубаст
Газ) ибо за нас
– Даст! – (тигр он и барс)
– Даст! – Черт, а не Маркс!
Ящик сорный,
Скажут, скажите: вздор.
И у черной
Лестницы есть ковер.
(Масти сборной,
Правда...) чеснок, коты, –
И у черной
Лестницы есть Coty.
Любят сласти-то
Червяки теснот!
Это – классика:
Чердаку – чеснок.
Может лечатся...
А по мне – так мечь:
Черной лестницы
Черноту заесть.
Стихотворец, бомбист, апаш –
Враг один у нас: бель-этаж.
Короткая сшибка
На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой –
Как скрипка, как сопка,

Как нотная стопка.
Работает – топка!
Короткая встрепка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.
Бьем до искр из глаз,
Бьем – в лёжь.
Что с нас взыскивать?
Бит – бьешь.
Владельца в охапку –
По лестнице капкой,
По лестнице хлипкой –
Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.
– Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.
Судор'жь! Сутоlochь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?
Что этаж – свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей
Лестницы есть низы,
Кто до слез, кто с корнем,
Кто так, кхи, кхи –
И у черной
Лестницы есть верхи.
– Вас бы выстукать!
– Киркой в грудь – ужо!
Гамма приступов
От подвала – до
Крыши – грохают!
Большинством заплат –
Маркса проповедь
На стравинский лад.
Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.
Не спевка, а сплёвка:
На лестницу легких
Ни цельного – ловко!
Торопкая склёвка.
А ярости – в клохтах!
Работают – ох как!
Что ни бросите –
Всё – в ход.
Кто не досыта ест –
Жрет.
Стол – как есть домашний:
Отъел – кладут.
И у нашей
Лестницы – карта блюд.
Всех сортов диета!
Кипящей бак –
И у этой
Лестницы – Франценсбад.
Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала – до
Крыши – стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си –
Гамма запахов!

Затыкай носы!
Точно в аду вита,
Раскалена – винта
Железная стружка.
Которая стопка
Ног – с лестницы швыркой?
Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.
Последняя сцепка
Двух – кости да тряпки –
Ног – с лестницей зыбкой.
Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.
Тихо. – Даже – кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час
Тишины...
Последняя взбёжка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.
Темнота всё стерла –
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час
Чистоты...
Откуда – узнай-ка! –
Последняя шайка –
– Рейн, рухнувший с Альп –
Воды об асфальт
Двора...
Над двором – узорно:
Вон – крест, вон – гроздь...
И у черной
Лестницы – карта звезд.
* * *

Ночь – как бы высказать? [39]
Ночь – вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться –
Вся! Все унижены –
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выпренности:
Вещь хочет выпрямиться.
Винт черной лестницы –
Мнишь – стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.
Высь – вещь надежная.
В вещь – честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря – мою линию.
Двор – горстка выбоин,
Двор – год не выгребен! –
Цветами, ягодами –
Двор бредит загородом.
Вещь, бросив вежливость:
– Есмь мел! железо есмь!
Не быть нам выкрестами!
Жид, пейсы выпроставший.
Гвоздь, кафель, стружка ли –
Вещь – лоно чувствует.
С ремёсл пародиями
В спор – мощь прародинная.
Стекло, с полок бережных:
– Пе – сок есмь! Вдребезги ж!

Сти – хий пощечина!
Стекло – в пыль песочную!
Прочь, ложь и ломанность!
Тю – фяк: солома есмь!
Мат – рас: есмь водоросль!
Всё, вся: природа есмь!
Час пахнет бомбою.
Ве – ревка: льном была!
Огнь, в куче угольной:
– Был бог и буду им!
Что случилось с кранами?
– Пал – бог и встану им!
Чтоб сразу выговорить:
Вещь хочет выздороветь.
* * *

Мы, с ремеслами, мы, с заводами,
Что мы сделали с раем, отданным
Нам? Нож первый и первый лом,
Что мы сделали с первым днем?
Вещь как женщина нам поверила!
Видно, мало нам было дерева
И железа – отвесь, отбей! –
Захотелось досок, гвоздей,
Щеп! удобоваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
Шаг? Планету, где всё о Нем –
На предметов бездарный лом?
Мы – с ремеслами, мы – с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом
Вещь... замкнулась и ждет конца
Вещь – на адском одре станка.
Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир – одушевленный некуда! –
Что же человек превнес?
Нужно же, чтоб он, сей видимый
Дух, болящий бог – предмет
Неодушевленный выдумал –
Лживейшую из клевет!
Вы с предметами, вы с понятиями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)
Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку которой – ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь –
(Потому-то всегда взрываемся!)
Что вы сделали с первым равенством
Вещи – всюду, в любой среде –
Равной ровно самой себе.
Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягиваю руку.
Человек – рубил.
Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек – взрывал.
Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает – ломом.
Стол всегда утверждал, что – ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.
В лакированных ваших клетках
Шумы – думаете – от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся, в пазях, орех.
Просыпаешься – как от залпа.

Шкаф разошёлся? Нет, нрав сказан
Вещи. Дворни домашней бал!
Газ взорвался? Нет, бес выиграл!
Ровно в срок подгниют перильца.
Нет – «нечаянно застрелился».
Огнестрельная воля бдит.
Есть – намеренно был убит
Вещью, в негодованьи стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень – навыки таковы:
Камень требует головы!
Мечь утеса. С лесов – мечь леса!
Обстановочность этой пьесы!
Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!
Всё страхующих – вплоть до ситки
Жестяной. Это ты – тростник-то
Мыслящий? – Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!
От Гефеста – со всем, что в оном –
Дом, а яхту – от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!
От Гефеста? А шпиль над крышей –
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.
Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни, спрашивается, боги,
Раз над каждым – язык неймет! –
Каждым домом – богоотвод!
Бухты, яхты, гешефты, кофты –
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только – сей:
Огонь, страхующий от вещей.

* * *

Вещи бедных. Разве рогожа –
Вещь? И вещь – эта доска?
Вещи бедных – кости да кожа,
Вовсе – мяса, только тоска.
Где их брали? Вид – издалёка,
Изглубока. Глаз не труди!
Вещи бедных – точно из бока:
Взял да вырезал из груди!
Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже – этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья, –
Весь октябрьский лес целиком!
Нищеты робкая мебель!
Вся – чего? – четверть и треть.
Вещь – давно, явно на небе!
На тебя – больно глядеть.
От тебя грешного зренья,
Как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул – там где о Вене –
Кто? когда? – страшая вещь!
Лучшей всех – здесь – обещен,
Был бы – дом? мало! – чердак
Ваш. Лишь здесь ставшая вещью –
Вещь. Вам – бровь, вставшая в знак
? – сей. На рвань нудную, вдовью
Что? – бровь вверх! (Чем не лорнет –
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть – предмет.
Так подчас пуст он и сух он –
Женский глаз, дивный, большой,
Что – сравните – кажется духом –
Таз, лохань с синькой – душой.

Наравне с тазом и с ситом
– Да – царю! Да – на суде! –
Каждый, здесь званный, пиитом,
Этот глаз знал на себе!
Нищеты робкая утварь!
Каждый нож лично знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то здесь, всем – за окном –
Тем, пустым, тем – на предместьях –
Те – читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: не примут в багаж.
Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...
□□В слезах –
Оттого что: не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а наш
Шкаф.
Оттого что сердце и душ
Не сдают в багаж.
Вещи бедных – плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.
Вещи бедных – попросту – души,
Оттого так чисто горят.
* * *

Ввысь, ввысь
Дым тот легкий!
Чист, чист
Лак от локтя!
Где ж шлак?
Весь – золой
Лак, лак
Локтевой!
Прям, прям
Дым окраин.
Труд – Хам,
Но не Каин.
Обшлаг –
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.
Стол – гол – на вещицы,
Стол – локтем вощится,
Воск чист, локоть востр.
За – стывший пот – воск.
Им, им – ваших спален
(Вощим, но не салим!)
Им, им так белы
Полы – до поры!
* * *
Вещи бедных – странная пара
Слов. Сей брак – взрывом грозит!
Вещь и бедность – явная свара.
И не то спарит язык!
Пономарь – что ему слово?
Вещь и нищ. Связь? нет, разлад.
Нагота ищет покрова,
Оттого так часто горят
Чердаки – часто и споро –
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет – простора
(Автор сам в рачьей клешне).
Потолок, рухнув – по росту
Стал – уж горб нажил, крался.
Правота ищет помоста:
Всё сказать! Пусть хоть с костра!

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

А еще – место есть: нары.
Ни луча. Лучная – вонь.
Бледнота ищет загару.
О всем том – помнит огонь.
* * *

Связь, звучанье парное:
Черная – пожарная.
У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.
В вечной юбке сборчатой –
Не скреби, уборщица!
Пережиток сельскости –
Не мети, метельщица!
Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.
Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный
Коробок...
– как вылизан
Пол, светлее зеркала!
Есть взамен пожизненной
Смерти – жизнь посмертная!
Грязь явственно сожжена!
Дом – красная бузина!
Честь – царственно спасена!
Дом – красная купина!
Ваши рабства и ваши главенства –
Погляди, погляди, как валятся!
Целый рай ведь – за мин удушья!
Погляди, погляди, как рушатся!
Печь прочного образца! [40]
Протопится крепостца!
Всё тучки поразнесло!
Просушится бельецо!
Пепелище в ночи? Нет – займище!
Нас спасти? Да от вас спасаемся ж!
Не топчите золотого пастбища!
Нас? Да разве спасают – спасшихся?
Задивившись на утро красное,
Это ясьень суки выпрастывает!
Спелой рожью – последуй ломтичек!
Бельевая веревка – льном цветет!..
А по лестнице – с жарко-спящими –
Восходящие – нисходящие –
Радуги...
* * *

– Утро
Спутало перья:
Птичье? мое? неведемо.
Первое утро – первую дверью
Хлопает...
□□Спит поэма.
Вандея, июль 1926

Новогоднее
С Новым годом – светом – краем – кровом!
Первое письмо тебе на новом
– недоразумение, что злачном –
(Злачном – жвачном) месте зычном, месте звучном
Как Эолова пустая башня.
Первое письмо тебе с вчерашней,
На которой без тебя изноюсь,
Родины, теперь уже с одной из
Звезд... Закон отхода и отбоя,
По которому любимая люблюю
И небывшею из небывалой.
Рассказать, как про твою узнала?
Не землетрясенье, не лавина.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Человек вошел – любой – (любимый – Ты). – Прискорбнейшее из событий.
– В Новостях и в Днях. – Статью дадите?
– Где? – В горах. (Окно в еловых ветках. Простыня.) – Не видите газет ведь?
Так статью? – Нет. – Но... – Прошу извинить.
Вслух: трудна. Внутрь: не христопродавец.
– В санатории. (В раю наемном.)
– День? – Вчера, позавчера, не помню.
В Альказаре будете? – Не буду.
Вслух: семья. Внутрь: всё, но не Иуда.
С наступающим! (Рождался завтра!) –
Рассказать, что сделала, узнав про..?
Тсс... Оговорилась. По привычке.
Жизнь и смерть давно беру в кавычки,
Как заведомо-пустые сплёты.
Ничего не сделала, но что-то
Сделалось, без тени и без эха
Делающее!

□□Теперь – как ехал?
Как рвалось и не разорвалось как –
Сердце? Как на рысаках орловских,
От орлов, сказал, не отстающих,
Дух захватывало – или пуще?
Слаще? Ни высот тому, ни спусков
На орлах летал заправских русских –
Кто. Связь кровная у нас с тем светом:
На Руси бывал – тот свет на этом
Зрел. Налаженная перебежка!
Жизнь и смерть произношу с усмешкой,
Скрытою – своей ее коснешься!
Жизнь и смерть произношу со сносной,
Звездочкою (ночь, которой чаю:
Вместо мозгового полушарья –
Звездное!)
□□Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких –
То не потому, что нынче, дескать,
Всё сойдет, что мертвый (нищий) все съест –
Не сморгнет! – а потому что тот свет,
Наш, – тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а всё-язычен.
Вот и спрашиваю не без грусти:
Уж не спрашиваешь, как по-русски
Nest?[41] Единственная, и все гнезда
Покрывающая рифма: звезды.
Отвлекаюсь? Но такой и вещи
Не найдется – от тебя отвлечься.
Каждый помысел, любой, Du Lieber, [42]
Слог в тебя ведет – о чем бы ни был
Толк (пусть русского родней немецкий
Мне, всех ангельский родней!) – как места
Несть, где нет тебя, нет есть: могила.
Всё как не было и всё как было,
– Неужели обо мне ничуть не? –
Окруженье, Райнер, самочувствие?
Настоятельно, всенепременно –
Первое видение вселенной
(Подразумевается, поэта
в оной) и последнее – планеты,
Раз только тебе и данной – в целом!
Не поэта с прахом, духа с телом,
(Обособить – оскорбить обоих)
А тебя с тобой, тебя с тобою ж,
– Быть Зевесовым не значит лучшим –
Кастора – тебя с тобой – Поллуксом,
Мрамора – тебя с тобою, травкой,

Не разлуку и не встречу – ставку

Очную: и встречу и разлуку

Первую.

□□На собственную руку

Как глядел (на след – на ней – чернильный)

Со своей столько-то (сколько?) мильной

Бесконечной ибо безначальной

Высоты над уровнем хрустальным

Средиземного – и прочих блюдец.

Всё как не было и всё как будет

И со мною за концом предместья.

Всё как не было и всё как есть уж

– Что списавшемуся до недельки

Лишней! – и куда ж еще глядеть-то,

Приблукотясь на обод ложи,

С этого – как не на тот, с того же –

Как не на многострадальный этот.

В Беллеву живу. Из гнезд и веток

Городок. Переглянувшись с гидом:

Беллеву. Острог с прекрасным видом

На Париж – чертог химеры галльской –

На Париж – и на немножко дальше...

Приблукотясь на алый обод,

Как тебе смешны (кому) «должно быть»,

(Мне ж) должны быть, с высоты без меры,

Наши Беллеву и Бельведеры!

Перебрасываюсь. Частность. Срочность.

Новый Год в дверях. За что, с кем чокнусь

Через стол? Чем? Вместо пены – ваты

Клок. Зачем? Ну, бьет – а при чем я тут?

Что мне делать в новогоднем шуме

С этой внутренней рифмой: Райнер – умер.

Если ты, такое око смерклось,

Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть.

Значит – тмится, допойму при встрече! –

Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье,

Новое. И за него (соломой

Застелив седьмой – двадцать шестому

Отходящему – какое счастье

Тобой кончиться, тобой начаться!)

Через стол, необозримый оком,

Буду чокаться с тобою тихим чоком

Стокла о стекло? Нет – не кабацким ихним:

Я о ты, слиясь дающих рифму:

Третье.

□□Через стол гляжу на крест твой.

Сколько мест – загородных, и места

Загородом! и кому же машет

Как не нам – куст? Мест – именно наших

И ничьих других! Весь лист! Вся хвоя!

Мест твоих со мной (твоих с тобою).

(Что с тобою бы и на массовку –

Говорить?) что – мест! а месяцев-то!

А недель! А дождевых предместий

Без людей! А утр! А всего вместе

И не начатого соловьями!

Верно, плохо вижу, ибо в яме,

Верно, лучше видишь, ибо свыше:

Ничего у нас с тобой не вышло.

До того, так чисто и так просто

Ничего, так по плечу и росту

Нам – что и перечислять не надо.

Ничего, кроме – не жди из ряду

Выходящего (неправ из такта

Выходящий!) – а в какой бы, как бы

Ряд вошедшего б?

□□Припев извечный:

Ничего хоть чем-нибудь на нечто

Что-нибудь – хоть издали бы – тень хоть
Тени! Ничего, что: час тот, день тот,
Дом тот – даже смертнику в колодках
Памятью дарованное: рот тот!
Или слишком разбирались в средствах?
Из всего того один лишь свет тот
Наш был, как мы сами только отсвет
Нас, – взамен всего сего – весь тот свет!

С незастроеннейшей из окраин –
С новым местом, Райнер, светом, Райнер!
С доказуемости мысом крайним –
С новым окном, Райнер, слухом, Райнер!

Всё тебе помехой

Было: страсть и друг.

С новым звуком, Эхо!

С новым эхом, Звук!

Сколько раз на школьном табурете:

Что за горы там? Какие реки?

Хороши ландшафты без туристов?

Не ошиблась, Райнер – рай – гористый,

Грозовой? Не притязаний вдовьих –

Не один ведь рай, над ним другой ведь

Рай? Террасами? Сужу по Татрам –

Рай не может не амфитеатром

Быть. (А занавес над кем-то спущен...)

Не ошиблась, Райнер, Бог – растущий

Баобаб? Не Золотой Людовик –

Не один ведь Бог? Над ним другой ведь

Бог?

□□Как пишется на новом месте?

Впрочем есть ты – есть стих: сам и есть ты –

Стих! Как пишется в хорошей жисти

Без стола для локтя, лба для кисти

(Горсти)?

– Весточку, привычным шифром!

Райнер, радуешься новым рифмам?

Ибо правильно толкуя слово

Рифма – что – как не – целый ряд новых

Рифм – Смерть?

□□Нéкуда: язык изучен.

Целый ряд значений и созвучий

Новых.

– До свиданья! До знакомства!

Свидимся – не знаю, но – споемся.

С мне-самой неведомой землею –

С целым морем, Райнер, с целой мною!

Не разъехаться – черкни заране.

С новым звуконачертаньем, Райнер!

В небе лестница, по ней с Дарами...

С новым рукоположеньем, Райнер!

– Чтоб не зáлили, держу ладонью. –

Поверх Роны и поверх Rarogn'a

Поверх явной и сплошной разлуки

Райнеру – Мария – Рильке – в руки.

Belevue, 7 февраля 1927

Поэма воздуха

Ну, вот и двустышье

Начальное. Первый гвоздь.

Дверь явно затихла,

Как дверь, за которой гость.

Стоявший – так хвоя

У входа, спросите вдов –

Был полон покоя,

Как гость, за которым зов

Хозяина, бденье

Хозяйское. Скажем так:

Был полон терпенья,

Как гость, за которым знак
Хозяйки – всей тьмы знак! –
Та молния поверх слуг!
Живой или призрак –
Как гость, за которым стук
Сплошной, не по средствам
Ничьим – оттого и мрем –
Хозяйкина сердца:
Березы под топором.
(Расколотый ящик
Пандорин, ларец забот!)
Без счету – входящих,
Но кто же без стука – ждет?
Уверенность в слухе
И в сроке. Припав к стене,
Уверенность в ухе
Ответном. (Твоя – во мне.)
Заведомость входа.
Та сладкая (игры в страх!)
Особого рода
Оттяжка – с ключом в руках.
Презрение к чувствам,
Над миром мужей и жен –
Та Оптина пустынь,
Отдавшая – даже звон.
Душа без прослойки
Чувств. Голая, как феллах.
Дверь делала стойку.
Не то же ли об ушах?
Как фавновы рожки
Вставали. Как ро – та... пли!
Еще бы немножко –
Да просто сошла б с петли
От силы присутствия
Заспинного. В час страстей
Так жилы трясутся,
Натянутые сверх всей
Возможности. Стука
Не следовало. Пол – плыл.
Дверь кинулась в руку.
Мрак – чуточку отступил.
* * *

Полная естественность.
Свойственность. Застой.
Лестница, как лестница,
Час, как час (ночной).
Вдоль стены распластанность
Чья-то. Одышав
Садом, кто-то явственно
Уступал мне шаг –
В полную божественность
Ночи, в полный рост
Неба. (Точно лиственниц
Шум, пены о мост...)
В полную неведомость
Часа и страны.
В полную невидимость
Даже на тени.
(Не черным-черна уже
Ночь, черна – черным!
Оболочки радужной
Киноварь, кармин –
Расцедив сетчаткою
Мир на сей и твой –
Больше не запачкаю
Ока – красотой.)
Сон? Но, в лучшем случае –
Слог. А в нем? под ним?

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг один!
И не парный, сложенный,
Тот, сиротство двух,
Одиночный – каждого
Шаг – пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них –
Стыд, а вот – платать!)
Что-то нужно выравнять:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех – державу всю!
Либо – и услышана:
Больше не звучу.
Полная срифмованность.
Ритм, впервые мой!
Как Колумб здороваюсь
С новой землей –
Воздухом. Ходячие
Истины забудь!
С сильною отдачею
Грунт, как будто грудь
Женщины под стоптанным
Вое-сапогом,
(Матери под стопками
Детскими...)
□□В тугом
Шаг. Противу – мнения:
Не удобохож
Путь. Сопротивлением
Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду –
Рис, – тобой, Китай!
Словно моря противу
(Противу: читай –
По сердцу!) сплечением
Толп. – Гераклом бьюсь!
– Землеизлучение.
Первый воздух – густ.
Сню тебя иль снюсь тебе, –
Сушь, вопрос седин
Лекторских. Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох один!
И не парный, спаренный,
Тот, удушье двух, –
Одиночной камеры
Вздох: еще не взбух
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыв: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все, – страшась прошу –
Либо – и отпущена:
Больше не дышу.
Времечко осадное,
То, сыпняк в Москве!
Кончено. Отстрадано
В каменном мешке
Легкого! Исследуйте
Слизь! Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Прорвана черта.
Мать! Недаром чаяла:
Цел воздухобор!
Но сплошное аэро –
Сам – зачем прибор?
Твердь, стелись под лодкою

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Леткою – утла!
 Но – сплошное легкое –
 Сам – зачем петля
 Мертвая? Полощется...
 Плещется... И вот –
 Не жалеите летчика!
 Тут-то и полет!
 Не рядите в саваны
 Косточки его.
 Курс воздухоплавания
 Смерть, и ничего
 Нового в ней. (Розысков
 Дичь... Щепы?... Винты?..)
 Ахиллесы воздуха
 – Все! – хотя б и ты,
 Не дышите славою,
 Воздухом низов.
 Курс воздухоплавания
 Смерть, где всё с азав,
 Заново...
 Слава тебе, допустившему бреши:
 Больше не вешу.
 Слава тебе, обвалившему крышу:
 Больше не слышу.
 Солнцепричастная, больше не щурюсь.
 Дух: не дышу уж!
 Твердое тело есть мертвое тело:
 Оттяготела.
 Легче, легче лодок
 На слюде прибрежий.
 О, как воздух легок:
 Реже – реже – реже...
 Баловливых рыбок
 Скользь – форель за кончик...
 О, как воздух ливок,
 Ливок! Ливче гончей
 Сквозь овсы, а скользок!
 Волоски – а веек! –
 Тех, что только ползать
 Стали – ливче леек!
 Что я – скользче лыка
 Свежего, и лука.
 Пагодо-музыкой
 Бусин и бамбука, –
 Пагодо-завесой...
 Плещь! Все шли б и шли бы...
 Для чего Гермесу –
 Крыльца? Плавнички бы –
 Пловче! Да ведь ливмя
 Льет! Ирида! Ирис!
 Не твоим ли ливнем
 Шемахинским или ж
 Кашемирским...
 □□Танец –
 Ввысь! Таков от клиник
 Путь: сперва не тянет
 Персть, потом не примет
 Ног. Без дна, а твёрже
 Льдов! Закон отсутствий
 Всех: сперва не держит
 Твердь, потом не пустит
 В вес. Наяда? Пэри?
 Баба с огорода!
 Старая потеря
 Тела через воду
 (Водо-сомущения
 Плеск. Песчаный спуск...)
 – Землеотпущение.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Третий воздух – пуст.

* * *

Седью, как сквозь невод
Дедов, как сквозь косу
Бабкину, – а редок!
Редок, реже проса
В засуху. (Облезут
Всё, верхи бесхлебны.)
О, как воздух резок,
Резок, реже гребня
Песьего, для пёсьих
Курч. Счастливых засек
Редью. Как сквозь просып
Первый (нам-то – засып!)
Бредопереездов
Редь, связать-неможность.
О, как воздух резок,
Резок, резче ножниц.
Нет, резца... Как жальцем
В боль – уже на убыль.
Редью, как сквозь пальцы...
Сердца, как сквозь зубы
Довода – на Credo[43]
Уст полураскрытых.
О, как воздух цедок,
Цедок, цедче сита
Творческого (влажен
Ил, бессмертье – сухо).
Цедок, цедче глаза
Гётевского, слуха
Рильковского... (Шепчет
Бог, своей – страшася
Мощи...)
□□А не цедче
Разве только часа
Судного...
□□В ломóту
Жатв – зачем рождаем?
...Всем неумолотом,
Всем неурожаем
Верха... По расщелинам
Сим – ни вол ни плуг.
– Землеотлучение:
Пятый воздух – звук.
* * *

Голубиных грудок
Гром – отсюда родом!
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче года
Нового! Порубок
Гуд, дубов под корень.
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче горя
Нового, спасибо
Царского... Под градом
Жести, гудче глыбы –
В деле, гудче клада –
В песне, в большеротой
Памяти народной.
Соловьиных глоток
Гром – отсюда родом!
Рыдью, медью, гудью,
Вьюго-Богослова
Гудью – точно грудью
Певчей – небосвода
Небом или лоном
Лиро-черепахи?
Гудок, гудче Дона

В битву, гудче плахи
В жатву... По загибам,
Погрознее горных,
Звука, как по глыбам
Фив нерукотворных.
Семь – пласты и зыби!
Семь – heilige sieben! [44]

Семь в основе лиры,
Семь в основе мира.
Раз основа лиры –
Семь, основа мира –
Лирика. Так глыбы
Фив по звуку лиры...
О, еще в котельной
Тела – «легче пуха!»
Старая потеря
Тела через ухо.
Ухом – чистым духом
Быть. Оставьте буквы –
Веку.

□□Чистым слухом
Или чистым звуком
Движемся? Преднота
Сна. Предзноб блаженства.
Гудок, гудче грота
В бури равноденствья.
Темени – в падучке,
Голода – утробой
Гудче... А не гудче
Разве только гроба
В Пасху...

□□И гудче гудкого –
Паузами, промежутками
Мочи, и движче движкого –
Паузами, передышками
Паровика за мучкою...
Чередованьем лучшего
Из мановений божеских:
Воздуха с – лучше-воздуха!
И – не скажу, чтоб сладкими –
Паузами: пересадками
С местного в межпространственный –
Паузами, полустанками
Сердца, когда от легкого –
Ох! – полуостановками
Вздоха – мытарства рыбного
Паузами, перерывами
Тока, паров на убыли
Паузами, перерубами
Пульса, – невнятно сказано:
Паузами – ложь, раз спазмами
Вздоха... Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...

□□Не всё ее –
Так. Иные – смерть,
– Землеотсечение.
Кончен воздух. Твердь.
Музыка надсадная!
Вдох, всегда вотще!
Кончено! Отстрадано
В газовом мешке
Воздуха. Без компаса
Ввысь! Дитя – в отца!
Час, когда потомственность
Ска – зы – ва – ет – ся.
Твердь! Голов бестормозных –
Трахт! И как отсечь:

Полная оторванность
Темени от плеч –
Сброшенных! Беспочвенных –
Грунт! Гермес – свои!
Полное и точное
Чувство головы
С крыльями. Двух способов
Нет – один и прям.
Так, пространством всосанный,
Шпиль роняет храм –
Дням. Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь
Чувств. Из лука – выстрелом –
Ввысь! Не в царство душ –
В полное владычество
Лба. Предел? – Осиль:
В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный – и вычислив
Всё, – когорты числ!
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...
Медон, в дни Линдберга.

Красный бычок
Будет играть – свет свечной:
С косточки – да – в ямочку.
– Мама! Какой сон смешной!
Сон-то какой! Мамочка!
С правой свечи – воск потек...
Ямочки ре – беночка!
– Будто за мной – красный бычок
По зеленой траве гонится!
Не проливайся,
Слеза соленая!
Бычок-то – красный!
Трава зеле – еная!
Ржавый замок, наглый зевок
Надписи: «нет выдачи».
– Вот тебе бык, вот тебе рог!
Родичи, вслед идучи.
Жидкая липь, липкая жидь
Кладбища (мать:) – «садика».
– Вот тебе бык... Жить бы и жить...
Родичи, вслед глядючи.
Нынче один, завтра другой.
Ком. Тишина громкая.
Глиняный ком, ком горловой.
В правой – платок скомканный.
Небо? – да как – не было! Лишь
Смежных могил прутьца.
То ль от стыда в землю глядишь?
Или же стыд – тупишься?
Поле зрачка – полем тоски
Ставшее.
□□Вес якоря:
Точно на них – те пятаки,
Коими тот заклиали
Взгляд. – Не поднять! – Чувство – понять!
Точно за дверь вытолкан.
Не позабыть старую мать
В глинище – по щиколку.
* * *
До – проводив, то есть – сдав – с рук
(Не руки ли?) – Следующий!
– Вот тебе бык, вот тебе луг...
Родичи, вспять едучи.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Установив (попросту сбыв!)

Что человек – глина есть...
– Ясное дело! При чем – бык?
Просто на мозг кинулось.

* * *

Длинный, длинный, длинный, длинный
Путь – три года на ногах!
Глина, глина, глина, глина
На походных сапогах.
«Дома», «дома», «дома», «дома»,
Вот Москву когда возьмем...
Дона, Дона, Дона, Дона
Кисель, смачный чернозем.
Полоса ты глиняна,
Пастила рябинова!
Широта-ты-родина!
Чернота смородинна!
Зычен, зычен, зычен, зычен
В ушах – топот, в ушах – мык.
Бычья, бычья, бычья, бычья
Это кличка – большевик.

* * *

«Не везет!» – «Подвези!»
Воевать не в лаковых!
День и ночь по грязи
Сапожищи чвакают.
Чернозем – чернойм –
Шепталá со смоквою!
Что да вслед сапогам
За копыта чмокают?
Мне и грязь на худых сапогах
Дорогá! дорогá! дорогá!
– А я – бык! а я – рог! а я – страх!
На рога! на рога! на рога!
я – большак,
Большевик,
Поля кровью крашу.
Красен – мак,
Красен – бык,
Красно – время наше!
Бирюза –
Берега!
Воздушки весенни!
Не со зла –
На рога –
А с души веселья!
Сердце – чок.
– На – бо – чок.
– Мамочка??
– Бог милостив!
Красный бычок...
Большевичок...
Марковцы, кор – ниловцы...
Длинный, длинный, длинный, длинный
Путь. – Повязку на рукав!
Глина, глина, глина, глина
На французских каблуках
Матери.
Медон, апрель 1928

Перекоп
Моему дорогому и вечному добровольцу

...А добрая воля

Везде – одна!

Dunkle Zypressen!

Die Welt ist gar zu lustig.

Es wird doch alles vergessen.[45]

– Через десять лет забудут!

– Через двести – вспомнят!

(Живой разговор летом 1928 г. Второй – я.)

Вал

– Каб не чех!

– Каб не тиф!

Кто-то: – эх!

Кто-то: – жив

бы Колчак...

Солнцепёк.

Солончак.

Перекоп –

Наш. Семивёрстная мозоль

На вражеских глазах.

Земля была суха, как соль,

Была суха, как прах.[46]

Не то копыт, не то лопат

Стук: о костяк – костыль.

Земля была суха – как склад,

Почуявший фитиль!

– Ой, долго ли? Ой, скоро ли?

Нудá, нудá, нудá[47]

Все вялено, все солоно:

Земля, вода, еда.

Позевывай... постреливай...

К концу – к концу – к концу...

Что пили вы? что ели вы?

Камсу! камсу! камсу!

Бросит сын мой – дряхлой Европе

(Богатырь – здесь не у дел):

– Как мой папа – на Перекопе

Шесть недель – ежиков ел!

Скажет мать: – Евшему – слава!

И не ел, милый, а жрал.

Тем ежам – совесть приправой.

И поймет – даром, что мал!

Осточертевшая лазорь.

(С нее-то и ослеп

Гомер!)

...была суха, как соль,

Была суха, как хлеб –

Тот, неразмоченный слезой

Паёк: дары Кремля.

Земля была – перед грозой

Как быть должна земля.[48]

– Шутка ли! В норах!

После станиц-то!

Что мы – кроты, что ль?

Суслики, что ль?

Есть еще порох

В пороховницах,

И в солонницах

Совести – соль!

Безостановочный – не тек

Пот: просыхал, как спирт.

Земля была суха, как стог,

Была суха, как скирд.

Ни листик не прошелестит.

Флажок повис, как плеть.

Земля была суха, как скит,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Которому гореть.
Заступ. Сапог.
Насыпь? Костяк.
Коп – пере – коп.
Так – пере – так.
Пышущий лоб.
Высохший бак.
Коп – пере – коп.
Так – пере – так.
Вознагради тебя Трисвят,
Вал стародавен ханск!
Лепили – в Маркова ребят,
А получал – Армянск.
Хотели в глаз, садили в бровь,
Садили вкось и вкривь.
(Там перекапывалась новь,
Окапывалась – бывь.) [49]
– В тартарары тебя, тельца ласкова:
«Всем, всем, всем!» [50]
На солнцепёке – учба солдатская:
– При – цел: семь!
В тартарары с тобой (эх, не ты б-не ты!)
Шло – шла – шли. [51]
– По наступающему противнику,
Ро – та! – пли!
На вал взойди, лбом к северу:
Руси всея – лицо.
В тылу – родство последнее:
Щемиловка-сельцо.
В плечах – пруды Сивашевы,
Сольца, гнильца сплошна.
С него и кличка нашему
Сиденъицу пошла:
Щемиловско. Ни нам, ни им!
В иные времена
Дает же Бог местам иным
Такие имена!
Курск – действуем, Керчь – пьянствуем,
Да, но сидим в селе
Щемиловке.
..дно – станция,
А то – Гуляй-Поле!
Панам – соли, полям – сули.
Звон! золота кули!
Гуляй – пали, гуляй – пыли:
Коли – гуляй – пали!
Галлиполи: чан – дó полну –
Скорбей. Бела – была.
Галлиполи: голó-поле:
Душа – голым-гоlá. [52]
В той Щемиловке – тошна б,
Каб не флаг над ней штабной –
Полка марковского – штаб.
Черный с белою каймой
флаг над штабом.
Рок над флагом.
Кресток бел, серпок ал.
Перекоп – перевал –
Руси – наковальня!
На валу – дневальный,
Под дневальным – гнезды,
Над дневальным – звезды.
Звезды непросчетные.
Гнезды пулеметные.
Дневальный
Стан прям – одни ребра –
Бог – раз, а два – Марков.
Иван? Сергей? Федор?

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Москва? Тюмень? Харьков?

Никто. Безымянный.
(За битовку с Троцким
Кресток деревянный
взял.) [53]

□□Марковец – просто.
Казак? студент с Бронной?
Особая каста.
Не граф, не барон, не
Князь. Марковец – баста.
Отколь? ото всюду –
Руси. Тюмень – Пенза –
Земляк? – стрелять буду!
Земляк? – плати тем же!
* * *

Жена мужа кличу
Из Вятки в Тавриду –
Дневальному – слышно,
Дневальному – видно.
Ни тропы ни ямы
Такой заповедной –
Дневальному – знамо,
Дневальному – вемо.
Одни между Русью
Святой и Тавридой.
Жена мужу снюся –
Дневальному – видно.
Всё взад-вперед. Тыщу б
Покрыл – каб по шпалам. [54]
Что львище по рвищу –
Дневальный по валу.
Счет выходит. Станцья.
И вспять, шажком бравым.
И Крым, земля ханска,
То влево, то вправо.
– «Повыжжем, повыбьем
Волчищу из хлева!»
И Русь, страна Дивья,
То вправо, то влево. [55]
Так – вправо, сяк – влево.
Путь долог, час добрый!
Поэт, гляди в небо!
Солдат, гляди в оба!
За – ветной боевой
– Блин с черною каймой –
Фуражки не порочь:
Режь, ешь глазами ночь!
Простиранной в поту,
Прострелянной в боку –
Рубашки не засаль:
Режь, ешь глазами даль!
Солдату не барыш –
Башка! были бы лишь
Погоны на плечах!
Ешь, режь глазами шлях!
– Одна, а завтра две –
На левом рукаве
Нашивки не бесчесть!
Русь: есть глазами есть
что...

– Эх, коль буду жив,
Ма – линовый налив!
Огурчики свежи
– Не ешь глазами – жри
Ночь! – Ночь-моя-ночлег!
Рос – сийский человек,
Один да на бугру –
Не ем глазами – жру

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Русь.

Сирень

Чертополохом (бело-сер,
у нас, в России – синь)
За провиантом – офицер.
(Степь, не забыть – полынь.)
На худо кормленном (сенцом!)
И жилистом, как сам,
Неунывающим (донском
Еще!) как все мы там.
Под комиссаром шел бы – гнед.
Для марковца – бел свет:
У нас теней не черных – нет,
Коней не белых – нет.
Чертополохом – веселей,
Конь! Далекó до куц!
Конечно белого белей
Конь, марковца везущ!
Солончаком, где каждый стук
Копыта: Геродот –[56]
В одноименный валу...

– внук

У вала: городок.

Вал – наш; а городок – ничей,
И посему – вещей
Закон – чумы, сумы нищей,
Щемиловки – нищей.
Так в этот самый – меловой
И вымерший, как чум –
За провиантом – верховой.
Строг, не скажу – угрюм.
С лицом Андреевым – Остап,
С душой бойца – Андрей.
Каб сказ – Егорьем назвала б,
Быль – назову Сергей.
Так и останутся – сторон
Спор – порастет травой! –
Звздоочитый чертогон,
Такой же верховой...
Так и останутся – раздор
В чертополохе – цел! –
Звздоочитый чертобор,
Такой же офицер...
Вокруг ковыль шумел и сох,
Сиваш молчал и гнил.
Что всех не переполошил
Чертей, чертополох?

* * *

Проще бы хлеба просить у стéпи
Лысой – не совеститься б хоша!
Проще бы масла просить у мыса
В море, и сала у Сиваша!
Эх, любо-дорого – к нам как в гости
Все-то, да в хату-то в нежилу!
Коли за твóрогом – на погосте
Больше, за яйцами – на валу
И почаще, и получше!
Закидал народ дворян!
– За барашком? Брось, поручик!
Каждый сам себе баран!
Коли хлеб простой – пирожным
Стал! Да с места не сойти,
Коль хоть столько.. Сольцы – можно.
Не изволите ль сольцы?
– Ну что, поручик? Новости?
Чиновники, чиновницы...
– До ниточки – ни денежки...
Припев: на вас надеемся!

Нам краше Пасхи, Рождества...

На вас, на вас надежда вся –

Ад – двух огней промежду!

Вы – вся наша надежда!

И стонет быт, и вторит поп:

– «Отстаивайте Перекоп!» [57]

Для обывателя – ларец,

А для хозяйки – вазочки.

– Уйдете – па́губа-зарез!

– Как у Христа за пазухой!

Не видят, черствая душа,

Как эта пазуха тоща,

Все ребрышки наперечет –

Что у конька морского!

А все ж – всю Русь-святу несет

За пазухой...

– Христовой. [58]

* * *

Понастучавшись, не при чем,

(У нас в России – всем! [59])

С пустым мешком и животом,

Вдоль прободенных стен...

Кусочка хлеба не дадут –

А завтра жизнь отдашь

За них! Терпи, терпи, верблюды!

Молчи, молчи, Сиваш!

Звени, звени, чертополох!

..Добро бы – на бобах,

И не несолоно, а ох

Как солоно...

– бабах! –

Взрыв! Врассыпную, как горох!

Как с граху – воробки!

По городам переполох,

Ребята – в городки

Играют.

□□(Почвеннее нас

Растите, крепче нас!)

Последний двор. (В последний раз,

Конь!) – «Есть кто?» – «Се – ей – час»!

– За продовольствием. – Поесть?

– Нет, с валу, значит... – Что-с?

– ...за продовольствием: что́ есть –

Коль есть что́... – Разве – слёз

Вам, господин поручик? Шью,

Бьюсь, корочке раба...

– Не подаяния прошу:

Плачу́.

– Рады бы – да –

Когда самим-то негде взять!

Две: день сказать и ночь?

С глазами плакальщицы – мать,

И песенницы – дочь.

Глядит: не с неба ли с конем

К нам перекочевал?

Сей – за свининой? за пшеном–

Сей? Ну и кашевар!

Такому б по́ душу грешну́

Встать – в жизни смертный час!

– Тогда прощения прошу.

– И мы (вдова) – и нас –

Дитя... Откуда-то – востер

Клинок! – крик лебедин.

Последний двор, за ним простор.

– Пойдите, господин

Поручик! (Вольная у чувств

Речь, раз сирень цветет!)

И целый сук, и целый куст,

Сад целый, целый сот
Сирени – конному в загар,
В холст бело-лебедин.
Последний двор (посильный дар)...
– Прощайте, господин
Поручик!
□□ Не до женских глаз.
Лазорь – полынь – кремень...
И даже не оборотясь,
Коню скормил сирень.
Брусилов
Не то чайки, не то соколы –
Стали гости к нам залетывать.
– Отколь, стайка? Куда, аистова? –
...Прямо на голову сваливаться.
Кидай заступ! хватай птах!
– «Перешел границу лях!»
Криком через всю страницу:
– «Враг переступил границу!
Всем, кто сердцем не застыл,
Зов: не ударяйте в тыл –
Родине! одних – питомцы –
Нив! Свои люди – сочтемся!
Что за пряха через плетень?
Лях: единая мишень
Для единого прицела,
Добровольцы! Офицеры
Русские! Смиривши контр –
Страсти – все на польский фронт!»
Море трав,
По ним – вихрь:
– Прав-то – прав:
Лях-то – лих!
Бури взмах
По лесам:
– Враг не лях:
Комиссар!
Спасибо, Брусилов, за лесть и честь!
Но Бог упаси нас! Доколе есть
Кровь в жилах – и слезы у матерей! –
Умрем – не забудем у тех дверей
Час за часом, за часом час
Ожиданья. – Идет? – Отказ.
Вся молодость края тебя в вожди!
Как мы тебя ждали – так ты пожди!
Казенного зданья и дождь, и дрожь...
Как мы тебя ждали – так ты пождешь:
Не дождешься – как лбами вниз –
Мы вожата не дождались. [60]
Не принял командованья над той
Дружиною! «Банды» – ведь так братвой
Советскою прозваны за труды?
Зачем же бандитов в свои ряды
Призываешь? За что, бр'т, бьюсь?
Ведь и звука-то нету – Русь! [61]
Цыть! Буде толковать!
Не быть и не бывать,
чтоб русский офицер –
да за Рэсэфэсэр!
Русь – где мы:
Нынче – Крым.
Русь есть мы:
Мы – чтоб – к ним?!
Чей-то, муку
Усмешкой скрав, [62]
Рот, без звука:
– А ну-ка –
Прав?

Перебежчики

Ваша власть, ребята, – барская.

Наша – братская, солдатская.

– Офицерская, помещичья –

Наша – легкая, невесть-то чья!

Прощай, ляпка! прощай, честь!

Самая что ни-на-есть

Разработчая, крестьянская!

Станком княжим, серпом чванствуем..

Моя-Васькина-твоя –

Власть товарищеская!

Ваша власть, ребята, – зычная:

Оплеухи, зуботычины.

Тебя в рыло, а ты: слушаюсь!

Караулы-с, оплеушины-с.

А сверх всех тебе глава –

Жена прапорщикова.

Ваша власть, ребята, – тяжкая.

Наша – с шутками, с поблажками.

– Да жива ли уж? да жив-то ли? –

С перемежками, с побывками.

По младости своя –

К людям – жалостливая. [63]

Врешь – «передовые линии»!

Медведями село кинули,

И ворóтитесь медведями.

...С представленьями, с комедьями... [64]

Кидай блин-то! хватай шлык!

Вечор – прапору денщик,

С утра, хамское отродие,

Сам – Высокоблагородие!

Ваша власть, ребята, – бывшая.

Наша – вставшая, добывшая!

– Крепостная, потогонная.

– Распашная, беспогонная.

Смекай, всё твои пути!

Только поле перейти!

Наша власть, ребята, – вольная!

Копай землю, али воином

Иди – сам себе Величество!

Большевицка, большевическа.

Винтовочку-смертобой

Кидай нáземь, кричи: – свой!

Наша власть, ребята, – вó – кака!

Текай взводом! текай ротою

На ржаное на довольствьице!

(Волк в шинели добровольческой.)

– Бóде, ваты

В роток набрав,

Брат на брата!

– Ребята!

Пра – а – ав!

* * *

Крас – на власть то – варищеская!

Ка – ша, страсть, заваривается!

Ва – режка-то – с варежкой-то:

Землячки сговариваются!

– Слать-то – их,

А пот – наш.

Крестовик.

Понимашь?

Пот-то – наш,

И власть – нам.

Понимашь?

– Понимаю.

– Одних мест:

Один путь.

Клади крест!

– Во всю грудь!
– Держись, Паш!
– Держись сам!
– Не продашь?
– Не продам.

Смекай, Вась, пойдут бить –
Куды ж – в море отходить?
Сюды – топь, туды – гать.
Куды ж – в море отступить?
– Чай, не море переплыть!
– Только поле перейти!
– Чай, не море пересечь!
– Только поле перебечь!
Прощай, Крым! Встречай, Русь!
До ситничка доберусь!
Встречай, Русь! Прощай, Крым!
Картошечки поедим!
Завтра утром – пока хватятся –
Не дочтутся двух солдатиков.
Красна Русь-то! Судить – грех.
Нынче – двух, а завтра – всех.
* * *

Офицерский блин
В темноте – бельмом.
– Перейду один.
Эх, не то б – вдвоем!
(Пошли, Боже, красным и белым –
Ту – для ложа, друга – для бега!)
Генеральский сын,
Перейду – но сед.
Потому один,
Что второго нет
– Изувера белому делу –
Офицера – в Армии целой!
После всех «Воздам
За царя и Русь!»
Каково губам
Произнесть: сдаюсь!
(Удержать: бегу!)
После всех «воры»
Каково врагу
Прокричать: свои!
...«С того света приду драться!» –
Мне-то марковцу-то – сдаться!
Без стального дзень,
Дорогих погон,
Перейду – но тень,
Побегу – но «он».
Большевицкий штаб,
Большевицкий чуб.
Добегу – но гроб,
Перейду – но труп.
Если время – прощай, знамя! –
С ними, сердце навек – с нами!
Хоть больным-больны,
Да бедным-бедны –
А всё – мы! Как мы
Превратить в «они»?
Стой! без бою с двух ног свалишь!
Это я-то вдруг то – варищ?!
Растоптал – отряс –
Но хоть трижды «гниль» –
Каково на нас
Накалять мотыль
Пулемета? Как труп, челюсть
Уронивши: в себя – целюсь!
Последние страхи.
Потом – стремглав.

Враг – те или ляхи?
Брусилов прав.
Хоть худо – да наше!
Хоть лют – да брат!
Минск – наш или ляший?
Брусилов – свят.
И пусть в груди грусти –
Воды в Двине!
За край Белорусский
Кому как не...
За кровное дело,
Небось, берусь!
Кому ж как не белым
За Белу Русь!
И как перед Богом
– Бог слышь и видь! –
Бойцом тебе добрым
Клянусь пребыть!
Чтоб дедовым полем
Текла Двина!
А добрая воля
Везде – одна!
Завтра утром – пока сверятся–
Не дочтутся офицера.
– И здорово ж перебёг! –
Которого – суди Бог!
Врангель
Справа, с простору...
В синий, синей чем Троицын...
– Скок из мотора! –
Спешно солдаты строятся.
Вал одним махом
Взяв – да на всю карту-то! –
Ровно бы млатом:
– Здорово, орлы-марковцы!
С краю до краю
– Дышит – растёт – длится –
– Здравья желаем,
Ваше Высок’дитство!
В черной черкеске
Ловкой, в кубанке черной.
– Меч вам и крест вам:
На мир не пойдем позорный!
Драться – так драться!
Биться, орлы, – так биться!
– Рады стараться,
Ваше Высок’дитство!
Гроном в затишье
Нивы: – Не зря сидели!
(Каждого выше
На́ голову – не две ли?)
– Раньше морозов
Первых – в Москве гудящей...
Сказы и грёзы
Явно превосходящий –[65]
Вот он, застенков
Мститель, боев ваятель –
В черной чеченке,
С рукою на рукояти
Бе – лого, пра – вого
Дела: ура – а – а!
Налет
Полный вал солдат,
Полный вал голов
Задранных, а над
Валом – «и здоров
Врать! без счету, а ты – семеро!»
Десять самолетов к северу.

Полно́ небо спиц,
(Пока глаз не взвел)
Поглядеть – так птиц,
Не глядеть – так пчел.
Наступленьица – сбылась-таки! [66] –
Первы пчелки, первы ласточки.
– Эх, каб на Москву
Так-то б! – Давай Бог!
К каждому хвостку
– Глаз-то! рук-то! лбов!
Летит – мир ему с орешину! –
Цельна Армия привешена!
Трех, гляди, годов
Груз. – Верните Брест! –
Тысяча пудов
Радужных надежд!
Держись, крылья стрекозиные!
Чай тебе не бак бензиновый! [67]
Задавали бал –
Любо-веселó!
Миновали вал –
Прямо на село:
Красна Армия – хозяйшкóй..
Опускаются, снижаются..
Снизилась! Стрельбы
Треск. За ним пальбы
Гром. За ним клубы:
Дым. За ним столбы..
Уж который поклон шлет
Пулемету – самолет!
Уж который – челом бьет
Самолету – пулемет!
Горит красная гостиница –
Село Первоконстантиновка!
Прожектор
На валу – новый звук,
Новый век, новый друг:
Долгорук, долгозрак.
У врага – новый враг.
Око есть, ока нет.
На валу – новый век:
На врага – око, видь! –
Свет и страх наводитъ.
Зрак, не спящий за нас.
Зрак: три тысячи глаз
Волчьих! целая печь!
Свет – в три тысячи свеч
Брачных! Ну-с, что́ да где –
как – на Красной звезде?
Наставляй телескоп!
(Перст, прожектора сноп.)
Распотешь! разуважь!
Лижет степь – топь – Сиваш.
Оком – зырк, веком – чёрк:
Перемиг, пересвёрк.
Белый скок, белый штан –
Думал – тут – ан уж там!
Белый блин, черный кант, – [68]
Цельный фронт арестант!
Цель ясна, даль ясна.
Вал без сна, враг без сна.
Им не лечь, нам не лечь.
Ночь как день, луч как меч.
Мы-то – в тьмах, враг-то – гол.
Как у бабы – подол
Задираем у всей
– Виды видывавшей! –
Дали.

□□Грех. Сверху – зрак:
– Каин! – Здесь! – Каин, брат
Где твой? Хриплым, как наш,
Гласом: – Брату не страж.
Ангел: тру – у! Спящий: чу!
Так, на полном свету,
В тел и дел естестве,
Встанем – те, встанем – все:
Безымянные – гранды – гении –
Все – от Врангеля и до Ленина!
(И Деникин, Антон...)
...Глянем мы – грянет он.
Полосы меловой
Эхо: выстрел двойной.
– Одна трата!
– То-то оно-то!
Две гранаты:
Два перелета.
Ты до алой
самой до зорьки –
Мимо вала –
В Школьную Горку.
Новый взрыв, новый сноп.
Жив и здрав Перекоп –
Что дитя в пеленах!
В сотый раз перемах!
Молим всё: – милый, всю
Степь, во всю широту
Светлотой замости!
Догляди до Москвы!
Низложи гробового врана
На главе звонаря Ивана!
Канун
День – сон или явь?
– Ну-с, братцы, поздравь!
– С чем? – С тем, с чем и вас:
В час. Тайный приказ.
Взрыв. Искра в овин!
– Шш... только двоим
Вам! Всюду-езде:
– Шш... только тебе...[69]
Вам... Сам только лишь!
Вслед танкам? да ты ж,
я ж. Конница – в тыл...
(День: сгнил – не забыл!)
А лица солдат!
В сочельник – ребят:
Глаз скашивают,
Не спрашивают.
Губу закусив –
Что сласть-чернослив,
Скарб связывают,
Не сказывают.
Как есть тебе тюк!
Шальной каб не вдруг
Смех, спирт-нашатырь –
Ноздри во всю ширь!
* * *

Страстнее свиданья,
Светлее заутрени...
От вала – и дале –
От хутора к хутору –
Ржаным изобильем,
Пшеничным дождем –
Где пальцем водили –
Ногами пройдем!
Презренная горстка?
Услышите всенощну!

Над десятивёрстной
Картою – все мы тут! –
Ленок колониста,
Гвардейский пробор,
И ус тут, и лыс тут,
И просто бобер –[70]
Армейского крбю,
Военного пострига.
Баштаном – бахчою –
От острова к острову –
Под крики: здоро́во!
Под звон поселян –
Весь, весь завоевываем
Океан.
Степной. Ибо – с нами
Край! Двинем – и двинутся!
Какие названья!
Каховка... Любимовка...
В са́мом уже звуке
Залегший успех.
Как сестрины руки
В предчувствии тех. [71]
Ногами зашаркали:
– Жданка! Березовка!
Давно не по карте
уже, а по воздуху –
Под крики: здоро́во!
Под взмахи: велик
Бог! – весь завоевываем
Материк
Шестой. – Дóма погребут!
Тень на карту, следом – в пуд –
Вздых, покашливанье такта. [72]
– Господин поручик... так-что...
Еще раз бы... нужда истинна! –
Пулеметы...
(Вчера чищены)
Последний чай [73]
Горит огонек.
Дымит котелок.
Последний паек.
Последний чаек.
Сказать тебе в тай? [74]
Был кофеем чай
Тот. Кровь бережем:
Овес пережжен –
то кофий тот. Не в том, брат, сок,
что – чай, а в том: прощай!
Овес, а то и кипяток
Пустой: прощай – так чай.
Посапывает – послухиваем.
В упор затянув ремень,
Сидим, сапожком постукиваем:
Сиденья последний день.
Посапывает – покипывает
Котел – не спускаем глаз.
А сердце тоска пощипывает:
Землянки последний час.
Ждала же нас! блюла же нас!
Юнец – (гудит как шмель)
– Уходим раз, не ляжем раз,
(Огонь) – гори, постель!
Охапинами, вязанищами,
В костровый огонь – вдова,
Заслуженная, лежаночная
Сухая летит трава...
Краса ж у нас! жара ж у нас!
Юнец – кураж и грусть –:

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Уходим раз – не ляжем раз –

Никто не ляжет пусть!

(Тем Турция – серп, тем Сербия – крест:

Погост найди, где русского нет!)[75]

А в сердце тоска посверливает,

А в печке трава похрустывает.

Ни хлеба нет, ни обуви нет –

Раз вера есть – так Армия есть!

А в глотке сольца поскребывает,

А в трубке зола помаргивает.

Моргнет – и нет. Убьют – или нет?

Забыт – или нет? – Кипит – или нет?!

А в брюхе камса побуркивает,

А в печке трава попухивает.

Но благу ли быть, но худу ли быть –

Злей худа нет, чем старому жить!

А в сердце – Москва погудывает,

А в печке – трава погарывает.

Ни мыла нет, ни бани-то нет –

Белей найди, чем Маркова рать!

А в сердце – Москва позванивает,

А в сердце – Москва поваркивает...[76]

(Слились – как в хоре голоса,

Как в пряди волоса:

Москва – тоска – камса – сольца –

Травца – шпорца – кровца.)

Вскипит – так пить, не бороду ж брить!

Ни чая нет, ни чайника нет.

А глотку камса подёргивает,

Вскипел корнет: – Вскипай, наконец!

Залить тоску – камсу – сольцу –

Залить растраву – всю!

И странный, брат! Аль чванный, брат?

Народ – чудной народ!

Как ванны ждать, как манны ждать,

Вскипел – никто не пьет!

Один: – Да нам и Лазаря

Не спеть, коли кишки

Не смазаны! Обязаны –

Всё! Ваши котелки!

Есть – одуванчиком цветок

Русь называет тот.

Так капитан на кипяток

Дул из обеих щек.

– Дуй, капитан!

Весь чтобы чан

Выкачан! вся

Чтоб и камса

Съедена!

Ибо пос – лед – няя!

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей – до – дна!

Од – на струна –

Единый оборот.

Скорей стрела

Магнитная сморгнет –

С севера.

– Гей, жена!

Гей, родна!

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей – до – дна!

Кам – са наш хлеб!

Тра – ва наши дрова!

Ни крох, ни щеп!

Примета такова:

Пускаясь в бой,

С собой – и за собой –

Крохи не брать,
Крохи не оставлять.

К сведенью:

Мать одна –

Смерть одна!

Пей до дна!

Пей до дна!

Пей – до – дна!

И жарко, и жалко, –

Чаям-тебе-чай!

Жестянка – лежанка –

Землянка – прощай!

Пять дней тебя рыли,

Сто дней в тебе жили,

Ночей в тебе – выли

хоть! кляли хоть! – спали

всё ж...

Ни Богу, ни штабу не жаловались.

Как с шубой, как с бабой слежались, сжились.

Проедут тачанки –

И нам черёд-скор.

Чем так-то в молчанку –

Подтягивай, хор!

«Многоводная, обильная,

Разлилась и вдоль и вширь,

Эх, Кубань ты наша родина,

Вековой наш богатырь!»

* * *

Просторы мчат

Саперы мчат

Костровый чад

Махровый чад[77]

– Который час?

– Который час?

– Который час?

– Да скоро ль, черт!

– Запаздывают!

– Запаздывают!

– Да час, говорят,

Назад, говорят,

как сверены!

(Беременных:

«Скорей бы уж!

что с временем?»))

Сказ, Перекопский Патерик

Творю – чиста моя корысть.

Одна душа на четверых,

Одни часы на четверых.

(Слушай – сказ!)

Дело – темь.)

Выход – в час.

Время – семь.

– Юнкер, сядь!

Пальцы в счет.

– Целых пять

битых – черт!

(Черт – коли с мукой –

Тож Аллилуйя –

Богу!)

– А ну-ка –

На боковую?

Наш север – край,

На север – стай

Путь, север – шпор

Звон, север – стон...

Последний пай

Последний чай

Последний хор

Последний сон.

Выход

– Вставай! вставай! вставай! вставай!

(Всё в раз – кого ж будя?)

– Седлай! седлай! седлай! седлай –

Пеш, самого себя!

Повалка – ввысь, стоянка – в рысь,

Распашка – в сбор, растяжка – в склад.

Сама душа – и та в запахах

Шинели английской до пят.

Пешёчком бьем, пешёчком мрем!

Заветный день, двухцветный блин.

Кишечки подтянув ремнем,

Прилаживаем карабин.

Царей – царей – царей – царей

Русь, всё ради тебя!

Скорей! скорей! скорей! скорей!

Ну-с, – всё ли, господа?

Махорка? есть! На шее крест?.. [78]

В карманах письма шелестят...

Последний трепетный присест.

В последний раз последний взгляд

– И юнкер с краешку присел –

Хозяина – на дом:

На ворох казначейских дел – [79]

В одном, мешки – в другом.

(Досóчку в полку обратя –

Вот радовались-то!)

Пустую полку для бритья, –

Осколки жития

Солдатского...

□□А дальше – ночь,

А дальше – дичь, а дальше – степь.

А дальше – сметь! А дальше – мочь!

Последняя вязанка в печь...

* * *

Тьма тьмущая. Точно сшиты

Глаза. Веселей – закрыв.

Подводы, шаги, копыта –

Вал слухом жив, звуком жив.

Приказ не курить, не шаркать,

Не чиркать: ушами – видь!

Не ржать – лошадям, не харкать – [80]

Людам: не дышать, не быть.

Вал. Выпаливший кофейник –

Вал! Кипь через все края. [81]

Разбуженный муравейник –

Вал: белые муравьи!

И шагом – сплошной незримой

Шинелью, железной в швах,

Недвижных двуколок мимо –

Вперед – батальоны в тьмах. –

В тьму – тьмы нас! – Ужель не слышишь,

Русь? Топ как бы стад. (Враг – глух!)

На слух – полтора ста тысяч,

(Каб свет – не начли б и двух!)

И шагом – таким за гробом

Идут, да за возом дров – [82]

За каждой двуколкой – с Богом! –

Шесть призрачных нумеров.

Не курить и не

Шаркать. Ибо в тайне –

Дело. В тишине

Крайней – крайней – крайней.

Не – не – не –

(Плыл ли? спал ли? шел ли?)

В ти – ши – не

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Полной, полной, полной.

* * *

Бока, чтобы не дышали,
Втянув, как флейтист – щеку...
– Каб с нашими! С латышами –
Бой! Славь в Сиваше Чеку!
Сердца, чтобы не шалели,
Угнав далеко за Курск...
Тьмой тьмущею как шинелью
Накрытые... Пост ли? куст?
Круп? торс? (Илиона тени –
в бой!) Вдруг, не примяв травы,
в обскок на рысях... – Кто? – Темень –
Тьме: «Конная сотня. – Вы?»
И – лошадь захохотала!
Ржет – кожу дерут! Продаст,
Тварь! Задранного оскала –
Кость. Всадного ругань. Пласт
Кнута. Заглотнула сотню
Тьма. – Всё. – И опять как в трюм.
Хорош ветерочек шлет нам
Русь: встречный – относит шум.
А шумно – шаги, колеса...
А томно – уж слух побёг,
что – шумно! хоть мы – не босы:
Две тысячи пар сапог.
Чай пьем – в Харькове,
в Курске – к завтраку.
То-то марка-то
Марковская!
Шш... Не шаркайте!
Схватка – с картой всей!
И – не – харьковцы –
Марковцы мы!
Вперед, вперед, и – здравствуй,
Кремль! Мстить? Поклоны класть!
Сдаёт – сдаётся – сдаётся
Ночь. Стоп. Колонны часть.
И чай, и чай внакладку, –
А? сколько не пивал?
Последняя оглядка
На вал – пропал – провал.
Веди, веди, Егорка –
Свет – карты поперек
Родной! У Школьной Горки
Пока что – фонарек
Горит. – В чернильной, смольной
Ночи – мечты игра:
– Эх кабы вместо Школьной –
Поклонная Гора!
Но до Горы Поклонной –
– Эх! – Вдруг, в двух шагах, как слон
Колышущийся... Колонна –
Стоп. Прибыли. Батальон.
В луче фонаря, под самым
Курганом – как маг – как мист –
К каким-то богам неизвестным
Взывает телефонист.
Шип – и сызнава...
Сап – и сызнава...
Храп – и сызнава...
– Штаб дивизии!
– Штаб дивизии!
– Штаб дивизии!
(Последнего могикана –
Зов!) Вдоль телеграфных свай –
Безлищые великаны
С тенями по самый край

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Земли.

□□Всю, всю покроем
Телами – вслед теням! [83]
делами! Полк – покоем. [84]
На середину (сам –
Храм!) к сапогам и к поту
Привычный – полевой –
– Та ж пахота – пехота! –
Священник полковой.
– Братья, вот она
Ставка крайняя!
Третий год уже
Авель с Каином
Бьется. Пройдено
Сколько сот
Верст? А родина
Третий – ждет.
Вспомним: «наш Елец!»
Вспомним в Крымы тот
Въезд! Но тяжкие
Были промахи,
И, дорогу окровеня,
Золотого взамен Кремля –
Крым. Зовет же вас
Вся Русь богова –
Добровольцами!
Волю ж добрую,
Братья! [85] в вечный град –
Вербный въезд!
Крепко меч держа,
Крепче – крест,
Ветвь...

□□Не вóроном
В белом кителе,
Божьим воином,
А не мстителем –
в бой! – Так радуга гонит грусть. –
Да возрадуется вам Русь!
Белый по черну в тьмах
Взлет: фуражечный взмах.
Всего множества вздох.
– Да поможет вам Бог!
Дико? После постигнете!
Рядом с спящим противником
(Завтра – долг того требовал –
что бы ни было...)
– не было

Кротче нас.
Отче
Наш!
Но – второго естества,
Дела речь и мира речь –
В речь духовного отца–
Отца-командира речь,
Пол – ковника седá:
– Всей родины судьба,
что – наша! Миллионов
Не-красных, не-зеленых,
что – наша! Поколений –
в у – даче боевой!
Командиры батальонов!
Разводите батальоны
Приготовьтесь к выполнению
За – дачи боевой!
А первые в битве бьются –
Сердца. До ушного звону!
Вполголоса подаются
Команды, и батальоны

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Расходятся. [86] – Тихо. – Выход,
Ты?! – Что? – Да не может! – Есть.

Бр'т! Огненная шутиха –
Вверх! Раз! Ну и два-с! И несть
Им счету. Твоя палитра,
Ад! Вдруг – не в ушах – в груди –
Звук: – Проволока проби – и –
та! Проволока проби –
та проволока! Кто не был –
Тот не жил.

До мига, когда все небо
Мигало, а мы так не
Сморгнули, до звезд – столь ярких,
что – свет или слезы льешь?

Эх, млад-командир-свет-Марков –
хват – ты-то не дожил что ж?!

Стой! стой!

В меховой папахе, [87]

В прос – той
– Медведскую брал –
Куртке – той!

Вдоль пахоты – пахарь –

Не Толстой,
Марков-генерал.

Млад! млад!

Ни морщин, ни плечи.

Хват – рад

С чертом хоть с самим!

Сол – дат:

Вдоль пахоты – пеший.

Сват, брат

Марковцам своим.

Край – Русь!

Нету перестарков!

На, Русь, –

Пока красовит!

Мертв – бьюсь!

То генерал Марков

На – Русь –

Марковцев своих.

Уши вырастут у безухого –

Загудело, запело, забухало!

Еще громче, чем под рубахою

Заработало, забабахало.

Справа слева все небо в заревах!

«Воробьиная ночь» сказали б

– бах

Барабах! – да кони ржут –

Каб вообще говорили что-нибудь,

Кроме: Господи всеблагий!

Господи всеблагий!

Гос – по – ди!

Помоги! Господи

Помоги! Господи

Помоги! Гос – по – ди!

Мощь-то Божья – во – велика!

Осто – рожней! Проволока!

Помощь – Твоя – скорая:

Вот уже по ту сторону,

Проволоки. – На Руси? – На Руси!

Крым! уже за шеломяном еси. [88]

* * *

Через день – катились вскочь

Те – текай-откатывай! –

Стало ведомо: в ту ночь

Мая двадцать пятую

Семью тысячами – жив

Бог! Глядел-не смаргивал! –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бита на́ голову их
Девятая Армия.
В солоноводных Сивашах
– латышки, плачь об латышах! –
Осиротили латышат,
Перетопили
– лотошат
Ведь! никуда ж ведь! никаких
Латыш – ни их, ни наш.
Навеки вечные веков
Слились: латыш: Сиваш.
Начат 1-го августа 1928 г., в Понтайяке (Жиронда)

Кончен 15-го мая 1929 г., в Медоне (девять лет с майского Перекопа)

Переписан в эту книжку 5-го – 8-го сентября 1938 г. в Dives-sur-Mer (Морском Диве) – Calvados.

* * *

Последнего Перекопа не написала – потому что дневника уже не было, а сам перекопец (который коню скормил сирень – «а может быть это была яблоня – не знаю» – так что за сирень не отвечаю, за скорм – да) к Перекопу уже остыл – а остальные, бывшие и не остывшие – рассказывать не умели – или я не понимала (военное).

Так и остался последний Перекоп без меня, а я – без последнего Перекопа. – жаль.
–

МЦ.

НВ! А может быть – хорошо, что мой Перекоп кончается победой: так эта победа – не кончается.

Если когда-нибудь – хоть через сто лет – будет печататься, прошу печатать по старой орфографии.

МЦ.

Париж, 7 января 1939

Сибирь
Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» – забыл, чем был?
Посадка-то! лошадка-то!
А? – шапка высока!
А пустота под шапкой-то!
– С доставкой ясака.
Как – «краше сказок няниных
Страна: что в рай – что в Пермь...»
Казаки женок сманенных
Проигрывали в зернь.
Как на земле непаханной
На речке на Туре
Монашки-то с монахами
В одном монастыре
Спасались. Не курицу –
Лис, девку подстерег
Монах. Покровско-Тушинский
Поднесь монастырек
Стоит. (Костлявым служкою
Толчок: куды глядишь?
В монастыре том с кружкою
Ходил Распутин Гриш.)

Казачество-то в строгости
Держать? Нашел ягнят!
Все воеводы строятся,
А стройки – все-то в ряд.
Горят! Гори, гори, Сибирь –
Нова! Слепи Москву –
Стару! Прыжками рысьими,
Лисьими – к Покрову –
Хвостами – не простыла чтоб
Снедь, вольными людьми:
Иванищу Васильичу
Край, Строгановыми
Как на ладони поданный.
Ломоть про день-про чёрн
Как молодицы по воду –
Молодчики – по корм.
В такой-то – «шкуру сдергивай»
Обход – «свою, д...мак!»
Самопервейшим жерновом
Ко дну пошел Ермак.
Прощай, домоводство!
Прощай, борода!
Прощай, воеводство!
Петрова гнезда
Препестрого пуха,
Превострых когтей
В немецком треухе –
Гагарин Матвей.
Орел-губернатор!
Тот самый орел,
От города на три
Верстищи Тобол
Отведший и в высшей
Коллегии птиц
За взятки повисший
Петровой Юстиц –
Коллегии против.
Дырявый армяк.
Взгляд – смертушки просит.
– Кто? – Федька-Варнак.
Лежу на соломе,
Царей не корю.
– Не ты ли Соймонов,
Жизнь спасший царю?
(С ноздрею-то рваной?)
– Досказывать, что ль?
И сосланный Анной
Вываривать соль
В Охотске.
– В карету!
Вина прощена.
Ноздря – хоть не эта –
А приращена.
И каждый овраг
Про то песенку пел:
Как Федька-Варнак
Губернатором сел
Тобольским.
□□Потомства
Свет. Ясен-Фенист!
Сибирское солнце –
Чичерин Денис.
В границах несведущ.
Как солнце и дождь
Дававший на немощь,
Дававший на мощь.
Речь русскую «нате» –
Внедривший-словцом,

В раскрытом халате,
С открытым лицом,
С раскрытою горстью
– В морозной соли –
Меж князем Обдорским
И Ханом-Вали.
...Зато уж и крепко
Любила тебя
Та степушка, степка
Та, степь-Бараба,
Которую – версты
Строптивых кобыл! –
Ты, ровно бы горстью
Соля, – заселил.
– Сей, дяденька, ржицу!
Тки, девонька, холст!
В тайжище – в травиче
– Ужу не проползть –
В уремах, в урманах
– Коже не пролезть –
Денису Иванычу
Вечная честь.
Так, каждой хатенкой
Равнявшей большак,
Сибирский Потемкин
С Таврическим в шаг
Шел.
Да не споткнись шагаючи
О Государства давешний
Столп, то бишь обесчещенный
Меньшикова-Светлейшего
– В красках – досель не умерли! –
Труп, ледяную мумию
Тундры – останки мерзлые
Меньшикова в Березове.
(Без Саардамским плотником
Данной, злорадством отнятой
Шпаги – в ножнах не нашивал! –
Только всего-то навсего –
Тундра, морошка мражена...
Так не попри ж, миражными
Залюбовавшись далями,
Первого государева
Друга...)
Где только вьюга шастает,
кто б меня приласкал,
Седу? Тобольск, Град-Царствующ
Сибирь, чем был – чем стал!
Как еще вживе числятся-то,
Мертвых окромя,
Твои двадцать три тысячи
Душ, с двадцатью тремя
Церквами – где воровано,
Там молено, казак! –
С здоровыми дворовыми,
Лающими на кряк
Кареты предводительской
В глиняной борозде.
С единственной кондитерской
– Без вывески – в избе...
Не затяни ошибкою:
«Гроб ты мой, гроб соснов!»
С дощатою обшивкою
Стен, досками мостков
И мостовых... И вся-то спит
Мощь... Тёс – тулуп – сугроб...
Тобольск, Тобольск, дощатый скит!
Тобольск, дощатый гроб!

Егорушка

<Младенчество>

1

Обронил орел залетный – перышко.
Родился на свет Егорий-свет-Егорушка.
Ликом светлый, телом крепкий,
Грудью – ёмкий, криком – громкий.
Обоймет – задушит.
Десять мамок сушит.
Поет мамка над колыской,
Поет нянька над колыской:
«Ты лежи, сыночек, тихо,
Серый волк, сыночек, близко!
Придет серый волчок,
Схватит <Ерку> за бочок!
Так уж спи, мой свет-Егорий!»
А сосун из люльки вторит:
«– Придет серый волчок,
Схватит няньху за бочок!»
– Спи, сынок, голубок!
Тот встает на дыбок.
– Спи, сыночек! – А тот
Няньке пятками в рот.
И на том спасибо:
Всех зубов не выбил!
Ходи тихо, ходи низко –
У Егорья три колыски.
Перва ивова была:
Сама матушка сплела.
Так ее наш сокол
Всю по пруту расплел.
Расписная да резная –
Вот колысочка вторая.
Часу в ней не пролежал:
Разом в щепья изломал!
Увязала гривну в узел,
Пошла матушка на кузню:
– «Наших слез поубавь.
Колыбелочку нам справь,
Чтоб сыночек наш пригожий
Ее в год не раскорезил!»
Пошла в кузнице горячка,
Идет мать-молодка с качкой:
Красной кованою –
Кузнецовою.
Весом: пять пудов с половиной.
Положила в нее сына.
– Ходи вверх, ходи вниз! –
Как скорлупочку разгрыз.
И глядит на свет Господень
Оком огненным.

2

То не ветер расшумелся над ветлами –
Вспоминает молода – орла залетного.
Не простого-то орла – златопёрого,
Ну, с которым-то она – от которого...
Вспомнить – грудь кипит!
Позабывши стыд –
Волком взвыть бы, да нельзя: сыночек спит!
Не кричит – знать сыт.
– Вспомнить – грудь кипит! –
Что ж так тихо нынче спит-не храпит?
С лавки скок: – Сы – нок!
Качку толк: Что – смолк?
Да вся кровь с лица: колыска пуста!
Туды-сюды:

Под качкой – нет,
Под лавкой – нет,
Скок на печь – нет!
Аж в кадку – дно
Пытать багром
Пошла, аж вилами навоз
Перетрясла – как волк унес!
Аль Полунощница в нору
Сгребла, зажав в переднике?
И – воем – по всему двору:
– Мой первенький! – Последненький!
Месяц ясный,
Звезды частые,
Беда-беда страшная!
Заколи меня, несчастную,
Заря-заря красная!
Ох, знак на правом на плече
Родимый, щечки-зарева!
При светлом месячном луче
Как есть – по травочке одной –
Все сено перешарила.
В хлев толкнулася: петух
В сердцах вскричал. – Овечий дух
Ей в нос – с какой-то смесью.
Взошла – за нею месяц.
И тычет ей перстом: Гляди!
Глядит: а хлеву посреди
– Так в нос и вдарил запах! –
Сама – с Егоркой в лапах!
А малый-то ее в живот!
Так приналег – аж треск идет!
Причмокивая лихо,
Егор сосет волчиху.
А рядом – полукругом в ряд –
Шесть серых волченят.
А она-то его, уж она-то его.
Сосет – а та, знай, облапливает!
Уж мало ей лап четырех своих, –
Хвостом норовит, анафема!
Тот чмокнет, а эта хвостищем: мот!
И в нос-то его язычищем – раз!
Да тела всего – язычищем – вдоль
Сто раз – да еще сто раз.
А кругом, в маменьку впиясь:
Дюжина красных глаз.
А кругом, – промеж дохлых кур –
Дюжина овчьих шкур.
Застолбенела, не ступнет:
Аж гири у лодыжек:
А этот себе, знай, сосет,
А та себе, знай, лижет!
Как вздрогнет тут – и шесть носов
Ввысь – от овчьих шкур.
И хором шестеро бесов
За волченихой: уррр!
– Егорушка! – И частокол
Ощеренных клыков.
– Егорушка! – Седых боков
Дых – и седин – дыб.
– Егорушка! – И через всех
Бесов – на сына прямо!
А тот – от матери-то – в мех:
Анафеме-то: – Мама!
А она-то его! Уж она-то его!
– Сосет, а та, знай, облапливает!
Гляди, мол, смекай, мол, кто мать ему!
Аж нос задрала, анафема!
А бабы не слышно,

– Лижи во все рыло! –

Тихонечко вышла
И дверку закрыла.
Только с того часу
Новым дням черед.
Просит малый мяса,
Груды не берет.
Только месяц рожки
Ткет сквозь рожь-гречиху –
Кажну ночь в окошко
За дитем – волчиха.
* * *

Подрастают наши крылышки-перушки!
Три годочка уж сравнялось Егорушке,
Черным словом <всех округ хаёт>-бронит,
Не ребёночек растёт – а разбойник.
Кочны вянут в огороде,
Цветы голову воротят.
Цвет не цвет и гриб не гриб –
Всем головочки посшиб!
Мать – сдобную лепешечку
Ему, – тот рожу злобную.
Мать – по носу пуховкою,
А тот её – чертовкою.
И снег зачем белый,
И еж зачем колкий,
И Бог зачем – волка
Без крылышек сделал.
Окрошка на стол –
Подавай ему шей!
Любимая кошка –
И та без ушей!
А ростом-то! Вздохом!
И ввысь-то, и вширь!
Ни чертом, ни чохом:
Растёт богатырь!
Задать ему порку –
Вся грудь закипает!
Да рядом с Егоркой
Браток выступает:
Попом не крещенный,
Христом не прощенный,
Честь-совесть – как сито,
К нему как пришитый.
У Егорки щеки круглые,
А у волка впалые.
У обоих совесть смуглая,
Сердце в груди – шалое.
У Егорки губы красные,
А у волка – сизые.
Оба до овец опасные:
Одной слюнкой лизаны.
У Егорки башка кольцами.
А у волка – космами
Ну а уж мозгами сходственны:
Одним гребнем чесаны.
У Егорки – штаны рваные,
А у волка – драные.
Оба гости – в лесу – званые:
Одним млеком – пьяные.
Одно слово: братья крёстные:
Оба: рвань отборная!
Из одной лоханки трескают:
Одной грудью вскормлены!
С зарёю – как хлебом накормит мать –
Заборы ломать да <бока> ломать.
Где энти прошли: словно вражья рать:
Вовек уж лесам не встать.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Да друг перед дружкой силой хвастать:
Овчаров дражнить, по амбарам шастать.
Егорушка вброд – и волчонок вброд,
Себе чего в рот – и волчонку в рот,
Почище чем бабы в голодный год
Московский блюдут черед.
Десятый чугунок опростают с братцем –
Д'ну обниматься, д'ну целоваться!
А баба одна забрела во двор,
Да к печке – а в печке-то – вой да ор.
Еще не очнется с тех самых пор,
Как тот ему спинку тер!
Без щелоку, чай, без мочалки-мыла,
А так себе – волчьим манером: рылом.
Чуть где коромысло – бабье, держись!
Ведерки-то с горки, – да вверх, да вниз!
А поп-то у нас потому и лыс,
Что тот ему хвост отгрыз.
<А к вечеру, дел переделав тыщу,>
В овражке лежат, друг у дружки ищут.
Ох синь моя звездная, райский сад!
Ох ноченька поздняя, покров-наш плат!
У Господа Бога и волк, знать, свят...
Где свалятся – там и спят.
И сладко так спят, хоть никто не стелет:
Дыханьице-пар на две части делят.
Храпят себе дружно –
И дело святое!
Друг – с другом.
Блуд – с блудом, –
Волчонок с дитею!
* * *

Еще раз сбылась заря, Господень промысел
Поднялся Егор с волком на промысел.
<Тот и другой
Без стежек прут ->
Идут
На разбой
И блуд.
Егорка-то: фью,
Тот ушьми подвижет.
Егорка-то: тьфу!
А волчок подлизжет.
Идут – горы гудут,
Идут – лес взором жгут,
Что пожар – то за спиной кумач раздут.
Пожар – рубаха-то!
Зато штаны-то!
Из плису-бархату –
Как плугом взрытые!
Как рой чертей-бесов
Вкруг ног-то крутятся.
Идут, красу с кустов
Сбивают прутиком.
Дорога дальняя,
Дорога ранняя.
Идет с волком дитё –
Заместо ангела.
(С хвостом ли ангел наш,
Али с крылом – нам што?
Лишь бы служил нам кто!
Лишь бы любил нас кто!)
Идут кустом-леском,
Идут рекой-мостом,
Идут холмом-горбом,
Идут кремнем-песком.
Последня корочка
Давно проглочена.

Глядит Егорушка:

Тын позолоченный.

За тыном – райский сад,

Глядит: кусты в цветах,

Меж них – скворцы свистят

На золотых шестах.

Остановился тут

Егор – <воззрился> тут.

– На кой цветы цветут?

Их и козлы не жрут!

А волк-то вторит, сват,

Нос сморщив замшевый:

– На кой скворцы свистят,

Когда не жрамши мы?

Как красная искра

Меж них зажглась.

Волк братцу: – Садись,

Братец и – раз –

Козлом – через тын –

В сад.

А сад – не просто сад:

В цветах скворцы свистят

На золотых шестах –

Знать сад-то – царский сад!

Егоркин – скорый суд,

Егоркин – грозный вид:

На кой цветы цветут,

Раз в брюхе – гром гремит?!

А волк-то вторит, сват,

Нос сморщив плюшевый:

«Зачем скворцы свистят,

Раз мы не кушамши?»

И – ну – кусты костить,

И – ну – шести трясти!

А с высоты скворцы

Над волчьей хитростью

Уж так свистят, свистят

На золотых шестах,

Что волк Егорку в зад

Зубами – хватать в сердцах!

И все растет их злость

Огнем-соломою.

Уж все кусты-то в лоск,

Шести поломаны,

Егоркин рваный зад,

Егоркин страшный взгляд.

В очках-то – красный ад.

Ну уж и царский сад!

– Ась? –

Алой рекой – лиясь,

Белой фатой – виясь,

В небе – заря взялась,

В травке – тропа взялась.

И по тропе по той,

Под золотой фатой,

Плавной, как сон, стопой –

Мать с дитей.

В белых цветах дитя –

Словно в снегах – дитя,

В белых <холстах> дитя –

Как в облаках – дитя,

В ручке платочек-плат

Алый-знать-клетчатый,

И голубочек над

Правым над плечиком.

Остолбенел Егор,

Стоит навытяжку.

<И тут, потупив взор,>

Им молвит дитяtko:

«Зачем шесты трясти?

Скворцы – ручные все.

<Зачем кремень в горсти?>

Мы здесь родные все».

И ручкой манит их,

И ручки тянет к ним,

И на ушко словцо

Шепочет маменьке.

Побагровел Егор.

А тот-то: «Братец мой!»

Побагровел Егор, –

Да как раскатится!

Да как взгремит в упор:

– Твой золоченый тын!

А я – так вор-Егор,

Егор – ничей я – сын...

А волк-то вторит, сват:

– Наш невысокий чин.

Егор он – волчий брат,

Егор – ничей он сын.

(А сам-то желтый глаз

Скосил на птиченьку.)

И серебром смеясь.

Им молвит дитяtko:

– «Ты злость-то брось, родной.

Ты мне насквозь родной!

Не только гость ты мой,

<Не быть нам врозь с тобой...>

Ты приходи, Егор,

Ко мне по яблочки!»

Ему в ответ Егор

С великой наглостью:

– «Что надо – сам беру,

Мой путь – к чертям в дыру,

Моя вся кровь в жару,

Овец сырьем я жру!»

А волк-то вторит, – сват,

Клыками хвастая:

– «На кой нам черт твой сад.

Раз мы зубастые!»

<Глядят на друга друг,>

Да вдруг – глядите-кось:

Платочком слёзку вдруг

Смахнуло дитяtko.

Слеза-то крупная,

Платочек клетчатый.

И голубочек-дух

Вздрогнул на плечике.

В большом смятенье двор,

Скворцы всполохнуты.

<Стоит как столб> Егор,

Да вдруг как грохнется!

В мох-дёрн-песок-труху

Всем лбом – как вроеется!

И <голосок> вверху:

– «Не плачь, – устроится!»

А Дух-то вторит-свят,

Крылами плёская:

– «Егор, весь грех твой снят

Одною слёзкою!»

Лежит ничком наглец,

Прах-землю лопает.

Что в ледоход гребец,

Плечьями работает.

Как пудовик-битюг

Под грузом – дышит-то!

И с материнских рук

Склонившись – дитяtko:
«Рви, рви, опять взращу!
Семян-то множество!»
За обе рученьки
Его – на ноженьки.
* * *

Раскрыл глаза Егор:
Глазам не верится!
Где царский тын-забор?
Стоит под деревцем.
Как сахарком-песком
Стоит осыпанный.
А рядом волк ползком,
С глазами сытыми.
Как будто сон какой!
Где царь тот крохотный?
Прикрыл глаза рукой. –
Рука мокрехонька!
А волк-то вторит-вор:
– «Теперь – хоть в чайную!
Какой же волк-я-вор,
Раз я раскаянный!
Ох, мой носок в пуху!»...
А деревцо вверху:
– «Рви, рви, опять взращу!
Греши, опять прощу!»
Пастушество
Побросали белочки
Орешки-горошинки.
То на дудочке-сопелочке
Пастушок хорошенький
Тоску-скуку, злую гостью
Выпроваживает.
К тростнику припав – со злости
Грудь надсаживает.
От сопенья-того-дуду –
Щеки лопаются.
От сопенья того – с дубу
Белки хлопаются.
Так орешками и сыплются в лопух.
То Егорушка-безродный свет-пастух.
А овцы? – Таковски:
Жирнее поповских.
А телки? – У волка
Спроси, – глаже шелку.
А волки?
– Зубами им щелкать!
А пес-то? Овчар, чай?
Овчар, да прежаркий!
А так что волчок
У нас серый – в овчарках.
В овчарках-в подпасках:
И вору острастка,
И стаду опаска:
В сем деле натаскан.
* * *

Ранним утречком,
Ранним утречком,
Еще курочки спят да уточки,
На зеленый лужок на сборище
Созывает в рожок Егорушка.
Коровы – здоровы,
Быки – крутороги,
А телушки – ровно
Стройные поповны.
Козлы – заказные,
Сапоги смазные,
Рог – кинжал ножовый,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Только дух тяжелый.
Баран – парень глупый,
А жирен – пощупай!
Овцы – одурь с дрожью,
Ягняточки – Божьи.
Всяк в сем мирном войске
Славит день по-свойски.
Только вождь при войске –
В великом расстройстве.
Рожок не мил,
Лужок не мил,
Козлом прыгнёт –
Прыжок не мил.
Орешек в рот –
Зерно горчит.
А козь хорош –
Живот урчит.
Все, что ни съем –
Все в злость ушло!
И солнышко – зачем
Взошло?

(Ухитримся-ка, Егор, жить поплоче!
Удавиться нам от жизни хорошей!)

Горошком – рубаха,
Штаны без заплатки,
И чай, значит, с сахаром,
Сладкий, внакладку,
А нам – хоть из кадки!
Черт с чаем – не жалко!
Хоть раз бы вприсядку
С волками – в повалку –
Под месяцем лютым –
Румяным – раздутым –
И овцы чтоб все –
К шуту [ам]!
* * *

Да красного страшного – толк – плечом
Быка-то – да в лоб ему – щелк – бичом.
Да красным, кумашным-то – плёск – платком
В глаза ему – и – лбом
Вперед – что пожарный в горящий дом
Гремящий – в бычачий гром!
Бык глуп –
Егор еще глупей,
Бык лют –
Егор еще лютей.
[Как взмахнет!
Как вспляшет!
Как вспыхнет!
Как вздышит!]
От реву-от грому
В леса – коровы,
Козлы – на кручи,
Все овцы – в кучу.
За ревом, за громом –
Лоб с лбом, гром с громом.
Что – лоб проломан?
Нет, – рог обломан!
Как ломом – в тупой
Ему лоб: – Здорово!
Держись, Ерема! –
Второй обломан!
Козлы-резвы!
Сюды, козлы!
Овечий сброд,
Сюды, на смотр!
Коровушки,
По новости!

И ворон стар,
И заяц скор,
Сюды, сюды,
Весь дол и бор!
Сюды, сюды, весь дол и бор,
По новости-новиночки!
Глядите-кось, как свет-Егор
Быку – пятой – на спиночку!
Как в грудь коленочкой наддав
Рога скрутил – хват!
Как меж обломанных держав
Кумашный – бьет – плат!
И дух потешив боевой
В хлад родниковый – с головой –
Раскрыв глаза – нос – рот,
Во весь свой вздох – пьет!
С досады
Все стадо б
Загнал в трясину.
Да под ноги
Кто-то ему: «Прости мя!»
Ягненок льстивый,
Звезда во лбу.
И снова –
Дудеть
В дуду.
* * *

А солнышко – за холмики,
А солнышко – на доньшко
Большого моря синего,
Бескрайного, пустынного.
Как солнышко – за горочку,
Опять коров Егорушка
Скликает, грудку мучает,
Овечью рать толкучую
В ряды берет, полкам-войскам
Козлам-резвám дозор ведет.
От полков-рядов –
Столбы пыльные.
Прямо в очи бьет –
Заря сильная,
Заря щедрая,
Заря <щастная>,
Как Егоркино сердце –
Красная.
– «Здравствуй, Свет-Егор,
Всему стаду – Царь!»
Изо всех дворов
К нему млад и стар
Кто – краюшечку;
Кто – полушечку.
(Аж устанешь,
Хвалу-то слушамши!)
– «Ох уж Свет-Егор,
Пастух верный наш!»
Позади волчок –
Всему стаду страж.
Кто – опивочец
Кто – огрызочек.
(С того пиру – не быть отрыжечке!)
– Ох уж свет-волчок,
Овчар верный наш!
Уж такому псу –
Уж чего не дашь!
(кто – оскребочек,
кто – оплевочек,
А кто просто – вдогонку – овощью!)
(Слова жирные,

Еда постная!)
Козлы смиренные,
Овцы лосные,
У коровушек
– Шаром – вымечко.
До небес, Егор,
Твое имечко!
* * *

Поздним вечером,
Поздним вечером,
Тоска-грусть встает,
Боль извечная.
Отпылила пыль,
Отчудила быль,
Отгремел – по горбам –
Костыль.
Смотрят звезды
Под кров соломенный.
Только бык ревет,
Рог обломанный.
* * *

Спит, в зипун укутанный,
Что медведь олонецкий.
Метель мысли путает,
Метель в избу ломится.
Где меж парней нынешних
Столп-возьму-опорушку?
Эх, каб мне, Маринушке,
Да тебя – Егорушку!
За тобой, без посвисту –
Вскачь – в снега сибирские!
И пошли бы по свету –
Парни богатырские!
Не видала б горюшка
Русь по день по нынешний –
Каб тебе, Егорушке,
Да меня, Маринушку!
Эх, по всем по красным-то
Я устам – паломница!
Странница клюкастая
Метель – в избу ломится...
Голова на отшиби,
Кулачок – подушечкой.
Не поднять хорошего
И ударом пушечным!
* * *

То не метель-крушель со зла
Клюкой в окошко мечется, –
Лучиною дымя в глаза
То мать сынка – за плечико.
– «Вставай, Егор!
Беда, Егор!
Тваво ягненка
Волк упер.
Вставай, сынок, не дрыхни!»
А тот спросонок: «Ихним
Царем я избран, – царь в лесу!
Теперь все стадо разнесу!»
– «Вставай, сынок-надёжа!
Вставай!» – с плеча одежду
Дерет: вставай сыночек! – в рот
Пирог сует – да все не впрок!
Смял – и сквозь сон-знать-смуту:
– «Теперь опять я лютый!»
И вновь храпит. – Не знает мать,
Как ей хорошего поднять,
Да вдруг как крикнет во весь дух:
– Дурной пастух! – Другой пастух

Жизнь отдает за стадо!
Вскочил Егор: «Что надо??
Цыц, коли глотка дорога!»
И разом – в оба сапога!
Дверь настезь: в горницу – снега.
Два сапога – в снега!

* * *

А там метель косматая
Шумит: «Давай сосватаю
Тебе невесту рдяную,
Полный сугроб – приданого!
Семи ветров – наследницу,
Всех родин – уроженицу!»
А тот шапчонку набекрень:
– «В таких годах не женятся!»
– «Егор – шумит, – послушайся!
Не по тебе пастушество!
Твоя вся кость иссушится.
Твоя вся кровь задушится!
По седоку – лошадушка!
Метель а конь твой сказошный!»
Тот сапогом как топнет в снег:
– Мне своих ног достаточно!
Не унялась, безбожница:
Старшим бураном божится,
Шальным бараном в ноженьки
Кидается, тьмой множится.
– «Меч дам тебе, власть-главенство,
Семи!»
Тот кулаком как вдарит в снег:
– Одной рукой управимся!
– «Пропал! – Пылит –
Попал! – палит –
Метель, клюка я глупая,
Сама Пурга я лютая!
Гей, мои птицы-ласточки!
Лети в глаза глазастые!»
Тот, рассмеясь, как харкнет в снег:
– «На то и баба – хвастается».

* * *

[Метет, метель,
Стелит постель,
Пьяным, влюбленным,
Мертвецки-сонным:
Всей голытьбе:
(Мне – тебе.)]
– Как бы не так!
Вьюге на злобу –
Прет из сугробу
Сжатый кулак.
Чей это нос расплющенный
В снегу? – Чей хвост опущенный?
Кто сквозь метель, без тропочки
Рысцей трусит, торопится?
В снежку порыв, понюхает,
Ушко вздыбив, послушает,
От взору – роца выгорит,
И шуба – мех навыворот.
– Скачи, гоньба! Гони, гоньба!
Уж над крутым отвесом лба
Метель – валы взметаает.
Уж на нем снег не тает.
Спешит волчок, трусит волчок.
Что нам верста, ему – вершок,
Да как с разбегу:
Что за торчок из снегу?
Нюхнул – хвост выпустил – скребет,
Осел – передними – гребет,

Вал снежный – на два вала,
А посередке – в алой
Рубахе – как к венцу идут –
– Как вззоет тут! Как вззоет тут! –
В тулупе нараспашку –
Егор – как воин павший.
– Егорушка! – куснул в плечо.
– Егорушка! – Рванул. – Еще
Куснул, – теперь уж за нос.
Как дуб, сраженный за ночь,
Как дубсуком
В метель грозитя кулаком.
– Егорушка! Так, брат, нельзя!
Егорушка! – Лизнул в глаза,
И в нос лизнул, и в губы –
Лежит. – Четыре зуба
Так и засожены в губу.
А там метель в трубу
Трубит: «В честном гробу
Я друга погребу!»
Все горячее волчий дых.
Уж дыбом на боках худых
Мех дикой, разномастный.
И вдруг – железом красным
Литым расплавленным свинцом
.Слеза.
И разом – надвое – бугор,
И разом – на ноги – Егор.
Стоит, сугроба посеред,
Одной рукою – очи трет,
Другой – в затылке чешет.
И хрипло так – аж три дня пил:
– А где ж я шапку обронил?
Трет-нажигает скулы:
– Волчок, никак соснул я? –
И, эдак вопросив, зевок
Такой великий задает,
Что волк, не пикнув даже,
За три версты – в овражек.
Идут дорогой,
Прут прямохожей.
Парень – проломом,
Волк – вавилоном.
Вскинет хвосточком,
Прянет ушами.
– Ну и охоч ты,
Брат, до шатанья!
Как не мой опыт,
Без моих хлопот,
– Тьфу, будь ты проклят! –
Снег тебе лопать.
Все б твои разом
Вышли – румяна.
Из-за барану –
Сколько изъяну!
А паренек-то:
Стоит ли споры –
Из-за Егора
Весть – разговоры?
Аль я царевич,
Что ль, какой дорог?
В каждой деревне –
По сто Егорок!
[Русь породила,
Вьюга – накрыла.
И, размахнувшись
– Чмок – того в рыло!]

* * *

Дороженька! Дороженька!

Стреми мои сапоженьки
По следу злomu, темному,
Метелью заметенному.

Куда – скажи мне – вор-мой-пес
Маво ягненочка унес?

– Как ты со мной, ухабистой,
Речь заводил без наглости,
Как ты со мной, проселочной,
Речь заводил без сволочи –

Все прямо

И влево

И встань

Под древом.

Храни тебя

Мать –

Дева!

* * *

Куды, куды, детинушка?

Не торопись уж очень-то!

То след-зовет-тропиночка,

Большой дороги доченька.

– «Хоть прешь, мальчишка, на беду,

Тебя до места доведу,

Дойдешь, как по веревьцу!»

Глядит Егор: ствол-деревце,

На деревце – высокий дуб,

Высокий дуб

. упорист,

Ну, Царь наш Миротворец.

Овчину с плеч долой-тулуп

И веточки на ветку – ступ:

Прилег как вор на страже.

А под низом – овражек.

А из овражку – свет ты наш! –

– «Он мал – он наш!

Он бел – он наш!»

Пяток братков, знать, наших,

А посреди – барашек.

И гласом – столб-заплачет-дуб:

– «Я мал – я глуп,

я бел – я глуп!»

Глядит Егор: бок выдран!

Да с высоты тут тигрой

Как прынет в самый волчий вой!

«Он мал – он мой!

Он бел – он мой!»

И – радугой из гущи –

Глупца на сук негнуший!

Застолбенела волчья тварь.

Один: «Знать Царь!»

Другой: «Знать Царь!»

И меж собой, по-волчьи:

– Нас пятерых потолще!

Залебезила волчья рвань:

Один: Достань

Другой: Достань!

Как кулаком по дубу

дубнет: Влезай, коль любо!

Как заскулит тут волчья гнусь!

Один: сорвусь!

Другой: сорвусь!

И вдруг – рысцою тихой –

Шажком – шмыжком – Волчиха!

И опрометью дрань и рвань:

Один: Мамань!

Другой: Мамань!

И как на панихиде

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Все разом вдруг: – Оби – и – дел!

.на шесток:

Тому – шлепок,
Тому – шлепок,
Всех одарила в чéред.
И вдруг как рылом смерит
Егорку – с носу да сапог.
Моргнет – и в бок,
Шморгнет – и в бок,
И вдруг, всем рылом врывшись
В живот-то: «Волчий привкус!»
И жалобно – сугроб бы взвыл! –
«Сынок, забыл!
Щенок, забыл
Волчиную погудку!»
И – лапами на грудку!
И – голосом – сугроб бы скис:
– Сынок, вернись!
Щенок, вернись!
Овчину-сбрось-личину!
Над всей страной волчиной
Тебя поставлю я царем!

.

И тут – на весь лесной чертог –

Один: Браток!
Другой: Браток!
А третий, самый рваный:
– Отдай маво барана!
И хором тут вся волчья блажь:
– «Он наш – отдашь!
Он наш – отдашь!
Вся наша кровь свернулась!»
А тот в ответ: «Да ну вас!
Аж тошно мне от ваших харь!
Не вам я – царь,
Стадам я – царь!»
И враз десницей-шуей
С груди-то – трёх! – старшую!
Заледенела, зноб затрёт.
Старшая: Пёс!
Вся стая: Пёс!
И ну его за икры:
– Держись, собачья прикровь!
По скоком им волчица в тыл:
«Он вскормлен был,
Он вспоен был
Моим сосцом волчиным!
Судить его – по чину!
Сюды, Егорий, на допрос!
Лизала? – В лоск!
Сосал? – Взасос.
А как порою темной
Глазком светила? – Помню.

.

Припомни прежнюю хлеб-соль!
Мы – тощие, ты сытый!
Отдай овцу! Сокрыты
Ресницами твои глаза!
Егорушка, взгляни в глаза,
Взгляни на мех-мой-проседей!
Егор, волчица просит!
Егорушка!» – Но нем и глух
Егор. Лоб жилами набух.
Лик грозный. Дых неровен.
И – лбом в снега: «Виновен!
Виновен! Рвите на куски!
Виновен! Не отдам овцы!

Хватай! Не шелохнуса!

Да что ж не рвете, трусы?»

И – разом – волчье воронье:

Один: мое!

Другой: мое!

– Прочь! – им Волчиха с дрожью:

Мной вскормлен – мной и пожран!

Молись, Егор! – Тот в воздух: чмок!

– Прощай, браток!

Гуляй, браток!

А уж в ногах: «Не выдам!»

Браток стоит: шерсть дыбом.

И гневно: «Не отстать клыку!

Как ты мне брат по молоку.

Так я тебе – по хлебу!

Спасайся, брат! Я следом!»

– «Нет, брат, не место тут двоим:

Сдурил один – помру один!»

А уж над спором ихним

Волчиха – жарким дыхом.

Слюной-струею каплет в спор:

– «Пора, Егор! Стара, Егор!

Не жду! – Взыграло чрево!»

Вздыхнул Егор. На древо

С ягненокком – на весь свой век

Глядит, и вдруг – как вспыхнет снег!

Костром-великим-гневом

Горит, горит Царь-Древо!

И – опрометью – волчий сброд!

– Горит! – А пламя посеред

– Горит! – как в ризе ценной

Ягненок нетленный.

Навечно

* * *

«Вставай, Егор! Потом доспишь!

Уж день скрипит воротами!»

Глядит Егор: шатром-костром

В глаза – заря широкая.

В ногах волчок, сражает блох,

Крючком скрючившись, скрючимшись.

– «Чай, третий самовар заглох,

Все сушки пересушатся!

Вставай, лентяй!» На ножки – скок

Егор, тулуп внабросочку.

Глядит-глядит в зарю-восход,

Глядит-глядит без просыпу.

Глядит – аж душу потерял!

Аж захлебнулся золотом!

А волк: «Кто шапку потерял –

Тому венец под молотом!»

Купечество

Как к голубке безмужней вдовушке

Попросились купцы в ночевочку:

«Далеко, мол, вдова, до городу!»

Видит баба: седые бороды.

Вторá – первой, а третья – второй седей –

И впустила чужих людей.

Еще рук не успели выпростать –

А уж им самоварчик вытрясен.

Еще шуб не успели вытрусить –

А уж им самоварчик – искрами.

Не успели сосульки сойти с усов –

А уж им самовар готов.

Стаканá не схлебнули цельного –

А уж им зипуны подстелены.

Пол-ломтя не сжевали ситного –

А уж им и подушки взбитые.

Не успели <ни крошки> стряхнуть с усов –

А уж и ночлег готов.
Инда взмокла, толчась, заботимшись.
А старшой: «Хороша работница!»
А второй: «Золотые рученьки!»
А третей: «Не трудися, внученька!»
Не успели ресницы довести до глаз –
Да все трое как вскрикнут враз:
«Ой, доченька! Никак – летун!
Летун-храпун! Летун-хапун!
Всю казну забирай на откуп!»
А она, ухмыльнувшись кротко:
«Не трудитесь, деды! Не змей летит, –
То сыночек-мой-свет сопит!»
Прозвенела казна за пазухой.
А старшой: «Хороша присказочка!»
А второй: «Не плоха присвисточка!»
А третей: «Чудеса – поистину!»
И все разом: «Прости нас, вдова, дедов:
Тоже разных видали вдов!»
Еще смута с лица не схлынула –
А они уж друг к дружке спинами.
Еще крест-не творили-заповедь –
А старшой уж с вторым – посапывать.
Не успела
Да как трое все вскочут враз!
– «Ой вдовушка!
Он-он – летун!
Летун-храпун,
Летун-хапун!
Пожалей нашей капли кровной!»
А она голосочком ровным:
– «Не крутитесь, деды! Не змей пыхтит:
То сыночек-мой-свет храпит».
Посинели в лице, как тряпочка,
А старшой: «Хороша похрапочка!»
А второй: «Нелегка погудочка!»
А третей: «Богатырь, знать, будущий!»
И все разом: «Уж лик твой, вдова, таков:
Уж и льстивый он, змей, на вдов!»
Еще нитка в иголку ленится, –
А они уж за сон-храпеньице,
Еще шовчик не взят навыворот –
А по ним уже вошки прыгают.
Не успела иголку воткнуть в атлас –
Да все трое как вскочут враз!
«Ой, ноченька!
Ну что ж, летун!
Хватай, храпун!
Хватай, хапун!
. Громкий»
А она не взглянув от шóву:
«Не бранитесь, деды! Не змей пыхнул:
То сыночек-мой-свет вздохнул!»
Отхлебнули как синьки-щелоку.
А старшой: «Хороша ночёвочка?»
А второй: «По грехам, знать, нашеньким!»
А третей, с тихотцой монашенской
Поклонился, да ровно кулёк-знать-холст
Так молчком под скамью и сполз.
Ползком сполз – скоком выскочил.
– «Ой, мать честна! Ой, с кисточкой!
Микола-свет-Угрешинский!
Сам-сам лежит и чешется!»
Не успела кресточку достать в доказ –
Да как дверью все хлопнут враз!
К горшкам-к шесткам, знать, в обчество.
В <отлах>, в лоханках топчутся,
Овечным сбродом мечутся,

Клянут свой сан купеческий...

Этот в тесто, тот в жбан-угораздил-квас...

Да все трое как вскрикнут враз.

И трубный глас:

«Держи! Держи!

В мой сонный час!

А чччерт бы вас!

Где честь у вас, приличество?

По самому по личику

Слоном скакать! А черт бы вас

Растряс! В мой сонный час!

На свет, кроты, из норушки!»

Тут всех воров Егорушка

Вперед себя – как вытолкнет!

А сам-то – лбом об притолку

Как ахнет! – Лоб-то вытерпит!

И в избу – вместе с притолкой!

Ревет: «А ну-ка, рódные!

Кажи статью доходную!

Огнем по телу мечену –

Кажи статью наплечную!

<Имя>-чин-звание-отчество!»

Взглянул – д'как расхохочется!

«Ой дурни вы! Ой сёдые!

Ой, рухлядь вы прадедова!

Ой, холостые ружья вы!

Ой, вы громилы дюжие!

– Чай, трех погостов старосты?

Да что ж это вы – под старость-то?»

Старшой вперед оправился:

«По всей Руси мы славимся».

Второй: «Назвать по имени –

По всей Руси мы чтимые».

Третей: «До самой Сызрани

Парчой торгуем, ризами,

Свечным товаром, ладаном.

Тваво добра – не надо нам».

Стоят, в окошко мрежатся.

Старшой: «Прощай, медвежество!»

Второй: «Прощай, сапожество!»

Третей: «Хоть от художества

Тваво – все – гудом хрящики, –

Идем ко мне в приказчики!

Что скажете, торговый дом?»

А те: «Дельцо дубовое!»

– «Что скажешь, мать безотчая?»

А та: «Премного почести».

– «По рукам, что ль, мóлодец? В добрый час!»

Да все трое – как вскочут враз!

– Ой, матушка!

. !

. !

. !

Не видать нам рядов-знать-лавок!

А Егор, повалившись на бок:

– «Провалиться вам, деды! Не змей

То браточек-мой-свет !»

Расплелись – что коса на плёточки.

А старшой: «Хороша, знать, глоточка!»

А второй: «Не плоха – хорошая!»

А третей: «Уж целая ли лошадь-то?

Уж не скачет ли шут на тебе, Саврас?»

– Да все трое – как вскочут враз!

«Держи! Держи!

Ой – зверь-рыскун!

Рыскун-храпун!

Рыскун-хапун!

. зверь неслыхан!»

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

А Егор, почитай, без дыху:

– «Протрезвитесь, деды! Не зверь-он-яр:

То браточек мой-свет, овчар!»

Окрестились над страшным мороком,

Шапки-шубы торопят торопом,

Вид непомнящий, взгляд незнающий,

Враз поклон отдают хозяйшке:

А она: «Не взыщи, Степенствушки,

Потому, мое дело женское..

Наварила б вам, батюшки, жирных щец...»

А старшой: «В рукава, купец!»

* * *

Скидаёт на паренька

Шушенок свой ватошный.

Долго на сваго сынка

Воззирала матушка.

(Никогда бы вас, сынов,

И рожать не надо бы!..)

– «Ты прости-прощай, сынок!

Расстаемся на́долго!

Что сыночку – десять дён,

Матерям-то – тысячи!

Заугольничком рожден –

До отца возвысишься!

Высоко́ твой путь забрёл, –

Поклонись, коль встренется!

Не кладу тебе, орел,

На́ сердце смиренъица.

Как бы царь ни принажал –

Не клонись осокою:

Уж в колысочке лежал

С головой высокою!

Чтоб сам шут тебе – с жучка!

Все ручьи – целебные!..»

Достает из сундучка

Сапожок серебряный.

«Был когда-то позлащен,

Побелел от старости,

Тоже с милым разлучён,

Как и я – без парочки!»

Начищай его, дружок,

Мелом без оплошности.

На иконке чтоб дружок

Выходил хорошеньким.

Чтоб по отчим по следам...

И с крылечка – на́ ветер:

«Весь на то и век нам дан –

Расставаться на́веки!»

* * *

Сбруя новая по крут-бокам поскакивает,

Колокольчики-бубенчики позвякивают.

Ты бренчи-звенчи, Валдай, купцам на счастьеце!

Везем в лавочку мы нового приказчика!

Душа русская, простая, неувертливая!..

Заря алая по бел-снежку посвёркивает.

Ты зари, заря, зари во все оконышки!

Везем девицам мы новую иконочку!

Румянисту, штаны плисовые..

Чай, не за морем каким, – в Рязани писанную!

Ты звони, Свята, звони во все во звонницы!

Везем Господу мы нового заслонничка!

* * *

Как над той землей, смирей какой не пахивали,

Разудалая одна – косынкой взмахивала!

.

Воспускай из-за прилавочка

Должно, паренек

Своих рук не берег,

Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.
Паренек-то, взглянуть, с душой!
И к прилавочку – ступ – старшой.
– Ну что, купец?

Как ?

А тот в ответ:

.
Аж в лице покраснел, как свёкла.
«Вся спина моя, значит, взмокла!»
– «Знать целый куль
Нагреб – хвалю!
Давай-ка нуль
Писать к нулю!
Молодец, на слова не тратясь!
Не ошибся меньшей наш братец!»

.
«Где ж звон-казна?»

А тот в ответ:

«Кака казна?

Не пойму твоего я слова, –
Только первый мой день торговый!»

Глядит купец:

Овца – овцой!

– «Аль ты с глупцой,

Малец, с дурцой?

Без казны-то и солнце – с кукиш!»

А Егор, подивясь: «Да шутишь?»

.
Сробел купец:

.
«Где ж вся парча

Моя ?

. торговли?»

А Егор: «Ворочай оглобли!»

Уж так гребли,

Отец, гребли,

Как я им всем

Назад – рубли!

Уж и вид твой, кричат, бурдовый!

Видно, первый твой день торговый

А вот уж поп

Один – так грёб!

И оженю

И в гроб

Провожу, – хошь с родной сестрою

Окручу! – Потому – расстроил!

А еще Тит

Один – так спас.

Хоть старый лис,

<Кричит>, хоть лыс,

Весь кирпич-забирай-мой кафель!

Потому что [де] кричит, потрафил!

А Генерал –

Один – капрал:

Дроздов я драл,

Азов я брал,

А еще не видал такого, –

Видно, первый твой день торговый!

Сомлел купец,

.
«Ой воск мой яр!

Ой ладан...!

Ой елей-мой лампадный-слёзка!»

А Егор, рукава внаброску:

«Сперва словцом

Учи, добром!

А не смекнем –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тогда ремнем.

Всё козлы-то в глазах – коровы:
Только первый мой день – торговый!»
Тут по плечу его старшой:
– «Ты паренек, глядеть, с душой!
Придут годы – придет и разум..
Подождем до другого разу!»
Вторник

Как над той землей, где . . .христосовались,
Разудалая одна – косищи чесывала.
Сокрушай, заря, расчёску-треск-ребеночку!
Воспускай из-за прилавочка орлёныша!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.
Паренек-то, взглянуть, – ерой!
И к прилавочку – ступ – второй.
– «Ну что, купец,
Как Бог нам дал?»
А тот в ответ:
– «Так Бог нам дал,
Ровно праздник какой престольный!
Весь товар твой, отец, пристроил!»

Взыграл купец:
– «Где ж жар-казна?»

А тот в ответ:
«Сказал – казна!
[Чай] вся иная пошла музыка:
Никакой уж и нет – казны-то!»

Как я словцо
Сказал: платеж,
Ну уж и вой
Пошел, галдеж!
«Одурел ай сбрендил?
Кто ж товар продает за деньги?»

Как затрясусь:
«Купец велел!»
Ох ты пострел,
Орут, безус!
Да как гаркнут [рявкнут] все разом сразу:
«Ишь царёву грубить указу!»

«Какой указ –
Шепчу – приказ?»
«А тот указ,
Орут, приказ:

Всем купцам, молодым и старым:
Весь товар продавать задаром!»
Как размахнусь,
Да в ножки – бух!
– Ох ты пентюх,
Орут, лопух!
Гнить бы в яме тебе царёвой –
Как не первый твой день торговый!

.
Купец

.
– «Туман-дурман,
Вопит, обман!
Не царю ты, а сброду-твари,
Всей дороге челом ударил!
Ох ум твой худ,
Карман твой свист,
Кошель мой туг,
Доход мой чист!
Ох рубли мои свет прибыли!»
А Егор, рукава внакидку:

«Как мой совсем особый склад,
Как на башку – выходит – слаб,
Чтоб мозги мои – впредь – свежее,
Наклади мне, отец, по шее!»
Тут по плечу его второй:
«Ты, паренек, должно, ерой!
А дурак – не с дурного ль глазу?
Подождем до другого разу!»
Среда

Как над той землей, козой несытой Сидоровой,
Разудалая одна – монистом игривала..
Задавай, заря, во все рубли-целковики!
Воспускай из-за прилавочка соколика!
Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.
А взглянуть-то – дитя дитёй!
И к прилавочку – ступ – третёй.
– Ну што, купец,
Как жар-казна?
А тот в ответ:
– «Така казна,
Уж и мастер народ ваш тратить!
Всех ларей твоих, дед, не хватит!
Первее всех,
Отец, нам слыть!»
Взыграл купец:
«Ну, парень, сыпь!»
А волчок, из-под ног осклабясь:
– «Все – е до солнышка обещались!»
Вздогнул купец:

.
«Ох ты Рязань,
Кричит, Казань!
Ох ты Русь моя-дурь-Рассея!
Весь товар посеял!
Коль не

.
Вот и вся вам святая Русь-то!»
А Егор, с превеликой грустью:
– «Что зря слова
Во рту молоть?
Кто оплошал –
Того колоть.
С колокольной-толкай-хошь-кровли!
Не пойму я твоей торговли!»
Тут по плечу
Его третёй:
«Хоть с каланчу –
Дитё – дитёй!

.
Подождем до другого разу!»
Четверг

Как над той землей, избой кленовой, ясеновой,
Разудалая одна – да распоясывалась.
Расплещись, заря, во все шелка разлившаты!
Воспускай из-за прилавочка счастливчика!
Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.
Не пенькой торговал, –
Парчой.
И к прилавочку
– Ступ – старшой.

«Ну што, купец,
Как звон-казна?»
А тот в ответ:
«Ну да, казна!
Цельный, знаешь, мешок пузатый,
Да не любит меня казна-то!»
Взревел купец:
«Да кто ж? Да што ж?»
А тот в ответ:
«Ругай, как хошь!
Видно, ум у меня слабёнок, –
Не пойму я московских денег!
Как стал считать –
Бревно-бревном!
Такой уж зноб
В костях – и лом!
А в ушах-то, что улей-пчелки,
Так тебе и жужжит: „Обчелся!“»

.
Пошел и шум.
Вдруг кто-то: ррраз!
Здорово, кум!
Почеши, говорю, в затылке!
А когда ж у тебя крестил-то?
Коли не кум,
Орет, так брат.
Ты на язык,
Я вижу, хват.
А считать, посмотрю, не школет.
Подсобить тебе, парень, что ли?
Как зачастит –
Зерно зерном!
Как в молоке
Лежу парном.
Ровно гущу-хлебаю-твóрог.
А тот знай себе: шесть да сорок,
Да пять да шесть,
Да шесть да семь.
– «Как ни считай,
Ворчит, всё темь!
Все как будто забыл чего-то..
Видно, враные ваши счеты!
Вот так статья,
Ворчит, вóт стих!
Пойду-ка сверю
На своих!»
А волчок, над хвостом стараясь:
– «О сю пору сидит, сверяет».
Вздохнул купец:
«.ты гусь!»
А тот в ответ:
«И сам дивлюсь!

.
Знать уж . . .така: Егорий..
Мне и до трех,
Отец, не счесть.
Каков рожден –
Таков и есть».

.
Тут по плечу
Его – старшой:
«Хоть не пенькой
Сплошал – парчой –
Да глаза-то твои – алмазы!
Подождем до другого разу!»
Пятница

Разудалая одна – юбчонку скидывала.
Раскрутись, заря, во все свои полотнища,
Воспуская из-за прилавочка молодчика!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

В само небо,
Чай, – прет горой!

И к прилавочку
– Ступ – второй.

– Ну што, купец,
Как звон-казна?

А тот в ответ:

. казна.

Нынче дело другого рода:

Ни один твой вершок не продан.

Глядит купец:

.

Как сам потоп

Прошел волной.

– Самовар твой, кричит, с угаром!

Аль опять отдавал задаром?

Ох ты упырь,

Кричит, шакал! –

А тот в ответ:

«Отец, сплошал!

.

Весь товар твой – до нитки – скраден!»

Не голова –

Отец, – арбуз!

Качнусь-очнусь,

Качнусь-очнусь,

Как болванчик какой китаец,

Ровно в люльке лежу – мотаюсь.

Встряхнусь это –

Опять нырну.

И так это

Сквозь сон-дремú:

– Отчего ж это, мыслю, братцы,

Всё другим это – бабы снятся?

Да как на грех еще –

Сверчок.

– Посторожи, прошу,

Волчок!

Всё горошек в глазах персидский, –

Может, баба кака приснится.

Ну и залег –

Кульком кулёк.

Тут вперебой

Ему – волчок:

– «Заворчал, эдак вот, зачавкал,

Ну и встал я, отец, к прилавку.

Гляжу: чернец

Бредут с попом.

Да взвидят как,

Что волк – купцом:

„Поддавай, орут, ветер в полы!

Сам Нечистый сошел с престолу!“

Ну уж и трус

У вас народ!

Чуть шелохнусь –

Уж тряс берет:

– Ворочай, орут, Русь, по трахту!

Сам Нечистый у них в купцах-то!»

.

.

Тут вперерез

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ему Егор:

– «А мне, значит, взамен девиц-то

Все какая-то мелочь снится:

Как будто гриб

Нашел – сморчок...»

Тут вперебой

Ему – волчок:

– «Хоть и вид мой, пою, предивный,

А зато продаю за гривну.

Гляжу – хромец

Идет

Совсем было сошлись, –

Ан нет:

„Хороша, говорит, лавчонка,

Да уж больно купец страшон-то!“

Кто ни взойдет,

Отец, – страмит.

Терпел, терпел,

Аж сон кренит –

Отчего ж это, мыслю, братцы,

Все другим это – овцы снятся?

Хошь бы одну б

Каку – на вкус!

Качнусь-очнусь,

Качнусь-очнусь, –

.

Может приснится?

Ан: самовар

В глазах – прибор...»

Тут вперебой

Ему – Егор:

«Пока блюдцы-считал-стаканы,

Весь товар твой, отец, и канул».

Как ухватился

Тот за плешь:

«А самовар,

Вопит, мой где ж?»

– «И с прощайся:

Из-под придется чай пить!»

Пыхтит купец,

Как в баньке взмок.

Чтоб энтот сон,

. вам впрók –

.

Сволоку-ка вас, братцы, в волость!

А волчок-то с Егоркой в голос:

– «Тащи, отец!

Сошли, отец!

Озолоти,

. отец!

После пытки таковской – торгу,

Хошь в петлю затыни – просторно!»

Вопит Егор:

«Уж как здоров –

От ладанных

Помру паров!»

А волчок пареньку в защиту:

«Запаршивел с твоей парчи-то!»

Тут по плечу

Его – второй:

«Не удушу,

Ворчит, не вой!»

Путь-то – не медом мазан!

Подождем до другого разу.

Суббота

Как над той землей, где бабка черту маливалась,
Разудалая одна – под полог сваливалась.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Закатись, заря, вались, заря, на сон честной!

Наше дело молодецкое окончено!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Уж и лоб

У него – пустой!

И к прилавочку
– Ступ – третей.

«Ну што, купец.

Как торг-дельцо?»

Взглянул – и с губ

Нейдет словцо:

Видит: купчик-то наш-кормилец

Вместо рук-то – веревку мылит!

Ты што ж это,

Речет, сокóл?

А тот в ответ:

«Знать, день пришел».

А волчок, защелкав, как бубен:

«Кажну ночь тебе сниться будем!»

.

Не суйся, дед!

И кредитку-достав-рублёвку:

«Получай за свою веревку».

А сам на крюк

Глядит-крючок.

Тут вперевбой

Ему волчок:

«Не сосём твоих кровных жилок:

Деревенский еще обмылок!»

Вспылил купец:

«Ишь брат – повис!

Ты на земле

Гремит, трудись.

.

Ты и сам у меня червонный!

Тем мне и люб,

Дурак, – что глуп!»

А тот, в сердцах:

«Вестимо – глуп.

Хошь хлыстом меня в очи хлестай, –

Не стерплю я ребячьей слёзки!»

Сижу это,

Отец, с казной,

Ан голосок

В дверях – сквозной,

Как комарик звенит над синью,

Как сырая в печи осина.

Как трещинка

Поет в стекле...

Гляжу это:

Малец в тряпье,

Куполок-золотой-головка...

– Одолжи, говорит, веревку!

– Ай свет тебе,

Смеюсь, не люб?

А тот в ответ:

Хозяин лют.

Как в снежки-то играл с Колюшкой,

Обронил на снегу полушку.

Как хрусталец –

Звенит-ледыш:

«Озолоти, звенит,

Услышь!

А веревку не дашь – так в прорубь!»

– Это што ж, говорю, за тóропь?

Коль уж такой
Мужик – в петлю,
Так кто ж служить
Пойдет царю?
Да как сыпать пошел в карманы!
Одевай, говорю, команду!
Как в решето
Сквозя водой.
«Отец, звенит,
Карман худой!»
«А худой, говорю, так свистни!»
Весь мешок тут ему и втиснул.
Осоловел
Малец – столбняк:
А поминать,
Лепечет, – как?
– Поминай, говорю, хошь зайца!
Не моя звонкота – хозяйска!
Тут васильком
Как вскроет взор:
«Ай позабыл
Меня, Егор?
Как в цветах обещались, в листьях?»
И уж нет никого – как высох!
Как голубок
Крылами – плёск!
«Ну, паренек
(Купец) – сбылось!»
(А из каждой глазной лощинки,
Что тычинки на свет – морщинки.)
«Как Русь стоит –
Тебя искал.
Одних лаптей,
Чай – воз стоптал.
Уж не знал, растеряв силёнки,
Уж с какой тебя ждять сторонки».
Стоит Егор,
Картуз в горсти.
– Озолоти! –
Хрипит: – пусти!
А не то – запиши на плеши! –
Без штанов удеру – как леший!
Тут по плечу
Его третей:
«Ну уж и нрав,
Ворчит, крутой!
Чтоб вся жизнь ему по заказу!
Подождем до другого разу!»
* * *

Воскресенье

(Отъезд)

Как над той землей, за тем за красным занавесом,
Разудалая одна – со сна выламывалась!
Выходи, заря, с ковшом, с шириной, с брагою,
Провожай меня, орла, за сини за горы!
Должно, паренек
До купцов не дорос,
До купцов не дорос,
Цельну кучу растрёс!
.
.
И с повозочки
– Ступ – братья.
«Хорош возок», –
Ему – старшой.
– И – конь резóв! –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ему – второй.

А третей:

– А по мне седочка не стоят!

– Смелей, сокол! –

Ему – старшой, –

Как станет ствол

В лесу – сплошной,

Не сказавши дурного слова:

«Вспомяни», говори, старшого!

– Смекай, ерой! –

Ему – второй, –

Как где гора

Сошлась с горой,

– Расступись, говори, хоромы!

Поклонись, говори, второму!

– Смекай, огонь! –

Ему – третей: –

Как станет конь

Шалить речной,

– Ошалел, скажи, дурень! Долу! –

Не страми, говори, Николу!

Старшой один

Тут держит речь:

– Как весь товар

Свой сбагришь с плеч –

Поспрошай у хромца-культяпки

Старичка в островерхой шапке.

Поклон тебе, скажи, от трех,

От трех купцов,

Скажи, братьёв,

А я сам, говори, тот хлопчик,

Что – живьем обдери – не взропщет!

На все дела,

Ори, горазд!

Он кувшинок

Тебе подаст,

Чиста серебра – день аж Божий!

Голубочек вверху посажен.

Ты отдарить

Не смей – казной.

Тройной поклон

Клади земной,

– Благодарствуй,

От всея от Руси

Хошь тот кувшин

И прост на взгляд –

Чтоб пуще глаз

Тебе был свят,

Да сам не пытай – смотри-ка! –

Что в нем там за богатство скрыто.

– Блуди закон!

Ему – старшой.

– Не льстись на жен!

Ему – второй.

А третей: – Не крушитесь, братцы!

Выше прочих запишут в святцы!

– Возрастай, Егор!

Ему – старшой.

– Крепчай, Егор!

Ему – второй.

А третей, с ласкотой суровой:

«Наклонись ко мне на два слова!

Как уж в колыске

Нам не спать,

Так наша жизнь

Не хочет вспать, –

Так уж знай, дурачок мой прóстый,

Что третей-то – в сердце врос ты!»

– Прощай, Егор!

Ему – старшой.

– Прощай, Егор!

Ему – второй.

А третей-то – мороз, знать, тронул!

Ни словца не сказать третёму.

* * *

Уж миновал проселочек,

Привстал, оборочается:

На бугорку три елочки

Седатые – качаются.

Качаются – прощаются.

Старшая – как перстом грозит,

Вторая – как поклон творит,

Меньшая – как крестом хранит.

Серафим-Град

Но не слышит Егор. От круглых

Щек – весь цвет отошел Егорьев.

На холмах крутобоких, смуглых

Дивный град предстоит лазорев.

Не рабочей рукою поднят,

С изначального веку – сущий,

Трудолюбием рук Господних

Прямо с облака нáземь спущен.

И стоят колокольни в звоне,

И летят колокольни в зорях.

И не вам, мятежи да войны,

Дивный град сокрушить...

Вздыхнул Егор: «Ох град мой, град!»

Как с корнем вырывает взгляд,

На сапожки глядит: как стёклы!

Что за диво такó: просохло!

Вместо рек-морей – ручейки журчат,

Ребятём – на звон – вперегон спешат.

– Мы спешим, Егор, в Серафим-от-град!

Поспешай, Егор, в Серафим-от-град!

Тут как ступит Егор шажочек:

Невтерпеж – разуваться хочет!

А как дважды ступнул – мурава пошла рость,

А как третий ступнул – виноград сладкий гроздь.

С три шажочка еще протопал –

В воротáх уж стоит – как вкопан.

Взглянул – да как обмер!

Спроста, сгоряча – словно луч цветаст,

Павлиний хвосток глазаст.

Уж, знать, маляр малевать горазд:

.

И лаком и златом,

Не мазь – а ласканье!

И все воротá-то –

Глазками, глазками.

Уж с энтою вохрой – и кровь не спорь!

Аж звоном звенит лазорь!

Чай, каждый мазочек

Обдуман, обмыслен,

И в каждый глазочек

Угодничек вписан.

Уж энто маляр малевать храбрец:

Аж криком кричит багрец!

Уж насожено – конца нет!

Всех как есть пристроил!

Все окошечки с жильцами,

А одно пустое.

И, вздохнув, Егорий – волку:

«Каб не вид наш серый,

Хорошо б, браток, светелку –

Ту занять-фатеру!»

А волчок ему погудкой

Жалобной, завистой:

«Всяку рвань-вписал-ублюдков,
Я один не вписан!

И ... хорош,хорош,
И ... хорош, – только я не гош!

Впускай, орет!

Встречай, орет!

Кто здесь ключарь,

Орет, выпускай!»

«Не то, орет, култышка,

Всем божененкам – крышка!»

Как скважениночка в стекле,

Тихонько ключ пропел в замке,

Стена зашевелилась,

Калиточка раскрылась.

В нее – седая борода,

Должно что локоточка с два

На свет глядит

– Кто здесь, ворчит . . . ?

Да взглянет как – калиткой хлоп!

Да штоб тебя, ворчит, да штоб!

Туда ж, ворчит, извольте ж:

В штанах – а морда волчья!

– Да мы ж, ему Егор, от трех,

От трех купцов . . .братьёв.

А волк: «Делов по горло:

За кувшинком приперли».

. . .ключарь: «Куды хитер!

А звать-то как тебя?» – Егор.

– А дальше как, для чести?

– Никак: Егор – и весь тут.

Смекнул привратник: – Стало – тот!

Ну, говорит, свободен вход.

Кивоты покачнулись,

Ворота распахнулись.

Шагнул Егор, а тот: «Нет, брось!

Ты, говорит, входи, будь гость!

А энтот пусть почухнет, –

У нас, брат, не волчатник!»

– Ну што ж, ему Егор, как хошь!

Как хошь, а без него не вхож!

Особняком без куму

Хошь в рай зови – наплюну!

. . .ключьми ключарь.

– Ох ты . . .ворчит, бунтарь!

Быть за тебя – проборке! –

И – настезь – обе створки.

И – настезь распахнувши взгляд –

Грядет Егорий в Град.

* * *

Шагнул – да как отпрянул!

Река катит [кипит] огниста.

Вал грозовой, багряный,

Рев, гром, блеск, жар неистов.

Глядит: нечеловечья

Река, – ну пламенем пламя!

А по воде навстречу

Солдат идет с крылами.

Да на Егорку: – Кто таков?

– Я, говорит, от трех братьёв,

Их паренечек присный,

За кувшиночком прислан.

.
Да вдруг как гаркнет: «На кра – уллл!»

Вся хлябь стойком, вся рыба

В реке хвостами дыбом.

На бережок ступнул на край

И шпорами: – Смекай! Слушай команду.

За твой за нрав за прѳстый
Переведу без мѳсту.
Как будем пламя посерѳд,
Такой уж вой пойдет и рев –
Закаменей, как башня.
Оглянешься – шабаш нам!
Теперь вторая будет стать:
Воды ручищами не брать.
У ней состав такой уж:
Обмочишь – не отмоешь.
А третий мой, смекай, приказ:
Какая б ужасьт ни стряслась,
Словцом – прошу покорно! –
Не выругайся черным!
О бережок-притопнул-край,
Коленочку согнул: «Седлай!»

.
Запамятуешь –!
* * *

Вал горбовой, верблужий,
Дых огневой, угарный.
Сидит Егор на службе
Верхом, а волк – на парне.
Так Троицей святой и прут:
Солдат-крылат, Егор и плут,
Среди волны багровой –
Уродом трехголовым.
Сидит Егор – и сам не рад:
Что за солдат такой крылат?
Что за река ведьмиста?
Что за вода пениста?
А волк-то вторит шепотком:
«Добро б с хвостом, – а то с крылом!
А где таки берутся?
Что за страна нерусска?»
Все круче вал, все пуще вой,
Уж полдороги за спиной.
Вдруг как взревут, завопят:
– «Не доверяй! Потопит!»
Молчит Егор, не дует в ус,
Надвинул на глаза картуз.
(Эх, завралась, бесовка!
Еще и нет – усов-то!)
Как сквозь войну-идут-сквозь строй,
Уж полпути прошли с верстой,
Вновь рев тысячеустый:
«Остерегись! Упустит!
Не по волнам шагаешь, – стой!»
Сорокоустовой тоской
Вся хлябь взмелась, не валом
Вал – пропадом-провалом!
А путь-то – в те поры – свершен.
Уж до земли – аршин с вершком.
Вдруг крик такой унылый:
– «Оборотись! Поми – и – луй!
Пилами пилют!
Вилами колют!
Иглами очи
Выколоть хочут!
Как обернется простота!
Чуть-што башки не шиб с винта!
Картуз с башки, черт-дьявол – с уст,
Сам в воду, добывать картуз!
Тут бы и шах ему и мат,
Каб не солдат-таков-крылат
Без всякого усилья
Не подхватил на крылья.
А тот, картуз [кулак] прижав к груди:

«Куда сказал – туда веди!
Нет для меня величья,
Коль кто на помощь кличет».
Ворчит солдат: «Ишь, лоботряс!
Все три статьи нарушил враз!
Взглянь за твою за жалость,
Что с картузом-то случилось!»

.
Как позолоченный картуз!
Блеск-пыл-жар-вар неистов!
Вот так вода огниста!
Тут по плечу его капрал:
«Ну, – речет, – не врал!
Кем звался – тот и есть ты,
Из дела вышел с честью.
Кто на призыв молчит: спаси! –
Тот к нам не со Святой Руси,
Кто черта не шумнет спроста –
На той на шее нет креста.
Так, стало, русский ты кругом –
Коль на́ смерть прешь за картузом!
Идем, сокол мой кроткий,
В еройскую слободку!»

1921

Соколиная слободка[89]

Шагнул Егор. В лицо заря
Разит – пожар малиновый.
Обетованная земля –
Слободка соколиная!
Мечи куют,
Венцы куют,
А то и калачи жуют,
А то – страна-то русска! –
На кулаки дерутся.
– Ковалики-ковали,
Работнички горячи,
Широкие грудочки,
Чего больно трудитесь?
– Мечи куем воинству
Русскому, львят нонешних,
Правнукам, – зла туча-то! –
Венцы куем мужеству.
– Дозволь разок!
– Изволь, сынок! –
Берет резов
Пудовый млат.
Удар в удар –
Терпи, горяча!
Сковал удал
Четыре луча –
Да как схватит сваво ребеночка
Из-под млата да на ладоночку!
Да дуть, да дуть
Из всех из щек.
– Хорош, гудут,
Крестам кресток.
– Хорош кресток,
Ему все враз.
Чудён – чуток.
С пользой, быть? – Ась?
Застыдился, дитя великое,
Сам не знает, чего и выковал.
Пошел хвален
В обгляд, в обмер.
– Куды чуден!
Каких-от-вер?
Вместо Сына-то Богородична –

С лысениночкой посередочке!
Бородой, ворчат, Николиной –
Отродясь таких не ковывали!
Не обманешь глазка нашего –
Отродясь таких не нашивали.
Один: морской!
Другой: нет, стой!
Да ты с трусцой,
Орут, с польцой?
Не посланец ли, бласть ты пинская,
Царя польского, попа римского?
Затосковал,
Проста душа!
Не я ковал –
Рука пошла!
Чай одной, сокола, семеечки!
– А престол (сокола) имеется?
Кажу закон!
Твори поклон!
– В лесах крещен,
В водах крещен...
То ли Савлова, то ли Павлова –
Отвяжитесь, черти-дьяволы!
Громка глотка,
Плоха шутка.
Один: Вот как?
Другой: ну-тко?

.
.
.

Пропал Ёрка!

.
Так бы малого и застучали,
Каб не спутник ему заступою.
Сокола удалье!
Молота нержавые!
Не можете малого –
Его дело правое!
У конца надвышнего –
<Небось> своя линия.
Не можете пришлого:
Его дело иное.
Зародил Бог ёлочку –
Всотером не свалите!
Вы на него с молотом –
А он с наковаленкой!
Горячи в нем соки-то,
На обиду скоренький!
Вы на него с попиком,
А он – с колоколенкой!
С дубком – он с дубравою!
С катком – а он с прачешной!
Кресток не по нраву вам?
Часок поартачитесь.
То ж с злаком, то т с ягодой,
Смекай, орлы-лебеди!
Не тем плох, что пагубен,
А тем плох, что невидаль.
Глазурь пообсохла ли?
Глаза ль приспособились?
Так не плюйте ж, соколы,
Без стыда, без совести.
– Без ума-без разума
На денек сей нынешний:
Чай, сама сыра-земля
Началась с новиночки!
Концы <будто> равно-краткие?
Посередке место гладкое?

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сроки должны исполнятся,
Место мастером заполнится.

.
По его, Егорья, образу.
И пойдет сия новиночка
Под его, Егорья, имечком
Светлить груди приосанены
Всему войску православному –
Степным в Туле, морским в Гатчине,
Новобранщине – солдатчине,
Эполетщине – бобёрщине,
Всей пехотщине, поморщине,
<Хлеборобщине, военщине,
что с армейской долей венчаны>
Пока Русь царям – лбом стучает.
А цена честну кресту тому
– Крупна ставка, страшна денежка –
<Без заслуги> – не наденете.
Ничем, Русь страна Иванова,
Окромя как только раню
Честной, грудкой раззадоренной,
Не добыть креста Егориева.

. что лохмами
Башка, ладонь жёсткая –
Вспомянуть неплохо бы,
Орлы, Христа-Господа:
Босиком пожаловал,
Босяки поверили.
Возлюбите малого –
Его дело велие.
Все леса вывешивать
Лозняком да вербою.
Отпустить сердешного,
Отпустить усердного
– На четыре стороны
ибо на Руси у нас
Престол – дело скорое.
* * *

Пекарики-пекаря,
Миндалинки-сахара,
Бумажные цветики,
Чего, братцы, лепите?
Аль заспал ясно-красно
– Март – девятое число?
Для правнуков
Запасаем жаворонков!
Как трясти мешки
Одна му́ка без муки:
О крюки задумаются,
А мы им – с изюминкою!
– Изволь, знаком! –
Берет резóв
Густ-теста ком,
А волчок ему в бок как в'пьется!
– Не хочу тваво хлебопекства!
Бокам припек,
Костям изъян.
Берет в роток
Синь-шерсти штан:
– С таковым пекачом страх-трепет!
Бог те знает чего и слепишь!
Кустарики-кустари,
. штукари,
Курчавые стружечки,
Кому, братцы, служите?
– Как пожжет Москва домки –
Во всем царстве ни доски!
Временам тем пасынковым

Запасаем пасочницы.
Хошь пуст алтарь,
А все а воскрес:
– Дозволь, кустарь!
– Бери, вострец.
А волчок на него с забранкой:
– Не балуй, говорю, рубанком!
На то кустарь,
Чтоб впредь, как встарь.
В башке пошарь –
А есть в ней царь?
От двух рук таковых искусства –
Схоронись, говорю, под кустик!
Оконцы ясные,
Перильцы – красные,
Столбочки пряменьки,
В два света храмinka –
Кому дом таков казист?
– Без гробов, указ, возить.
Хороши и голенькие!
А мы им – дубовенькие.
Все одно-погудка-гнет,
Чего тѣс переводить?
Ни щепы, ни стружечки вам –
А мы им – со служебками.
– Дозволь, отец!
– Изволь, сынок!
Берет вострец,
А волк с'под ног:
Высоко́, соколок, занесся!
Кому стройка, а кому сноска!
Хошь волк-я-зверь,
Вѣсь век свой пеш –
Сперва отмерь,
Потом отрежь, –
Размахнись по сваму медведству –
Ан и выйдет ладонно место!
Ужо, Егор, и нас с тобой
Возьмут, – кровцы прикапливай.
Глядит Егор: печь красная.
– Топи, топи, подтапливай!
Вокруг печи – треск-искриё,
Внутри печи – шум-Ладога.
Глядит Егор: куды страшно!
– Топи, топи, подтапливай!
Ей, дуб – прутиком,
Не то что дом – слон вместится!
Вокруг печи – люд крутится,
Внутри печи – сплав бесится.
– Нет, жидок так, а эдак – густ!
Эх, три беды раз в три года!
Хоть взвод те в пасть – все глот твой пуст!
– Топи, топи, подтапливай!
Да што дубы! Да што пуды!
. пасть шире лишь.
Еще руды! еще нуды!
– Топи-топи – подшвыривай!
Рудянку, крупку да с горшком
Сотрет! Свяжись с нищухою!
Востро-железным посошком
– Стоит мужик – сплав щупает.
. чтоб первый сорт
Звони! Доспевай, -варево!
Нет, мягок так, а эдак...
– Черт!
Топи-топи-подваливай!
Все не таков, все не таков...
Нет тебе адовых котлов,

Плавильщики-литейщики!
Кровного поту котелок –
Обед, навар – мозг с костью.
– Из того сплаву, соколок?
Колокола московские!
Как зарвется Москва-мать,
Как начнут переливать
– Не дошел и Тушинский –
Колокола на пушечки.
Протрезвись, простой народ!
Стань, колокол, пулемет!
Пали в веру греческую!
А мы – вдесятеро!
Как пойдет своих сынов
Нагишом в собачий ров
Валить: нужда комнатная!
А мы сверху: вспомнится вам!
Обойдется Москва-мать,
Да уж негде взять.
Мастерства залихватого, –
А мы вдруг – малиновками!
– Велик, знать, Бог!
– И сын с ним, Дух.
Стоит дубов,
Вдруг чтой-то – бух!
В самую гущу-то, в самую жижу –
Не то груша, не то булыжник?
Молчит артель,
Язык отсох.
Аль сон-на-хмель?
Вдруг ктой-то: ох,
Братцы! Влас-Митрофан-да с Савкой!
Пропал благовест! пропал сплав-то!
Ох, пот-наш-труд!
Ох, звон-наш-сплав!
Типун-те-лют!
На глаз твой прав!
Да нацелившись, да всё враз:
– Типун, дурень, тебе на лев глаз!
Тут чаще пуль
В него артель:
– Ох ты, сосуль –
Орут-капель!
Кто ж эт' в слезу ронит!
Самовар ты аль рукомойник?
О – наш-цех!
Товар-наш-брак!
Добро б с орех,
А то – с кулак!
Ох ты дуб-дубрецкий-балка!
А дурище-то: «Мо – оскву жа – алко!»
– Врешь, каланча,
Мочить не смей!
Слеза, моча –
Одна мокредь.
Видно, мать-то твоя волчица!
. – в котел мочиться!
Ох ты нахал,
Орут, негож.
Ревун напал –
Да где ж, да кто ж –
В самы сливки-то, в самы пенки!
– Ну и стал бы себе у стенки.
Хорош мужик!
Где встал, там льет!
Ай хряк? ай бык?
Да скот и тот –
Чтобы место свое впредь ведал –

Самого тебя – слезе следом!
Глубок котел,
Сажень, быть, сто.
Молчит осел.
А волк – волк што?
Ничего себе носик черный.
Только шерсть у него кверху корнем.
И в переруб
– Умен – нишкни! –
«Он, может – дуб,
А вы так пни!
Да в такой-то слезе – врать буду? –
Серебра почитай с три пуда.
А ну к' старшой,
Взгляни в горшок,
Каков настой?
Каков борщок?»
Что ж эт', родные? что и эт' с сплавом?
А с сплавом – то, а с сплавом – так:
Чистое серебро черпак
Несет – затрясся черпачок –
Чистое серебро течет.
Остолбенел:
Столбняк – народ
Кто – мак, кто – мел,
А кого – в пот.
А волчище-то, хвосток трелью:
– Ну а и при ём подмастерье!
И весь урон-то ваш-изъян,
Что будет звон ваш серебрян,
Один: мать честна! другой: сон чист!
Под образа б
Тебя, слона!
Ну и слеза,
Орут, жирна!
А волчок, аблакат занозист:
– Поглядел бы на наш колодец!
.
Вдруг ктой-то:
Да в ножки: бух!
Вались, родные, на всех хватит!
Да все разом вдруг: про – ости, братец!
Что енерал на площади
. – а кругом бухают,
Проломанный картуз к груди,
Стоит Егор, звон слухает.
1928

Несбывшаяся поэма
Будущее – неуживчиво!
Где мотор, везущий – в бывшее?
В склад, не рвущихся из неводо-
Правд – заведомо-заведомых.
В дом, где выстроившись в ряд,
Вещи, наконец, стоят.
Ни секунды! Гоним и гоним!
А покой – знаешь каков?
В этом доме – кресла как кони!
Только б сбрасывать седоков!
А седок – знаешь при чем?
Локотник, сбросивши локоть –
Сам на нас – острым локтем!
Не сойдешь – сброшу и тресну:
Седоку конь не кунак.
Вот о чем думает кресло,
Напружив львиный кулак.
Брали – дном, брали – нажимом –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Деда, вы ж – вес не таков!

Вот о чем стонут пружины –

Под нулем золотников

Наших... Скрип: Наша неделя!

...Треск:

В наши дни – много тяжёле

Усидеть, чем устоять.

Мебелям – новое солнце

Занялось! Век не таков!

Не пора ль волосом конским

Пробивать кожу и штоф?

Штоф – истлел, кожа – истлела,

Волос – жив, кончен нажим!

(Конь и трон – знамое дело:

Не на нем – значит под ним!)

Кто из вас, деда и дяди,

В оны дни, в кресла садясь,

Страшный сон видел о стаде

Кресел, рвущихся из-под нас,

Внуков?

□□Штоф, думали, кожа?

Что бы ни – думали зря!

Наши вещи стали похожи

На солдат в дни Октября!

Неисправимейшая из трещин!

После России не верю в вещи:

Помню, голову заваля,

Догоравшие мебели –

Эту – прорву и эту – уйму!

После России не верю в дюймы.

□□Взмахом в печь –

Развеществлялась вещь.

Не защищенная прежним лаком,

Каждая вещь становилась знаком

□□слов.

Первый пожар – чехлов.

Не уплотненная в прежнем, кислом,

Каждая вещь становилась смыслом.

Каждый брусок ларя

Дубом шумел горя –

И соловьи заливались в ветках!

После России не верю в предков.

В час, как корабль дал крен –

Что ж не сошли со стен,

Рущащихся? Половицей треснув,

Не прошагали, не сели в кресла,

Взглядом: мое! не тронь!

Заледеня огонь.

Не вещи горели,

А старые дни.

Страна, где всё ели,

Страна, где всё жгли.

Хмелекудрый столяр и резчик!

Славно – ладил, а лучше – жег!

По тому, как сгорали вещи,

Было ясно: сгорали – в срок!

Сделки не было: жгуций – жгомый –

Ставка бчная: нас – и нар.

Кирпичом своего же дома

Человек упал в пожар.

Те, что швыряли в печь –

Те говорили: жечь!

Вещь, раскалась как медь,

Знала одно: гореть!

Что не алмаз на огне – то шлак.

После России не верю в лак.

Не нафталин в узелке, а соль:

После России не верю в моль:

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вся сгорела! Пожар – малиной
Лил – и Ладогой разлился!
Был в России пожар – молиный:
Моль горела. Сгорела – вся.
* * *

Тоска называлась: ТАМ.
Мы ехали по верхам
Чужим: не грешу: Бог жив,
Чужой! по верхам чужих
Деревьев, с остатком зим
Чужих. По верхам – чужим.
Кто – мы? Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто – мы? Не из тех, что ездят –
Вот – мы! а из тех, что возят:
Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые за везучесть.
Везло! Через Дон – так голым
Льдом! Брат – так всегда патроном
Последним. Привар – несóлон,
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!
Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.
Не вывезли! Пешим дралом –
В ночь – выхаркнуты народом!
Кто – мы? Да по всем вокзалам..
Кто – мы? Да по всем заводам..
По всем гнойникам гаремным, –
Мы, вставшие за деревню,
За дерево..
С шестерней как с бабой сладившие,
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князья, да с Бронной-то,
Мы-то – золотопогонники?
Гробокопы, клополовы –
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
– Хорошо! хорошо!
Судомой, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! Хороша –
Русь.
Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то – с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили –
Мы, ребятами.
– История.
Баррикады, а нынче – троны,
Но всё тот же мозольный лоск!
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.
Мрем от них. Под шинелью рваной –
Мрем, наган наставляя в бред.
Перестраивайте Бедламы!
Все малы – для российских бед!
Бредит шпорой костыль. – Острие! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья,
Ледяного похода знак.
Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам!
* * *

У весны – ни зерна, ни солоду,
Ни ржаных, ни иных кулей.
Добровольчество тоже голое:

Что́, весна или мы – голей?
У весны – запрягать, так лешего! –
Ничего кроме места ввысь!
Добровольчество тоже пешее:
Что́, весна или мы – дрались?
Возвращаться в весну – что в Армию
Возвращаться, в лесок – что в полк.
Доброй воли весна ударная,
Это ты пулеметный щелк
По кустам завела, по отмелям...
Ну, а вздрогнет в ночи малыш –
Соловьями как пулеметами
Это ты по палишь.
Возвращаться в весну – что в Армию
Возвращаться: здоро́во, взвод!
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый год.
Добровольцы единой Армии
Мы: дроздовец, вандеец, грек –
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый век!
Но первый магнит –
До жильного мленья! –
Березки: на них
Нашивки ранений.
Березовый крап:
Смоль с мелом, в две краски –
Не роща, а штаб
Наш в Новочеркасске.
Черным по́ белу – нету яркости!
Белым по́ черну – ярче слез!
Громкий голос: Здоро́во, марковцы!
(Всего-на́всего ряд берез...)
Апрель – май 1926

Певица

1
Лопушиный, ромашный
Дом – так мало домашний!
С тем особенным взглядом
Душ – тяжелого весу.
Дом, что к городу – задом
Встал, а пёредом – к лесу.
По-медвежьи – радушен,
По-оленьи – рогат.
Из которого души
Во все очи глядят –
Во все окна! С фронтона –
Вплоть до вросшего в глину –
Что́ окно – то икона,
Что́ лицо – то руина
И арена... За старым
Мне и жизнь и жильё
Заменившим каштаном –
Есть окно и мое.
А рубахи! Как взмахи
Рук – над жизнью разбитой!
О, прорехи! Рубахи!
Точно стенопись битвы!
Бой за су – ще – ство – ванье.
Так и ночью и днем
Всех рубах рукавами
С смертью борется дом.
Не рассевшийся сиднем,
И не пахнувший сдобным.
За который не стыдно
Перед злым и бездомным:
Не стыдятся же башен

Птицы – ночь переспав.
Дом, который не страшен
В час народных расправ!
В этом доме, ведомом
Киз рук,
В этом призраке дома –
жили бабка и внук.

.
2

И так как речь – о русских,
То будет быль – проста.
Внук был, конечно – грузчик,
А бабка, бабка – «ста
Лет – как дождусь – так кончу
Шить...» (жить не подсажи!)
У ней на счастье слончик
Стоит, глаза – свежи
И живы, руки – спросу
Ждут, всё-то ей – добро!
У той старушки – косы
Живое серебро!
А щеки – и с морозу
Таких не наживу!
Внук приходил с извозу.
Сажала бабка розу
– В саду – и на канву.
Но всё ж – не будем проще,
Чем жизнь – имущим зрак.
Внук был, понятно – возчик,
Но непонятно – как,
Им будучи, сверх мочи
Трудясь за хлебный грош –
Был тот чернорабочий
Собой – как день хорош!
Хребтом – как тополь – статен,
Зрачком – как цвет – лучист,
Платком – как франт – опрятен,
Лицом – как месяц – чист,
Ну, просто – жить приятней,
В калитке повстречав.
И вовсе непонятно:
Как этот лебедь – шкаф
Несет?

3

Сидели – парой,
Кот разводил муры.
Сидели, ждали – пара,
А чайник ждал – поры
Своей. Почти что смеркся
День. Кот сидел, как гость.
Вдруг – потолок разверзся
И хлынул в келью – дождь
Нот! За пиджак! за кофту!
Так грянул, так хватил,
Что разом и спиртовку,
И душу затопил!
На ангельские звуки –
Что сделала чета?
Сложила бабка руки,
Внук приоткрыл уста...
И в яме той, в квартире
Посмертной – с дна реки –
Воздвигнуто четыре
Молитвенных руки –
Как с пальмами. В предзнаньи
Неотвратимых мук,
С пасхальными глазами

Сидели: бабка, внук –

Покамест лба и лица

Не поглотила тень.

То верхняя жилица

В дом въехавшая в день

Тот...

И стало у них как в церкви

В Светлый праздник, в речной разлив.

Стала бегать старуха к верхней,

Внуку – слова не проронив.

– Не наскучу и не нарушу,

Только рученьку Вам пожму!

Пойте, пойте! Ласкайте душу

Внуку бедному моему.

В нашей жизни – совсем уж дикой –

Вы – родник для него, магнит.

Как с извозу придет – так лику

Не умыв – в потолок глядит!

Да, великое Ваше дело!

За высокое Ваше ла –

В ножки кланяюсь старым телом.

Молода была – тоже пела,

И – сама молода была!

4

Не ветхой лестницей, где серб

От дыма и пахнет ближним –

На крыльях голоса своего

Спустилась верхняя – к нижним.

В сие смешение пустыря

Со складом, костра – с затоном,

На круглом облаке ниспаря,

Как феи во время оно.

С той разницей, что у фей – из рук

Алмазы, для глаз – соблазны.

– «Мой внук любезный, – а это – друг

Заглазный: наш звук алмазный!»

Я знаю: вида читатель ждет.

Читатель, прости за смелость!

Условившись, что и нос и рот,

Все, все у нее имелось –

Не хуже нашего, это «все»

Смахнем, как с подушки волос.

Зачем певицыно нам лицо,

Раз вся она – только голос:

Невидимость! Раз видней всего

Нам небо – сквозь слезы градом!

От этого ль иль еще чего –

Но так и не поднял взгляда

От – и не отпитой чашки – внук

Вчерашний, жених навечный.

Как дева в зеркало, в чайный круг

Глядится, как в пруд зловещий

Глядится лебедь, и в нем гроза

Читает

(Немногим легче порой – глаза

На гостя поднять – чем руку!

И многим легче, конечно – шкаф

Дубовый!)

□□Сухих ли, влажных –

Но глаз не поднял и, не подняв,

Звезд не показал – алмазных.

5

Ветки тише, птицы тише,

Тише снежного куста.

Так стучат, чтоб не услышал

Тот, к кому стучишься (– та!).

Капли, падающей с крыши,

Быть услышанной – испуг.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так стучат, чтоб не услышан
Был в сем стуке – сердца стук.

Врач – в ключицу,

Грач – в крупицу,

Страх – стучится,

Страсть – стучится...

Стук, дыханья осторожней.

– Дома? – Дома. – Можно?

– Можно.

Торс, виденья неподвижней.

– Это – я: сосед Ваш нижний.

К Вам от бабушки.

– Гвоздики

Жгут – как светоч вознеся:

– Ну, и тьма ж у вас! – Входите.

Лампы нет, а свечка – вся.

Первая пройду. Вы – следом. –

И наследным, деда – дедом

Вытянутым коридором,

Точно бредом, точно – бором,

Точно – бродом, точно – Рода

Сводчатым кровопроводом,

Несомненное, чем глотом

Собственным, без оборота,

Без возврата, тьмы – агатом

И базальтом – и гранитом...

□□В рот – монету

Взяв – за вход подземный –

□□плату –

Душ подземным водоемом

За вожатю – ведомый.

Ну, а дальше? То ли дернул

Гвоздь за шалевый лохмот,

То ли просто коридорным

Ходом оказался грот –

Словом – стали:

Он – из стали

Вылитый, она – но шали

Кроме, да лезгинской тальи...

Поздно встали – всё проспали!

Не застали ничего!

(Если ж, позже, дочь – его

Именем – ее звалася –

Это только в память часа

Полного (Так помнит насыпь –

Розами.) Никак не мяса –

Белого – иль смуглого!)

Губы – мела суше. Грушей

Спелой – пение лилось.

Пела – слушал. Тело – душу

Слушало – и слушалось.

* * *

Так с тех пор и повелось:

Что ни ночь – из тьмы наружной:

– Дома? – Дома. – Можно? – Нужно.

– Можно? – Можно. (Нежно, нежно...)

1935

Автобус

Препонам наперерез

Автобус скакал как бес.

По улицам, уже сноски,

Как бес оголтелый несся

И трясся, как зал, на бис

Зовущий, – и мы тряслись –

Как бесы. Видал крупу

Под краном? И врозь, и вкúпе –

Горох, говорю, в супу

Кипящем! Как зёрна в стúпе,
Как вербный плясун – в спирту,
Как зубы в ознобном рту!
Кто – чем тряслись: от тряси
Такой – обернувшись люстрой:
Стеглярусом и костыми –
Старушка, девица – бюстом
И бусами, мать – грудным
Ребенком, грудной – одним
Упитанным местом. Всех
Трясло нас, как скрипку – трелью!
От тряса рождался – смех,
От смеху того – веселье
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ.
Я – в юность: в души восторг!
В девичество – в жар тот щёчный:
В девчончество, в зубный свёрк
Мальчишества, словом
– точно

Не за город тот дударь
Нас мчал – а за календарь.
От смеха рождалась лень
И немощь. Стоять не в силах,
Я в спутнический ремень
Товарищески вцепилась.
Хоть косо, а напрямик –
Автобус скакал, как бык
Встречь красному полушалку.
Как бык ошалелый, мчался,
Пока, описавши крюк
Крутой, не вкопался вдруг.
...И лежит, как ей повелено –
С долами и взгорьями.
Господи, как было зелено,
Гóлубо, лазорево!
Отошла январским оловом
Жизнь с ее обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!
Каждую жилою – как по желобу –
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударяла в голову,
Освобождала ее от дум.
Каждую жилою – как по желобу –
Влажный, валежный, зеленый дым.
Зелень земли ударяла в голову,
Переполняла ее – полным!
Переполняла теплом и щebetом –
Тáк, что из двух ее половин
Можно бы пьянствовать, как из черепа
Вражьего – пьянствовал славянин.
Каждый росток – что зеленый розан,
Весь окоём – изумрудный сплав.
Зелень земли ударяла в ноздри
Нюхом – так буйвол не чует трав!
И, упразднив малахит и яхонт:
Каждый росток – животворный шприц
В око: – тáк сокол не видит пахот!
В ухо: – тáк узник не слышит птиц!
Позеленевшим, прозревшим глазом
Вижу, что счастье, а не напасть,
И не безумье, а высший разум,
С трона сшед – на четвереньки пасть...
Пасть и пастись, зарываясь носом
В тра́ву – да был совершенно здрав
Тот государь Навуходоносор –
Землю рыв, стебли ев, траву жрав –

Царь травоядный, четвероногий,
Злаколюбивый Жан-Жаков брат...
Зелень земли ударяла в ноги –
Бегом – донес бы до самых врат
Неба...

– Все соки вобрав, все токи,
Вооруженная, как герой...

– Зелень земли ударяла в щеки
И оборачивалась – зарей!

Боже, в тот час, под вишней –

С разумом – что – моим,

Вишennyй цвет помнившей

Цветом лица – своим!

Лучше бы мне – под башней

Стать, не смешить юнца,

Вишennyй цвет принявши

За своего лица –

Цвет...

«Седины»? Но яблоня – тоже

Седая, и сед под ней –

Младенец...

□□Всей твари Божьей

(Есть рифма: бедней – родней) –

От лютика до кобылы –

Роднее сестры была!

Я в руки, как в рог, трубила!

Я, кажется, прыгала?

Так веселятся на карусели

Старшие возрасты без стыда:

Чувствую: явственно порусели

Волосы: проседи – ни следа!

Зазеленевшею хворостиной

Спутника я, как гуся, гнала.

Спутника белая парусина

Прямо-таки – паруса была!

По зеленым, где земля смеялась, –

Прежде была – океана дном! –

На парусах тех душа собиралась

Плыть – океана за окоём!

(Как топорщился и как покоился

в юной зелени – твой белый холст!)

Спутник в белом был – и тонок в поясе,

Тонк в поясе, а сердцем – толст!

Не разведенная чувством меры –

Вера! Аврора! Души – лазурь!

Дура – душа, на какое Пёру

Не уступалось – души за дурь?

Отяжелевшего без причины

Спутника я, как дитя, вела.

Спутницы смелая паутина

Прямо-таки – красота была!

И вдруг – огромной рамой

К живому чуду – Аз –

Подписанному – мрамор:

Ворота: даль и глаз

Сводящие. (В сей рамке

Останусь вся – везде.)

Не к ферме и не к замку,

А сами по себе –

Ворота... Львиной пастью

Пускающие – свет.

– Куда ворота? – В счастье,

Конечно! – был ответ

(Двойной)...

Счастье? Но это же там, – на Севере –

Где-то – когда-то – простыл и след!

Счастье? Его я искал в клевере,

На четвереньках! четырех лет!

Четырехлистником! В полной спорности:

Три ли? Четыре ли? Полтора?

Счастье? Но им же – коровы кормятся

И развлекается детвора

Четвероногая, в жвачном обществе

Двух челюстей, четырех копыт.

Счастье? Да это ж – ногами топчется,

А не воротами предстоит!

Потом была колода –

Колодца. Басня – та:

Поток воды холодной

Колодезной – у рта –

И мимо. Было мало

Ей рта, как моря – мне,

И всё не попадала

Вода – как в странном сне,

Как бы из вскрытой жилы

Хлеца на влажный зём.

И мимо проходила

Вода, как жизни – сон...

И, утеревши щеки,

Колодцу – Знаю, друг,

Что сильные потоки –

Сверх рта и мимо рук

Идут!..

* * *

И какое-то дерево облаком целым –

– Сновиденный, на нас устремленный обвал...

«Как цветная капуста под соусом белым!» –

Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом – гуда громовее, чем громом

Пораженная, прямо сраженная в грудь:

– С мародером, с вором, но не дай с гастрономом,

Боже, дело иметь, Боже, в сене уснуть!

Мародер оберет – но лица не заденет,

живодер обдерет – но душа отлетит.

Гастроном ковырнет – отщипнет – и оценит –

И оставит, на дальше храня аппетит.

Мои кольца – не я: вместе с пальцами скину!

Моя кожа – не я: получай на фасон!

Гастроному же – мозг подавай, сердцевину

Сердца, трепет живья, истязания стон.

Мародер отойдет, унося по карманам –

Кольца, цепи – и крест с отдышавшей груди.

Зубочисткой кончаются наши романы

С гастрономами.

□□Помни! И в руки – нейди!

Ты, который так царственно мог бы – любимым

Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) –

Неким цветно-капустным пойдешь анонимом

По устам: за цветущее дерево – мщу.

Апрель 1934 – июнь 1936

Поэма о царской семье

(фрагменты)

1

. ежевика,

Плети, плетень.

Возле люльки – глади-ка –

Вторая тень:

Грудь кумашная, шерсть богатая:

Нянька страшная, бородатая.

.

Сапогом следит.

В колыбель – дитю

Бородой глядит.

– Свернись катышком,

Заткнись пробочкой!

А ну, матушка!

А ну, кровушка!

А ну, !

А ну, милушка!

Теки, кровушка,
Домой – в жилушки.

Так на сем тебе слове –

И крест и ключ.

(А еще не уймется –

Еще покличь!)

Ла – зорь,

Сни – игирь

2

И опять – стопудовым жерновом

Половина – какого черного?

– В голубые пруды атласные –

Часа – царствования – сплошь красного!

Настоящего Моря Красного!

От Ходынского Поля красного

До веселого и красивого

Алексея Кровоточивого

На последнюю каплю – щедрого!

Половина – давно ли первого? –

Осиянного и весеннего –

Часа – царствования – последнего

На Руси...

☐☐Не страшитесь: жив...

Обессилев – устав – изныв

Ждать, отчаявшись – на часы!

Спит Наследник всея Руси.

3

Аня с круглыми плечами,

Аня с пухлыми щеками

Сдобных булочек молочных,

Потолочных

Ангелочков.

Брови дугою,

Румянец до пуговок.

Между одной – и другою

И другом их

4

Вот – двое. В могучих руках – караван.

Проходят, кивают. И я им киваю.

Россия! Не ими загублена – эти

Большие, святые, невинные дети,

Обманутые болтунами столицы.

Какие открытые славные лица

Отечественные. Глаза – нашей Ани!..

Не плачу. Боюсь замочить вышивание, –

– Зеленые ветки, Анютины глазки –

Для Матери здешней тружусь Абалакской –

Да смилостивится... С приветом и с хлебом

Давно уже скрылись, а всё еще следом

Киваю...

(И слезы на пальцы, и слезы на пальцы,

И слезы на кольца!..) О, Господи, сколько!

Доколе – и сколько?.. О, Господи, сжался

Над малыми сими! Прости яко – вору...

Сестре Серафиме – сестра Феодора.

5

Обитель на горе.

Молитва на коре.

Не знала та береза,

Дороги на краю,

Что в лютые морозы

Затем красу свою

– Сибирскую «корицу» –

Белила и спасала –

Чтоб русская Царица
На ней письмо писала
– За всё благодарю –
Небесному Царю.
Не знала та дорога,
С березой на краю,
Зачем седобородый
Старик – ножом – кору
Срезал. – Чтоб в келье тесной,
Рукою домовитой,
Германская принцесса –
Славянскую молитву
Чертила на листке
Сибирской бересты.
О чем она просила,
Канавы на краю...
Молитва за Россию:
За родину – твою –
Мою... От мхов сибирских
По кипарисы Крыма:
За каждого злобивца –
И всё-таки любимца...
Тому, кто на Горе –
Молитва на коре...
Стояла та береза –
России на краю,
– За тын, за плен, за слезы –
За всё благодарю.
А если мало – плену,
А если много – тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: сына
Под кончиком пера
Коробится кора...
Стояла та Россия –
Обрыва на краю.
– И если скажешь – Сына...–
За всё благодарю,
* * *
Горит, горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках – верней гранита.
1929–1936

Поэмы-сказки

Царь-Деввица
Как у молодой змеи – да старый ўж,
Как у молодой жены – да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит – терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит.
Как у мачехи у младенькой – сынок в потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач, не стрелок,
Вместо щек – одни-то впадинки, губы крепко молчат.
Как в дворцовом палисадничке гусли за полночь брэнчат...
Поведешь в его сторонку оком –
□□Смотрит в стену.
□□Дай-ка боком
□□Д'ненароком
□□Да задену!
Ночь первая
Спит Царевич, распростерся,
Спит, не слышит ничего,
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.
Соврала, что палочкой:
Перстом светлым, пальчиком.
И стоит бабенка шалая

Над мальчиком.

«Скрытные твои ресницы, –
Без огня сожжена!

Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится,
А мне плачется!

Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной
Сынок с матушкой родной.

С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!

Не реви, царь морской!

Проходи, сон дурной!

Ребеночек – мой!

В кипяток положи яйцо –
Да как не сварится?

Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.

Я царевичу служанка –
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!

Хошь, диковинный с музыкой
Заведу – кубарь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:
Али грудь плоска?

Хочешь, два тебе – на бусы –
Подарю глазка?

Не введу в расход, – задаром!»

А сынок в ответ,

– К взрослым пасынкам – нестарым

Мачехам ходить не след. –

* * *

«Дай подушечку поправлю!»

– Я сам примощусь! –

«Как же так тебя оставлю?»

– Я и сам обойдусь! –

«Ай пониже? Ай повыше?»

– Мне твой вид постыл! –

«Видно, разум твой мальчиший

Звоном по морю уплыл.

Али ручки не белы?»

– В море пена белей! –

«Али губки не алы?»

– В море зори алей! –

«Али грудь не высока?»

– Мне что грудь – что доска! –

«Можно рядышком прилечь?»

– Постеля узка! –

«Коль и впрямь она узка – свернусь в трубочку!

Говорливые мои шелка? – скину юбочку!

Все, что знала, позабыла нынче за ночь я:

Я крестьяночка, твоей души служаночка!»

А Царевич ей в ответ

Опять всё то же:

Всё: негоже, да не трожь,

Не трожь, негоже!

«Али личиком и впрямь не бела?»

– Не страми родство, да брось озорство! –

«Ох, зачем тебя не я родила?»

– Мне не надо твоего – ничего! –

«Ох, височки, волосочки мои!»

– Корабельные досочки мои! –

Поздний свет в ночи, да треньканье струн...
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег – да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.
На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
– Распотешь себя, душа, распотешь! –
Над лампадочкой святой клонит плешь.
– Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей – поплавок.
Я недаром старичок-колдунок:
Не царевичев ли вижу челнок?
Шея лебедем, высок, белогруд,
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг.
Всколыхнулася лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон – Жар-Корабль!
Подивись со мной, пророк Моисей!
Купины твоей прекрасной – красней!
Посередке же, с простертой рукой –
Не то Ангел, не то Воин какой.
Что за притча? Что за гость-за-сосед?
Не то в латы, не то в ризы одет!
С корабля кладет две легких доски,
Да Царевичу дает две руки.
Всполохнулся мой Царевич – погиб! –
Половицы тут в ночи: скрип да скрип,
Голосочек тут в ночи: «Дядь, а дядь!
Научи меня, старик, колдовать!
Опостылела царёва кровать!
Я с Царевичем хочу ночевать».
– Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит? –
«Царь с бутылкою в обнимку храпит.
Ты царевичеву кровь развяжи:
Коршунком ко мне на грудь положи!»
Усмехнулся в бороденку старик:
Хоть царица, а проста на язык!
Ночевать одной, поди, невтерпеж!..
– Что ж, краса, мне за работу кладешь?
«Положу тебе шесть сот соболей».
– Мне плевочек твой единый милей!
«Скат заморского сукна на кафтан».
– Из сукна того скатай сарафан!
«Так червонцев нагрину чугунок».
– Дешев, дешев тебе царский сынок!
Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком. –
Помертвела ровно столб соляной,
Д'как сорвется, д'как взовьется струной,
Как плевком ему да вызвездит лоб!..
«Хам! Охальник! Худородный холоп!
Целовать тебя – повешусь допрежь!»
Старикашка ничего, вытер плешь:
– Хочешь проку, красоты не жалеи!
Погляди-ка ты в лампадный елей!
Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь? – «Корабль.
Без гребцов-парусов,
Само море несет».
– Ну-кось? – «Чтой-то темно».
– Плюнь на самое дно!
Ну-кось? – «Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит:
Человек молодой...
– Светел пасынок мой!»
Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видать.
– Перстень в маслице брось!

Ну-кось? – «Рученьки врозь.

Бусы в левой руке,

Гусли в правой руке.

Привалился к корме.

Думу держит в уме».

– Топни правой ногой!

Что ты видишь? – «Другой

В синеморскую хлябь

Выплывает корабль.

В сини-волны в упор

Грудь высокую впер.

Посередке – костер,

Пурпуровый шатер».

– Полный круг обойди!

Ну-кось! Зорче гляди! –

«Душу сперло в груди!

Дева всех впереди!

Великановый рост,

Пояс – змей-самохлест,

Головою до звезд,

С головы конский хвост,

Месяц в ухе серьгой...»

– Топни левой ногой! –

Левой ножкой топнула,

Да как охнет, взглянув!

Да как навзничь грохнется,

Колен не согнув!

Да как затылком чокнется

С заслонкой печной! –

Подсмотрел в окошечко

Месяц, сторож ночной.

* * *

– Ох вы, бабьи дела келейные! –

Положил свою кладь на лавочку.

– Вынь из ближнего, из нашейного

Из платочка сваво – булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,

Напои ее кровью досыта.

А пленишь молодого сокола,

Помяни и меня, красоточка! –

Дерганула рукою спешною:

Грудь раскинулась – цветом яблочным!

Вынимает из тела грешного

Пурпуровую – всю – булавочку:

«Всю до капли кровь

За его любовь!

Всю из жилок прочь

За одну за ночь!»

Тот булавку враз

Ртом клыкастым – хватъ!

– Как начнет в волнах

Дева-Зверь вставать –

И вколи ему змейку в шиворот,

Чтобы вся их любовь – навыворот!

От булавки той – будет крепко спать,

Она звать его, а он пуще спать...

Ляжет парень смирней травиночки,

От кровиночки-булавиночки.

Вру – оставь в руке

Бороденки клоч! –

А она в тоске:

«Получай залог!»

И, прильнув к бороде взъерошенной,

В ночь – с улыбочкой перекошенной.

* * *

Лежит Царевич мой бессонный,

Как лебедь крылья разбросал;

«Всё отдал бы, весь сан престольный,

Кто бы мне душу распростал!
Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста,
Все в пурпуровые туманы
Уводит синяя верста.
Каким правителем вам буду,
Каким героем-силачом –
Я, гусяришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем!
Как с конницей-свяжусь-пехотой,
Когда до бабы не охоч!»
И, опершись на локоточек,
Такой унылый смотрит в ночь.
* * *

А за дверью скреб да скреб...
«Дядька, ты?»
– Я, твой лодырь,
Твой холоп-лысолоб!
Светлый колос мой, опять клонишь лоб?
Слабый голос твой меня силком приволок!
Что ж не спишь опять? – «Не сплю, не дремлю,
Дрему, радужную птицу, ловлю.
Поступь легкая, и птица близка,
Да ни сети у меня, ни силка».
– Не испить тебе бы маку? –
«Не в настойке суть!
В этих подлостях и так уж
Я увяз по грудь.
Все-то нежат день-деньской,
Тешат, нянчат, –
Ровно цветик я какой,
Одуванчик!
Отчего душа теснится,
Грудь для вздоху мала?»
– Оттого, что Чудо-Птица
В ней гнездо завилла.
«Отчего на бабы речи
Весь – как ржавый замок?»
– Оттого, что узкоплечий:
Не по гостье – домок!
«Отчего корабль морями
Сам без весел плывет?»
– Оттого, что за морями
Царь-Девушка живет!
Встреча первая
Не слетались голуби
К окну, за крупой –
Встал Царевич сгорбленный,
Кручинный такой.
Вкруг очей – что обручи,
Набились круги.
Чай, опять на ковричек –
Да с левой ноги!
Гребешок потрагивал –
Из рук пустил!
Сапожок натягивал –
Да так застыл.
«Не понять, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как есть – лапша!
Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я таких
Взойдет в мундир.
Кто б меня да турманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?

Две черных дыры.
Снеговое скатерти,
Мертвец – весь сказ!
Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!
Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду – пробочкой
Поверх всплыву!
Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно, в полночь, в пятницу
На свет родился.
Дó любви нелакомый,
Себе немил –
Видно, месяц, плакамши,
Слезой обронил».

* * *

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.
Не трубили зóрю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.
Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне.
– Чей глазочек черный
В слуховом окне?
Что за соглядатай
Мерит даль зыбей –
Выше голубятни,
Раньше голубей?
Нет такой вершины,
Чтоб тоске – крута!
Лучше всех аршинов –
Черный взгляд-верста.
Берегитесь, люди,
Некалёных стрел!
Ветр с кудрями-грудью,
Как любовник, смел.
Уж такой ревнитель!
Всюду – враз – рука!
Что б дружочку прыти
Взять у ветерка?
«Дар ты мой обманной,
Клад непокупной!
Ровно столб туманный,
Аль дымок степной...
Пьет – отца хоронит,
А ступнёт шажком –
Вот сейчас обронит
Ножку с сапожком.
Шагай с косогору,
Плыви – вдаль – водой...
Не уйдешь от взору
Мачехи младой!
Всё ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз:
В вороток твой сладкий
Я змеей впилась!»

* * *

– Ох ты воля! – дорогая! – корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

* * *

Прискакав с ночной атаки
(На лбу – пот росю крупной),

У окна сваво, над взморьем,
Царь-Девушка саблю чистит.
На плече на правом – голубь,
На плече на левом – кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.
«Ох ты, царь мой, Царь-Девушка,
Вихрь-Девушка, Жар-Девушка!
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость.
Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром –
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!
День встает – врага сражаешь,
Полдень бьет – по чашам рыщешь,
Вечер пал – по хлябям пляшешь,
Полночь в дом – с полком пируешь.
Люди спать – ты саблю точишь,
В церковь – псов из ручек кормишь.
Вся родня и отступилась.
Дай-ка правую мне ножку!»
Рассмеялась Царь-Девушка:
«Мне и любо без родни-то!
Огонь – отец мне, Вода – мать,
Ветер – брат мне, сестра – Буря.
Мне другой родни не надо!»
Осерчала нянька: «Полно
Ржать-то, ровно кобылица!
Как бы этим ржаньем всех-то
Женихов не распугала!»
Пуще Дева-Царь хохочет:
«Эка сладость – женихи-то!
Мой жених – мой меч пресветлый,
Меч мой сабельный, веселый:
Мне других дружков – не надо!»
Пригорюнилась тут нянька:
«Порвала б цветочков в поле,
Завела б себе подружек,
Позабавилась б маненько...»
Ей в ответ с усмешкой Дева:
– «Трубный звон – моя забава!
Мне иных забав – не надо!»
«Первенчалась бы с красавцем, –
Нянька у ней в ножках хнычет, –
Сбросила б наряд свой мерзкий,
Да над люлькой над роскошной,
Над пеленочной заботой,
Всю бы ночь, заместо гульбищ,
Все бы пела-распевала».
Топнула ногой тут Дева:
– Нянька ты, а я – Царь-Демон!
Кой мне черт в твоих пеленках!
Бранный быт – моя забота!
Мне иных забот – не надо!
...Отстранись-ка, нянька, что за
Звон с воды встает за чудный?
Что-то под моим окошком
Волны за слова лепечут?
* * *

– Гусли, гусли-самозвоны,
Вся забавушка моя!
Из зубчатой из короны
Ни зубца не стою я.
Не слышал еще, как бабы
По ночам толкуют сны.
Гусли, гусли – вся забава
Осьмнадцатой весны!

Я, мальчишка узкогрудый,
С бранным бытом незнаком.
Гусли, гусли-самогуды
Мне – единственный закон!
Я до смертного до поту
Не отстану от струны!
Гусли, гусли – вся забота
Осьмнадцатой весны!

* * *

Просияла Царь-Девушка:
Терем враз озолотила.
«Баб не любишь? Драк не любишь?
Ну, тебя-то мне и надо!
Как, к примеру, Дева-Царь я,
Так, выходит, – Царь-ты-Дева!
Уж с таким-то голосочком
Муж за прятку не засодит!»
Хлопнула тут Царь в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Вихря-мне-Коня седлали!»
Хлопнула в ладоши дважды:
«Повели, чтоб тем же часом
Был Корабль готов к отплытью!»
Трижды хлопнула в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Для прощального парада
Там, на площади великой,
Все наши полки сбирались!
– Дура старая, что хнычешь?
Али жалко, что последний
День встает наш, Царь-Девушкин?» –
«Ошалела я от счастья, –
Нянька хнычет под ногами, –
Знать, за все мои молитвы, за слёзные,
Вить гнездо тебе, моя орлица безгнездная!
Знать, недаром карты ввали,
Знать, недаром я все ночи,
Притаясь, наряд венчальный
Тебе шила-расшивала.
Утюжок пойду поставлю:
Хоть и глаженный, а надоть
Для красы провести маненько...
– Что ж ты рот перекривила?»
«Как в раззолоченной попонке
Негоже бранному коню,
Ужель атласною тряпчонкой
Свою же славу заслону?
Цельному войску господином
Была, – так справлюсь и с одним!
Одним своим лучом единым
Мы светел-месяц полоним».
Опоясалась тут саблей,
Свистнула в кулак свой смуглый,
И на зов ее кулашный
Вихорь-Конь к ней на крылечко
Белой молнией взлетает.
«Ну, простимся, нянька, что ли?
Там, на площади великой,
Будет нам не до тебя уж».
Чмокнула с размаху няньку
В рот морщинистый, соленый,
И с окошечка резного
Коню на спину с размаху
Белой птицею махнула.

* * *

Не колосочки овсяные
До солнышка встают в ряды, –
То ратнички ее стальные

Равняются на площади.

Толк по рядам прошел безвестный:

«Не будет Девы-нам-Царя!»

И что нам до зари небесной,

Когда земная нам заря!

Топчи, конь вражеский, посевы!

Всё в море кол'кола, звонарь!

И вздох тут: «Дева! Дева! Дева!».

И рокот: «Царь наш! Царь наш! Царь!»

Грудь в светлых латах, лоб – обломом,

С подсолнечником равен лик.

Как из одной груди тут громом:

«Сам Михаил-Архистратиг!»

«Здорово, стан сильномогучий!» –

Гремит громopodobный глас.

Речё – и, рассекая тучи,

Промеж рядочков понеслась.

Конь с Дёвицею точно сросся;

Не различишь, коли вдали:

Хвост конский, али семишёрстый

Султан с девичьей головы!

Как вихрь промеж рядочков вихрит,

Пот – градом сквозь пожар ланит.

Лишь где на том конце затихнет,

Уж на другом конце гремит.

Уж никогда грозней да лучше

Трубач губастый не трубил.

Гром-барабанщик обе ручки

По локоток себе отбил.

Как облачная рать в лазури –

Полк за полком, полк за полком.

И подает полкам Царь-Буря

Тут знак малиновым платком.

«Прощайте, верные мундиры!

Стан сухопутный, стан морской!

Как вам – такого командира,

Команды мне не знать такой.

Ни сына у меня, ни дочек,

Вся без остатку пропаду!

Кто на маво коня да вскочит,

Того наследником кладу.

Перехожу в иную веру,

Всю вольность отдаю за грош...

Но следом моему примеру –

Вы бабами не станьте тож!»

Словно лес какой червонный –

Все склоняются знамена...

Словно лик какой явленный –

Все склоняются колена.

Словно реки в половодье –

Слезы светлые текут.

* * *

«Рев – сарафанам; кровь – доспехам! –

Им Дева молвит свысока. –

Смерть самоё встречают смехом

Мои усердные войска.

Аль осердить меня решили?»

Стойком на стременах встает,

Всем руки сильные, большие

На целование дает...

«Чад не балуйте, баб не бейте,

Мечом рубите новизну!

А помянуть меня – пропейте

Сегодня всю нашу казну!»

– Прощайте! – почернела разом,

– Простите! – разломила щит...

Мчит, а за ней против приказу

Гром-барабанщик следом мчит.

«Как две руки мои отбиты,
Дай хоть с мизинца ноготок!»
На всем скажу рукой сердитой
Раздергивает жар-платок.
Рвет надвое платок-ширинку,
И, голову пригнув к плечу:
«На, барабанщик, половинку!
Другая будет трубачу».

* * *

Песнь прежалостную тут мы споем:
Как прощалась Царь-Девица с конем.
Как дружочка за загривок брала,
Сахарочку в рот брусочек клала,
Целовала как, огня горячей.
Промеж грозных, промеж кротких очей,
Прижималась как – щекой золотой
К конской шее лебединой, крутой...
Повязавши как шнурком поясным,
В ножки кланялась поклоном земным,
Как покорно – что гайдук-есаул –
Белый конь в ответ колено согнул,
Как пригнувшись, чтоб не слышал никто,
Сотворила ему речь на ушко.

* * *

И еще-то мы прибавим к сему,
Как все слезки до единой ему
Сцеловала – ровно брат-ей-жених –
С карих ласковых очей дорогих,
Как все жилы напряжились на лбу,
Себе в кровь как закусил губу.
Как по сходням взошла
Стопудовой пятый,
Как прах с ног отрясла,
Как махнула рукой.
Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

* * *

«Что за костер это мчится в степях синих вод?»
– То сваму счастью навстречу красotka плывет.
«Кто ж у ней славно так правит рулем-кораблем?»
– Море им правит, так вот он и прет напролом!
«А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой,
Что там за Воин – за Ангел – за Демон такой?
Каску хвостатую ветр ему сшиб набекрень,
Ростом-то – башня, в плечах-то косая сажень!
В хладной пучине, чай, крестит купецкую тварь?»
– Мчит на смотрины, а имя ему – Дева-Царь.
«Как это?» – Так это! – «Что ж за краса без косиц?»
– Кос всюду досыта! А светлолиц, круглолиц, –
Солнцу на ревность! – «Уж больно плечá высоки!»
– А поясочек-то! Перстень берет в пояски!
Спорить-то нечего! Каб не свобода-душа:
Кабы не плечики – вся б в перстенечек прошла!
Так, почаевичав позавчерашним хвостом,
Спор-заводили-беседу акула с китом.

* * *

Отдыхает зыбь-красotka
От ночи своей от ндравной.
Идут ровно, идут славно,
Идут славно, идут ходко.
Словно месяц в полнолуние –
Звон собой все море занял.
Струнки, струнки-говоруньи,
Жилочки мои бараньи!
Лежит Царский сын на спинке,
Гусельки зажал любовно,

Ходят пальцы без запинки,
Ходят славно, ходят ровно.
В чудный час передвосходный
Мой совет тебе – кто б ни был!
Меняй страстный путь на водный!
Бросай бабу, – иди к рыбам!
Говорят: яд рыбий горек,
Говорят: яд бабий – тоже!
Да по крайности не спорит,
Как с нее сдираешь кожу!
Бабе: дура! она: родный!
Ты ей в рыло, она: милый!
Не теряй на подлость силу
В чудный час передвосходный!
Эх вы, царские сыночки!
Эх мы, сосны-чернолесье!
– Ни денек тебе, ни ночка,
Ни заря тебе, ни месяц.
Ни корабль тебе, ни зыбка,
В ней ни муж тебе, ни дева,
Ни гармонь в руках, ни скрипка,
Ни те вправо, ни те влево..
Вдруг как вскочит корабль-лодка,
Как припустится с прискоком!
Уж не ровно, уж не ходко:
Идут скоком, идут боком.
Уж такая дурь да дикость,
Новгородское аж вече!
«Ну-кошь, дядька, погляди-кошь:
Ай корабль какой навстречу?»
Отвечает тот, осклабясь:
(Дух учуял Царь-Девицын!)
«Ни в волне мозгов, ни в бабе!
Стало – нечего дивиться.
В море плыть – не землянику
Братъ, аль в шахматы-бирюльки!
То – корабль тебе, то – люлька!
Лучше песню затяни-ка».
Тот поет, а рев вокруг-то:
Точно львица с львом сцепилась!
Привстает гусляр по грудку:
«Что за притча? Ай взбесилось?
До зари-то, глянь, час цельный,
А волна-то, глянь, – кровь-кровью!»
– Пой, сыночек, на здоровье! –
«Нет уж, – не до колыбельной!»
Хлябь-то тигрой полосатой:
Вал пурпурный, вал червонный..
– Спи, сыночек, час-то сонный!
– «Нет уж, дядька, не до сна тут!»
Хочет встать, а тот булавку
Ему в шиворот – как вгонит!
Хочет встать, а сон-то клонит,
Как ягненок на травку,
Как купца валит к прилавку..
Спит..
Тут как вздрогнет жук навозный,
Раб неверный, тварь иудья:
С кораблем-челном – грудь с грудью –
Жар-корабль стоит, гость грозный.
* * *

То не солнце по златым ступеням –
Сходит Дева-Царь по красным сходням.
Под военной да под веской стопой
Чуть не треснул весь челнок скорлупой.
Руки в боки – ровно жар-самовар!
Зычным голосом речет: «Где гусляр?»
Дядька в ножки ей – совсем обопсел!

Аж по-пёсьему от страха присел.
Д'ну по доскам башкой лысой плясать!
Д'ну сапожки лизать, лоснить, сосать!
Д'как брыкнёт его тут Дева-Царь по башке:
«Что за тля – да на моем сапожке?»
Д'как притопнет о корабь каблучком:
Дядька – кубарем, в волны – ничком!
«Будешь помнить наш сапог-леденец!
Где гусляр – сын царский – знатный певец?»
Шипом-свистом тот с коленочек: – Спят-с!
«Я б за свист тебя змеиный – да бац
По щеке – да вот боясть-то какá:
Змеем-гадом провоняет рука!
– Тише, волны, синеморская рать!
Голосочку мне сваво не слыхать! –
Где ж он?» – Духом вам представлю всю суть, –
Лишь изволите коленку согнуть! –
Смотрит: нё шелк-янтарь – мусор-товар:
На дне – с гуслиями в обнимку – гусляр!
Взглянула – д'как расхохочется!
В ладошечки – д'как всплеснет
«Я-чай, еще в пеленки мочится,
Пустьшечку еще сосет!
Без перстня, без попа, без венчика,
Ну, было мне о чем тужить!
Не думала я себе младенчика
От взгляду одного нажить!
Забыла я тебе пеленочек, –
Прости меня за недосмотр!
Смотрю-ка на тебя, миленочек:
Смотрины-то смотреть – не смотр!»
И водит всё –
По бровочкам,
По лобику
Рукой.
«Молоденький!
Да родненький!
Да плохонький какой!
В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
И ничего, что худенький, –
На личико приятненький».
Сгоняет муху с бровей,
Равняет руку с своей.
«Как суха корочка!
Как есть – без мякиша!
Твоя-то – перышко,
Моя-то – лапища!
И каждый пальчик-то
Как царь закованный!
А моя – черная
Да бесперстнёвая!
Твоя – ковры расшивать,
Моя – дубы корчевать».
И к люботе припав
Лбом смуглым сводчатым –
По волосочкам-то
Да по височкам-то...
«Твои-то тонкие,
Лен – волосенки-то!
А мои – конские,
Что струны – звонкие!
Дай, вошку поищу,
Головку почешу.
Уж такого из тебя детину вынянчу,
Паутинка ты моя, тростинка, шелковиночка!»
И гласом гневным вдруг:
«Ох, старый змей-паук!

На живодерню гож:
Дурной уход ведешь!
Чай, по снегам водил
Ступнями босыми,
Поил не дѳпяна,
Кормил не досыта...
– Тонее тросточки!»
А дядька-хитростник:
«Были бы косточки, –
Мяско-то вырастет!
Что ж, что весом плох, зато стройнее сосенки!
По плечо тебе, небось, – такой высоконький!»
Та грудочкой склоняется,
Тот ручкой заслоняется, –
Чтоб солнышко ему, должно,
Личика не нажгло.
– Гляжу, гляжу, и невдомек:
Деввица – где, и где дружок?
Ты расплетись, веревыице!
Где юноша? Где деввица?
Тѳт юноша? – лицом кругла,
Тѳт юноша? – рука мала:
Одной косы две плѳточки,
Две деввицы-красоточки.
Да больно вид-то их таков, –
А ну-ка двое пареньков?
Тѳт деввица? – глядит насквозь!
Тѳт деввица? – коленки врозь!
Одной руки суставчики,
Два юноши-красавчика.
Чтоб не испортил нам смотрин
Неверный разум наш фомин. –
Где царь не приложил печать,
Там надо нѳдвое решать:
Кто сам с косой да в юбочке –
Тому пускай – два юноши.
Кто вокруг юбок веется –
Тому пускай – две деввицы.
А нѳ как зорче поглядим –
И вовсе все обман один,
И вовсе над туманом – дым,
Над херувимом – серафим?
Спим...

* * *

И ладит, и гладит,
Долг девичий плѳтит.
Ресницами в самые веки щекотит.
Чай, синие очи-то,
Как пѳ морю плыть!
И видеть-то хочется,
И жалко будить.
Над ухом аукает:
«Жених мой! – Ау!»
На грудке баюкает
Добычу свою.
«Спи, копна моя льняная,
Одуванчик на стебле!
Будет грудь моя стальная
Колыбелочкой тебе.
Сна тебя я не лишаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты – махонькой!
Что шелка – щека,
Что шелка – рука!
Ни разочку, чай, в атаку
Не водил полка.
Спать тебе не помешаю,

Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты – махонькой!
* * *

Что за дивный твой за сон за такой?
Дай-ка взбрызну да водицей морской!
– Держись, дружок хорошенький!» –
Берет воды пригоршенку:
«Тебе для раза первого
Твой сонный грех прощу!
Чтоб крепло тело бренное,
Морской водою пенною –
На подвиги военные
Младенчика крещу!
Чтоб светлым встал, чтоб век не спал,
Одним своим речением,
– Морским своим крещением –
Младенчика крещу!
Чтоб цельный полк поклат перстом,
Чтоб первый гром пред ним ползком,
Чтоб Деву-Царь согнул кольцом –
Младенчика крещу!»
* * *

То не тучка молодая
Лен кропит:
То дружочка – дорогая
Водой плещет, поливает,
А он спит.
На лице его из воску –
Как серебряная россыпь,
Как серебряные слезки, –
По лицу его из воску –
На все стороны – полоски –
Струйки светлые – текут.
* * *

«И не взглянет! А уж знаю – глазаст!
Всем хорош, да больно спать-то горазд!
А пора бы уж глазочкам из горенки!
Погляди – меньше вершочку до зореньки!
Ровно шерстка на ягнятах-баранах –
Весь восход-то в завиточках румяных!»
* * *

Старик над ним: «Всё гусельки!
От них и сон глубок!»
Краса над ним: «Где ж усики?
Осьмнадцатый годок!
Пора бы уж травиночке,
Пробиться на лужку!
За первую пушиночку
Весь сон тебе прощу!»
И, зардевшись пуще каски своей,
В лоб целует – промеж ровных бровей.
Дрогнули веки,
Руки разжал.
Вдоль лица – некий
Блеск пробежал.
Звякнули – выпав из ручек – гусли,
Дева над ним:
«Синих очей твоих аль дождусь я?»
Но – словно дым –
Изнизу – вдоль впалых щек –
Облак – мóрок – обморок.
* * *

Постояла Дева-Царь, пождала:
«Ох ты яблоч мой-изюм-шептала!..
А достать тебя – Господь умудри!»
Вынимает из височной кудри
Горсть кручёных-перкручёных струниц,

Горсть червонных-золотых волосиц.
«Не видали вы такого руна!
Каждый волос – золотая струна! –
Передашь их Гуслиару на струньё,
Пусть звончей бренчит во имя мое!
Таких на рынке нету струн!..
Становься, старый змей, во фронт!
Руки по швам,
Червяк земли!
Зелó моим словам
Внемли!
Чтоб вышла из него болесть –
Дашь яблочка ему поесть.
А пить ему вино, не квас, –
Вот будет первый наш приказ.
Чтоб выхмелил весь сонный хмель –
День за море, Гуслиар – в постель.
От мух рединкою накрой, –
Вот будет наш приказ второй.
Вставал чтоб правую ногой,
Чтоб мылся холодной водой,
И – весла в ручки! – в добрый час!
Вот будет третий наш приказ.
Да чтоб струнчик не рвал – поминаньца,
Да чтоб первым приплывал – на свиданьце!»
* * *

Стоит – дитя над пряником, –
Стоит, очей не сводит.
На личико кудрями-то
Резную тень наводит.
«Прощай, мой невзаправдошный,
До завтра, сладь нерусская!
На первый раз – вприглядочку,
А уж второй – вприкусочку!
Поцеловала б в лоб еще,
Да уж боюсь – без навыку!
Пока еще заботушкой
Не стал – прощай, забавонька!»
Сапожок чрез борток,
Ногой легкою – скок
Домой, в красный чертог.
На простор синих волн –
Толк – Царевичев челн!
Меж Солнцем и Месяцем
Верста пролегла.
Султан конский трепетя.
Поплыл. – Поплыла.
* * *

Не заноза из тела вон –
То из ткани булавка вострая,
То на личике снеговом
Глаза синие, синеморские,
Бьет ресницами – на
Локоточек привстал.
Промеж бровками трет:
«Уж и долго я спал!
Ровно дождь меня тонким
Серебром поливал.
Ровно жавронок звонкий
Вкруг меня ликовал».
– То не пташечка-резвушка
Ликовала, –
То тебя твоя подружка
Миловала.
Аукала, агукала,
На жар-груди баюкала,
В кудрях тигрицей рыскала,
В лицо водицей прыскала.

Бушевала над тобой – как в день судный!
Да уж сон-то твой такой – непробудный!
«И снится мне, – молвит,
Лоб-глядя-чело, –
Что красное солнце
На лоб мне сошло.
Лежал, не завесясь,
Ан и вышел ожог!»
– Ох, бел ты мой месяц,
Меловой пирожок!
И солнца-то нетути
Тебе лоб припекать!
То губ царских редкостных
Дорогая печать. –
Не слышит Царевич
Тех дивных речей.
Глубь сонную мерит
Верстою очей.
«И снится мне, – охает,
Руно глядя волос, –
Что с куполу с грохотом
Сто цепей сорвалось».
– Тебе бы припарочек
Штук пяток на башку!
То первый подарочек
От невесты – дружку! –
Принимает в ручку белую
Волоса червонные.
А рука-то занемалая,
А рука-то сонная...
Волосок пить-есть не просит...
Ручку раскрывает,
За волосиком волосик
Из руки роняет.
– Эх вы, с головы беспутной
Кольцы завитые!
У морских цариц на лютях,
Чай, звонят, златые!
Ночь вторая
Сидит Царь в нутре земном, ус мокрый щипет,
Озирается кругом – чего бы выпить?
Уж пито-пито, – полцарства пропито!
А все как быдто чегой-то не допито.
Как боярышня пред грозным пред отцом,
Вкруг него все чарочки кольцом.
Тут и турецкие, тут и немецкие,
Архиерейские да венецейские...
«Быстрее глоточки моей,
Ей-ей, вы сохнете!
Пью не напьюсь, лей не жалея,
А все пустехоньки!»
Ровно милочки – плясать перед купцом –
Вкруг него бутылочки кольцом.
Уж и горластые, цветные, красные,
Уж и бокастые, и ярлыкастые!
Летáми-плесенью седой захватаны,
Как леший, царь лесной, – гляди – мохнатые.
Узнать-то надобно, что в них скрывается,
Что цветом-радугой переливается!
* * *
Лей-лей, не жалея,
Все равно перельешь!
Пей-пей сколько хошь, –
Все равно не перепьешь!
Лоза наша полная,
Погреба просторные,
Бочкарь наш испытанный,
Бочонки не считаны.

Как мальчоночки пред старым пред бойцом –
Вкруг него бочоночки кольцом.

Каким кольцом?

Сплошной стеной!

Какой стеной, –

Война войной!

Плеснешь – не выплеснешь!

Хлестнешь – не выхлестнешь!

Гляди, Царь-хитростник,

Как строй осилишь наш!

Промеж винных рек, бочоночных гор

Свой бахромчатый раскинул шатер.

«Людам – море синее,

Мое море – винное.

Люди спят на берегу,

А я – так всю ночь гребу!

Мое море тихое,

И гребу без смены.

А зато мне ихние

Моря – по колено!

Их вода – не сладкая,

А моя – с накладкою.

Не щадя ни рук, ни плеч,

И гребем мы бесперечь.

В своем море мы гребцы,

В своем море мы пловцы.

Придет час идти ко дну –

В своем море потону!»

– Да ну?

«Кто ж тебя схоронит?

Раз пьешь – неженатый,

А коли женатый,

Кругом виноватый!

Кому я нужен – старый,

Пятиалтынный – пара,

Вином лишенный сану,

Кому я нужен – пьяный?»

* * *

Сидел, сидел Царь наш – инда устал!

Ручкой-ножкой себе путь распростал.

Хочет на́ ноги – ан нет, тянет вниз!

– Эй, дорогу, мелкота, сторонись!

Попытался было с левой ноги –

Снова навзничь повалили враги!

Разгасился – что индюк-кохинхин!

Д'как вцепился тут в шатер-балдахин!

Был кумач тот не сменен – с коих пор!

Царю на голову и рухнул шатер!

Как пошла тут дребедень стеклянной пылью!

Как тут чокаться пошли бутылъ с бутылью!

* * *

Шатер Царя душит,

Вино Царя топит,

Уж не лужи – а реки,

Уж не реки – потоки...

Взошел бы кто с воли,

Всяк диву б дался!

Шатер царский воет

На все голоса.

Как черт – красным машет,

Шатер царский пляшет.

Аль, может, в нем слон какой?

Аль, может, дракон какой?

Аль, может, всё сон какой?

Чтоб в умишке нам самим не порешиться,

Мы пройдем пока на половиночку к Царице.

Пройдем-ка к красавице,

– С вином спорить – зря! –

Посмотрим, как мается,
Слезой обливается,
Как с ночью справляется
Страна – без Царя.
* * *

Прежде чем засов раздвинем,
Ты скажи, душа, – отколе
Ты сама-то к нам: с мужской ли,
Али с женской половины?
Коль с мужской – так брось тревогу:
Нянек корочкой задобрим,
Коли с женской – врозь дороги,
Влево путь держи, час добрый!
Так. – Засим, дружок, дай руку.
Не робей, – плечом не трону!
Это – детская наука,
Я китайской обучена.
Если ж сердце (грудь-то ящик!)
Хрусталем об стенки чокнет, –
Ничего, дружок! – тем слаще
На крыльце подружку чмокнешь!
Не води, дружок, певичицы
Потаенными тропами!
Мы, поющие, – что птицы:
Разве что перо на память!
Да и то, коль не скупиться:
Тебе – малость, ему – малость...
Всем по перышку – Жар-Птица
Вовсе б без хвоста осталась!
– Так. –
* * *

Отстегни-ка мне монисто –
Нянек не беспокоить!
Семь небес у Девы Чистой,
У Царицы – семь покоев.
(У тебя ж, паренька,
Как ледышечка – рука!)
Стены всё в сетях-тенетах,
Колокольчиках-звоночках.
Честь жены – Царю веночек:
Недостаточно замочков!
(А со мной, коль пригож,
Сквозь иголочку пройдешь!)
Быстро – руки, вниз – ресницы:
В одной юбке легкой, летней –
То плетуни-кружевницы
День и ночь сплетают сплетни.
(Только вкось поглядев,
Оплетем без кружéв!)
Глянь-ка: под семью замками,
Чтобы вора позабавить,
С семью смертными грехами
Целых семь укладок бабьих.
(Подари нитку бус, –
Без отмычки обойдусь!)
Что за звон такой комарий,
Что за звон такой претонкий?
То чесальщицы Камарин –
скую шпарят на гребенках!
(Лишь бы не было плеши, –
И без гребня расчешем!)
С утиральничками в лапах,
(Во всё очи, мальчик, пялься!)
То семь чертовых арапок,
Семь царицыных купальщиц.
(Может, семь моих сестер:
Ты мне спинки не тер!)
В кухню женского обману

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Поспешай, Самсон с Далилой!
Здесь из зорь творят румяна,
Из снегов творят белила...
(Без белил, без румян
В очи пустим туман!)

Так из кухоньки – да в кузню:
Кто-то, молот взявши в руки,
Из стекла кует союзы,
Из свинца кует разлуки.
(Не скажу наперед –
Чего нам с тобой скует!)

Рука об руку два брата,
Мухи не беспокоив,
Ровно жар в руке – рука-то!
Позади все шесть покоев...
(Перед главным, седьмым,
Прижми губы к моим!)

Сердце к сердцу, устье к устью..
Окунуться в реки эти –
Всех Цариц с тобой упустим,
Всех Царевичей на свете!
(Отпусти! Оторвись!
Мы рассказывать взялись!)

Перед главным ее входом,
Пред седьмым ее покоем,
Вот тебе, дружок родный,
Слово я скажу какое:
(Да чтоб голос был свеж,
Дай воды напьюсь допрежь!)

Коль опять себе накличешь
Птицу, сходную со мною,
Знай: лишь перья наши птичьи,
Сердце знойное, земное...
(Площадной образец,
Каких много сердец.)

И еще, дружок, запомни:
Мы народ вдвойне пропащий!
Так, коли поем краснó мы, –
Так еще целуем слаще...
(Запиши себе в грудь.
Говорившую – забудь.)

* * *

Няньки спят, мамки спят,
Пуховик не смят.
Лишь лампадки в углах дымят.
Ах, так вот каков – покой ее – покой седьмой!
Ах, так вот каков – покой ночной!
Где ж она? – Нету.
Где ж она? – С ветром.
Не спится – так плачется,
Так к милому скачется –
От мамок, от мужа,
От риз от жемчужных,
От рож скоморошьих, –
От дел наших тошных!
Из спаленки выкралась,
На лесенку выбралась,
Ступень за ступенечкой –
Лишь выйти труднечко!
А там уж – вольней, вольней,
Ногам уж верней, верней,
Как будто из гробика
Восстав, мчишь по воздуху:
Не к птицам на кровельку, –
На вышнюю звездочку!
(Ветер, ветер, вор-роскошник,
Всем красавицам – помощник,
Ревности – служитель,

Верности – губитель,
даровой рабочий –
Ветерочек мой!)
Стоит полоняночка
На башенной вышечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым с мальчишечкой,
Кто цепь нашу грубую
Раньше всех расклепал,
Кто прежде супруга нам
Шейный плат растрепал.
И мастер он ластиться!
Потягается с кошками!
Сорвал ей запястье,
Играет сережками.
Своею жемчужинкой
Зовет – дорогой...
Да нужен-то, нужен-то
Ей мальчонок другой!
* * *

– Шаги! –
Мать Божья, помоги!
Оттого что эти чудные – шаги!
Я свечу тебе в три пуда засвечу,
Оттого что эти знаю – сапоги!
То не стон –
Струнный звон.
То не сон –
Он.
* * *

– Ты здесь зачем?
«А ты зачем?»
– Небось, уйду.
«Сама, уйду».
Стоит смиренник юный,
Пощипывает струны.
Нет слов у мачехи-красы,
Покусывает хвост косы.
А ветер между ними –
Как вьюн – между двоими.
Гусляр по стрункам: шелк да шелк,
А сердце в грудь ей: толк да толк, –
Вот в щепья расколотит!
Тот спиночку воротит.
Вот-вот уйдет! – Святой Исус!
И, косу выхлестнув из уст,
Как зверь нечеловечий –
Хвать! – сына за заплежье!
«Стой, погоди, так не уйдешь!»
– Брось, баба, что за речь ведешь?
Ты мне сукна не комкай!
Ай девка с моряком ты? –
И хочет плечиком повесть, –
Не может ручек ей развесть:
За шейкой за любезной
Свились – как круг железный.
– Я сын тебе, а ты мне – мать.
Взошел я ветром подышать,
Морскую речь послушать...
А ты – веревкой душишь! –
«Ты баб до времени не старь!
Царица я, а ты мне – Царь!»
А месяц между ними –
Как меч – между двоими.
«Три года завтрашней зарей,
Как я на персик восковой,
Как нищий на базаре, –
На нежный лик твой зарюсь!

Три года эту ночь ждала!»
Легонечко – как два крыла –
Ослабшие от муки
Он ей разводит – руки.
Вдоль стана бережно кладет,
Сам прямо к лесенке идет,
И на гортанный окрик
Вдруг голову воротит.
Стоит на башенном зубце,
Как ведьма в месячном венце,
Над бездной окианской
Стоит, качает стан свой.
Покачивает, раскачивает,
Как будто дитя укачивает,
Большие глаза незрячие
К мучителю оборачивает.
А ветер – шелка горячие
Как парусом разворачивает.
«Введешь в беду!
Уйдешь – уйду:
Ты – с лесенки,
Я – с башенки!»
Качается, качается,
Шелк вокруг колен курчавится.
Как есть – дитя-проказница
Страх нагоняет, дразнится.
«Что пошатнулся? Ай – струхнул?»
Царевич к ней на шаг ступнул.
«Теперь ко мне – ни шагу!»
Царевич к ней – два шага.
Качается: – помру за грош!
Качается: – и ты помрешь!
Качается: – ан нет, не трожь!
Не след! – негоже! – И как горсть
Горошин тут жемчужинных –
Из горлышка – смех судорожный!
«Прощай, мой праведник-монах!»
Всё яростней разлет-размах,
«Мой персик-абрикосик!»
Как змеи, свищут косы.
Так разошлась – в глазах рябит!
Так разошлась – луну дробит!
Тут страшным криком нутряным –
Как вскрикнет! тот кольцом стальным
На всем лету – как сдавит!
Как на ноги поставит!
* * *
Аж потом высыпал испуг. –
Она смирней ребенка. –
Стоит, не разжимая рук,
Стоит и дышит громко.
* * *
Тут речи нежные лились:
«Теперь не страшно с башни вниз...»
И – дрожью соловьиной –
Смех легкий, шаловливый.
«Моя исполнилась – вся сладость!
Моя исполнилась – вся страсть!»
Из бахромы курчавой
Глазок глядит лукаво.
«Ты на руках меня держал,
К своей груди меня прижал...
Добилась, – вновь смеется, –
Как твое сердце бьется!
Железом ты в меня впился,
Как огневая полоса
Под красными щипцами –
След твоих рук – на память!

Хотенье женское мое –
Вот всё именице мое.
Иди! – Теперь уж, друг мой,
Вниз головой не рухну!»
* * *

Ух! – Кто ж это так ухнул вдруг?
Чья кошачья меж зубцов – голова?
То пророчица великих разлук:
Сова-плакальщица, филин-сова.
Охорашивается, чистит клюв.
Глаза желтые – янтарь шаровой!
Красе на ухо шепочет, прильнув:
«За булавочкой к тебе я второй!»
Сотворила тут краса крестный знак,
Сваво гостя дорогого узнав.
«Весь-то слышал я ваш спор боевой,
Всё-то филином-летал я-совой!
Дважды в грудь свою – булавку отправь!
Дважды филину – уста предоставь!»
Крылами руку ей с рукой,
А клювом губку ей с губой
Разводит пакостник рябой:
– Ты не противься, рот тугой!
Покорность с бабой родилась!
Льни, тонкоствольная лоза!
Чтоб не увидеть желтых глаз –
Закройтесь, черные глаза!
* * *

Закроешь – и легче!
Пол-зла, пол-обиды..
Обидчика чуешь хотя –
А не видишь!
И легче уж губы
Свой жар отдают.
Не ветер, а певчие
Ровно поют.
Уж разное шепчешь,
Рот жадный ощеря.
Уж грудь – без приказу
Вгребается в перья.
Всё легче – всё крепче –
И вот уж с тобой –
Не филин твой старый,
А лебедь молодой!
* * *

Видят сквозь кисейку-дымку
Месяц с ветром-невидимкой:
Ведьма с филином в прижимку!
Ведьма с филином в обнимку!
Месяц – слезку смахнул,
Тот – березкой тряхнул..
А от губ – двойной канавой –
Что за след такой за ржавый?
– Бог спаси нашу державу! –
Клюв у филина кровавый!
Ветер рябь зарябил,
Месяц лик загородил..
Встреча вторая
Солнце в терем грянуло –
Что полк золотой.
Встал Царевич правильный:
Веселый такой!
Хоть не спал, а выспался!
Хоть враз под венец!
Смородина – кислая,
А я – молодец!
Трех быков на вертеле
Сгублю, не щадя!

Поглядим-ка в зеркале,
Каков из себя!
Белый стан с шнуровочкой,
Да красный кушак.
– Что за круг меж бровочек,
Кумашный пятак?
Словно снег пуховочкой
Прошелся вдоль щек.
– Что за круг меж бровочек,
Почетный значок?
Аль пастух полуночный
Здесь жег костер?
Али думу думамши –
Да лоб натер?
* * *

Смелыми руками –
Вдоль перил витых,
Резвыми шажками
С лестничек крутых.
Позабыл иконам
Класть поклон земной,
Не идет с поклоном
К батюшке с женой.
Невдомек, что стража
Ему на́ кра – ул,
Белизной лебяжьей
Всех ворон спугнул.
Вся краса платочком
Ему вслед с крылец.
А старухи – дочкам:
«Молодец – малец!»
Чья в окошке темном
Ночь темней зрачка?
Кто к глазам недремным
Жмет два кулачка?
«Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт –
По счетам не плати,
Своди с совестью счет.
Скажет: в море пльви!
Пусть красотка клянёт!
Бабы – дрянный народ,
Рыбы – славный народ.
Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт –
Держи сердце в горсти,
Дай челну полный ход...
Погляди, как в волнах
Наш Царевич пльвет,
Вровень с морем пльвет,
В голос с ветром поет.
Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт –
Надо быстро грести,
Молодой мореход!
Ведь всё то ж тебя ждет
И у жен и у вод:
Грудь – волною встает,
Волна – грудью встает.
Песнопевец, в плечу!
Наша летопись: льну...
Не Царевич к челну –
Лебедь к лебедю льнет.
И опять ни к чему
Тебе вольный полет!
Никому не уйти
Да из женских тенёт!»
* * *

Слушал, слушал гусярок голоса,
Просветлел, на локоток оперся.
Словно струнки под его пятерней –
В теле жилочки пошли болтовней.
С раззолоченных подушек встает,
Лоб откинувши, а грудку вперед.
Да как вскинет синий взор – вот-те раз! –
Видит: филин-сыч сидит, пучеглаз.
Подошел, да и накрыл с головой:
«Доброй ночи, господин рулевой!
И без ваших ясных глаз обойдусь!»
А рябой из-под полы: – Вот так гусь!
Гусь ты, гусь ты мой, заморский индюк! –
Да как вымахнется – разом – из рук!
Не очнулся гусярок, как промеж
Двух сапог его – да дядькина плешь!
«Что за притча? Ошалел, старый гриб!»
– Ручки-ножки, ребра-кости зашиб!
«Без приказа моего – как дерзнул?»
– Чтобы лебедь мой – да в даль не махнул!
Мало ль на море приманок-прилуц?
Кто в ответе? – есаул твой, гайдук! –
Расходился тут Царевич, – нет сил!
Ожерельице в зубах закусил.
«Как завидел тебя – нож ровно в бок!
Словно черный кот мне путь перебег!
Чтоб весь век не пил-не-ел, чтоб зачах!»
Да как вдарит тут по гусям в сердцах!
* * *

Говорит тут Царь-Девушка
Двум юнцам-своим-щечочкам,
Морячочкам-морьякам:
«Ох вы, чудо-морячочки,
Два весла моих проворных,
Две младых моих руки!
Цельну ночь всё в карты дулись,
Картой дрему вышибали –
Моего дружка стеречь.
Бросьте карты-вы-колоду,
Вы ныряйте в глубь-пучину,
Поспросайте тварей-рыб:
Не слышать ли рыбам звону,
Не слышать ли тварям гласу,
Не плывет ли млад-гусяр?»
Разом мóлодцы вставали,
Расправляли стан плечистый,
Сотворяли знак честной, –
Лишь жемчужное круженье
По воде, – да грудь у Девы
Вся алмазами пошла.
* * *

«Мать рожала – не тужила:
Не дитя, – дымочек-дым!
Словно кто мне налил жилы
Светом месячным сквозным.
Лень и семечки лущить-то!
Не до плотского греха!
Вы невесту мне сыщите
Для такого жениха!
Не жених, а стебель шаткий!
Кто пройдет – дрожу росой.
Коли дождь, иду без шапки,
Коли снег, иду босой.
Старой бабы беззащитней,
Зеленее стерженька...
Вы подружку мне сыщите
Для такого муженька!
По морским румяным рощам,

Лыжи легкие востря,
Сжалилась над братом тощим
Мощная моя сестра.
Красный круг заря прожгла мне,
Круг, пылающий вверху.
Есть моим палатам – камни,
Есть невеста – жениху!»
Ту песенку прослушала –
Как яблочка откушала.
Звон струнный вобрала –
Как брагой запила.
А тут – бореньем водяным –
Пловцы на свет столбом двойным:
Гривастые, как львы,
Две красных головы.
«Шептались с тварью-с-рыбами»,
Враз на корабель прыгают,
«Для горя твоего –
Не слышно ничего.
Нет твоего Царевича!»
– «Знать, тонок слух мой девичий», –
Она с усмешкой им,
Двум морячкам своим.
«Такой уж слух мой воровской,
Что даже шум травы морской
О рыбий хвост чешуйный,
Не то что друга – чую!
Ввысь, паруса! Пучина, в пляс!
Не Царь я вам, коль в тот же час
Челнами не сшибиться!
Не Царь и не Девица!»
* * *

Ох ты воля! – дорогая! – корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!
* * *

Плывет Царь-мой-Лебедь
В перстнях, в ожерельях
Кафтан – нет белее,
Кушак – нет алее...
Сережка – подковой
Висит из ушка..
(Живого такого
Напеть бы дружка!)
Ох, взор его синий!
Роток его алый!
«Глянь, чтой-то пучина
Пошаливать стала!»
– В сочельник крещенский,
Что ль, парень, рожден?
У баб деревенских,
Что ль, врать обучён?
«Да нет, старина!
Ровно мóрок какой-то.
Гляди, – не волна уж:
Гривастая тройка!»
– Ври, дурь-ты-деревня,
Лещу да ершу!
Дай, лучше-ка гребнем
Копну расчешу!
«Врешь, совья ты старость,
Подземная шахта!
Что там за Царь-Парус
Встает на водах-то?»
– Не видишь глазами, –
Гадай на бобах!
Я, что ли, хозяин
На грозных водах? –
* * *

Глаза-то всё шире,
А змейка-то колет...
– Спи, свет, спи, соколик! –
Уж руки как гири,
Уж ноги как гири,
Лоб налит свинцом...
Не пить ей в трактире
Чайку с молодцом!
Но спорит, но всю свою мощь собирает,
Не пальцами веки себе разрывает...
Качнется – очнется: «Ой сплю, невтерпех!»
Какой уж, какой тут любовный крутёж!
Красный загар,
Меченый лоб.
«Дядька, пожар!»
Закрылся глазок.
Ручку разжал,
Звякнул серьгой.
– Дядька, пожар! –
Закрылся другой.
Так и спит с последним криком,
С ротиком полуоткрытым.
* * *

Весь кафтан-ему-шнуровку
Расстегнула на груди.
Держит сонную головку
На полвздоха от груди.
Дышит? – Нет?
Дышит? – Да?
Наклонила лик сусальный
Над своей грудною сталью:
Есть ли, нет ли след вздыхальный?
Да, надышан круг!
Да!
Радость – молнией
В глазах, – зóлотом!
Радость – молнией!
Горе – молотом!
«А если уж жив он, –
Чего ж он лежит-то?
А если уж дышит, –
Чего ж он не слышит?»
Бог по морю ветром пишет!
Брови сильные стянув,
Взор свой – как орлица клюв –
В спящего вонзает.
Весь из памяти – букварь!
Растерялась Дева-Царь,
Что сказать – не знает.
В грудь, прямую как доска,
Втиснула два кулачка:
Усмиряет смуту.
– Ох, лентяй ты наш, лентяй!
И от пушечного, чай,
Не вздрогнет – салюту! –
Как бы листвой
Затрёсся дуб.
Как пес цепной
Смех – с дерзких губ.
«Агу, агу, младенец!»
Хохочет, подбоченясь.
Всё – как метлою замела!
Всё – как водою залила!
Гляди: сейчас – грудь лопнет!
Все корабли потопнут!
– и –
Молча, молча,
Как сквозь толщу

Каменной коры древесной,
Из очей ее разверстых –
Слезы крупные, янтарные,
Непарные.
Не бывало, чтоб смолою
Плакал дуб!
Так, слезища за слезою,
Золотые три дороги
От истока глаз широких
К устью губ.
Не дрожат ресницы длинные,
Личико недвижимое.
Словно кто на лоб ей выжал
Персик апельсинный.
Апельсинный, абрикосный,
Лейся, сок души роскошный,
Лейся вдоль щек –
Сок преценный, янтарёвый,
Дар души ее суровой,
Лейся в песок!
На кафтан его причастный,
Лик безгласный – кровью красной
Капай, смола!
Кровью на немую льдину..
– Растопись слезой, гордыня,
Камень-скала!

* * *

А уж под сталью-латами
Спор беспардонный начат:
– Чтó: над конем не плакала,
А над мальчишкой – плачешь?
Вихрь-жар-град-гром была, –
За всё наказана!
Войска в полон брала, –
Былинкой связана!
Войска в полон брала,
Суда вверх дном клала,
А сама в топь брела –
Да невылазную!
Кулаком славным, смуглым
Лик утирает круглый –
Наводит красоту.
Лик опрокинула вверх дном,
Чтоб солнце ей своим огнем
Всю выжгло – срамоту.
«Его Высочеству приказ:
Что в третий и в последний раз
Зарей в морскую гладь
На гусельный прибудем зов.
Прощай, Гуслиар! До трех разов
У нас закон – прощать».
Всей крепостью неженских уст
Уста прижгла. (От шейных бус
На латах – след двойной.)
От сласти отвалилась в срок,
И – сапожок через борток –
В дом свой морской – домой.

* * *

Еще сталь-змея вороток дерёт,
А целованный уже вздрогнул рот:
Не то вздох, не то так, зевота,
А всё, может, зовет кого-то..
Допрежь синих глаз приоткрыл уста:
– Эх, и чтоб тебе подождать, краса!
И не слышал бы ветер жалоб:
Целовала б и целовала б!
Оттого что бабам в любовный час
Рот горячий-алый – дороже глаз,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Все мы к райским плодам ревнивы,
А гордячки-то – особливо!
* * *

Потягивается, подрагивает,
Перстами уста потрагивает...
Напрасно! И не оглянется!
Твое за сто верст – свиданьице!
А дядька-то шепчет, козлом пляша:
«Должно быть, на всех парусах пошла!
Не всё целовать в роточек...
Давай-ка свой вороточек!»
* * *

Синей василёчков,
Синей конопли
На заспанных щечках
Глаза расцвели.
«Эй, старый, послушь-ка:
Вот сон-то приспел!
Как будто кукушку
Я взял на прицел!
Пусть зря не тоскует!
Зажмурил глазок...
И слышу – кукует:
До трех до разов».
– То не пташечка-кукушка
Куковала,
То твоя подружка
Тосковала.
Как под бурю ночной стонут снасти...
Да уж спать-то ты у нас больно мастер! –
«И вижу еще я, –
Речет сам не свой, –
Что плачет смолою
Дубок молодой.
Ветвями облапит
Как грудку-мне-стан,
И капит, и капит
Слезой на кафтан».
– Нет, царь Лебединый,
Не дуб, не смола:
То спесь-ее-льдина
Слезой изошла. –
«И снится мне, – молвит
(Сам губочки трет), –
Что красное солнце
Мне – яблочком в рот.
Да так вот, с поклоном:
Испробуй, лентяй!»
– Царя Соломона
На сон почитай. –
Тот вздохом туманным:
«Дай сон доскажу!
За перст безымянный
Прикован – лежу.
Ай к смерти? Ай к свадьбе?
Скажи, не мытарь!»
– Эй, спать бы и спать бы
Тебе, государь!
От бабы Иосиф-то
Нагишом, – берегись!
На женском волосике
Не один уж повис! –
Не внемлет Царевич дурной ворожке,
Сам нежную руку целует себе.
«Гадай хошь на картах,
А хошь – на бобах!
Хошь вороном каркай, –
Всё сласть на губах!»

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ты бренчи, Гуслияр, задай нам пиру-звону!
Синь-то водная – что синькой подсинёна!
Исполать тебе, Царь-Буря, будь здорова!
Рот у мальчика – что розан пурпуровый!
Ночь третья
– Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь, белобородый.
Круговой поднос, кумачовый нос,
Мне сам черт сегодня чарочку поднес!
Веселитесь, наши руки даровые!
Всё хлеба ваши я пропил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся – и личиком в навоз!
Выпивайте, брови черные, до доньшка!
Всех-то телок ваших пропил я, буренушек!
А коль тошно вам от ребячьих слез, –
Помолитесь, чтоб их черт скорей унес!
Задирайте, попы-дьяконы, подрясники!
Не то в пляске-то носами об пол хрястнетесь!
Чем крысиный хвост, да великий пост –
Лучше с чарочкой-сударочкой взасос!
Подымайтесь, воры-коршуны-мятежники!
Для костра сваво я сам припас валежнику.
Двери – настезь – всё. В клетки заперт – пес!
Частоколы сам по колышку разнес!
Рухай-рухай, наше царство разваленное!
Красный грянь, петух, над щами несолеными!
Красный грянь, петух: «Царь-Кумашный нос
Всё, как есть, свое именице растрёс!»
– Эй, холопы, гуслияра за бока!
Чтоб камаринскую мне, трепака!

* * *

То не дым-туман, турецкое куреньице –
То Царевича перед Царем виденьице.
То не птицы две за сеткою тюремною –
То ресницы его низкие, смиренные.
Ох, ресницы, две в снегу полуподковочки!
Розан-рот твой, куполок-льняной-маковочка!
В кулачок свой кашлянóвши для приличества:
«Какой песней услужу тваму Величеству?»
– Птица в небе – выше нас родилась!
Над тобою наш не властен приказ!

* * *

«Часто я слышал сквозь дрему
Бабий шепот-шепотез:
– Плохой сын Царю земному, –
Знать, небесному хорош!
Черным словом, буйным скоком
Не грешил я на пиру.
На крыльце своем высококом
Дай ступеньку гуслияру!
Никогда, сойдясь межюю,
Навзничь девки не бросал,
Да не то что там с чужою –
Вовсе с бабами не спал!
Не плясал в зазорном платье,
Как ударят ввечеру.
Широки твои полаты, –
Дай местечко гуслияру!
Хошь плохой я был наследник –
Гуслиярок зато лихой!
Паренек-то из последних –
Может, ангел не плохой...
Хошь и неуч я в молебнах,
Наверстаю – как помру!
Между труб твоих хвалебных
Дай местечко гуслияру!»

* * *

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Взял лучину Царь: «Нагнись-ка, дружок!»
(Чуть-что всей ему копны не поджег!)
«Видно, воду пьешь да постное ешь?
Что тебя-то не видал я допрежь?»
Сын ли с батюшкой, аль с львом красным – лань?
Вся-то глотка-пересохла-гортань!
Вспыхнул пуще корольков-своих-бус:
«Я вам, батюшка, сынком довожусь!»
Как толкнет его тут Царь сгоряча:
«Врешь, молочная лапша! каланча!
Прынец заморский либо беглый монах, –
Ни в каких я не повинен сынах!»
Подивился тут Царевич бровями:
«Хоть убей меня, а зря не страми!
Не монах и не заморский мужик, –
Я в супружестве законном прижит!»
Помянул тут Царь с десятков шутов:
«Знать, косушку породил полуштоф!
Да иная нам тут малость важна:
Коли сын, так твоя мать мне – жена?!»
И как вззоет – инда стекла дрожат:
«Ох пропал-пропал, пропал-пропал, – женат!
Коль жена, так значит – дочь, значит – зять?
Где ж убивица моя, – твоя мать?!»
В землю пальчиком гусляр: «Вечный дом! –
Ты в супружестве живешь во втором».
Разом хмель пропал от этого сказа,
Растарачился, что сом пучеглазый,
Вздоху нету, – гляди лопнет шаром.
«Так в супружестве живем во втором!..»
Дрожит сын, шепочет,
Вином виски мочит,
Хлопочет вокруг той горы кумачовой:
Лик – шар сургучовый, краснее клопа.
«Ох, батюшки, – так и ушел без попа!»
Льет в рот вино, наза́д – вино,
К груди припал, – бревном-бревно.
«Одно бы знать: что дышишь.
Да сердца не прослышишь!»
«Коли вино не хочет в рот, –
Сам в руки гусельки берет, –
Быть может, Царь-отец мой,
Мое – поможет средство!»
Пробежался по струнам ветерком,
Слышит: кто-то ровно – щелк! – языком.
Разжужжался, что шмелиха-пчела,
Смотрит: холм-гора-то кверху пошла!
А как пальчики пустил во всю прыть,
Видит: Царь сидит, да ручкою: пить!
* * *

Отцу сынок налил,
Пьет Царь, подставляет,
За каждую чаркой
Сынка похваляет:
«И кудри-то – шапкой!
Стан – рюмки стройней!
Вот что бы без баб-то –
Рожать сыновей!
Зачем – жена?
На кой – жена?
Ты не жена,
Скажи, – война!
Чуть что не так –
И свет ей мрак,
И друг ей враг,
И царь – дурак...
Ох ты, Царь-дурак, женатый холостяк!
Приведи-ка мне, сыночек, жену:

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бить не стану, а разок – толкану!»

* * *

То не сон-туман, ночное наважденьице –
То Царицыно перед Царем виденьице.
То не черный чад над жаркою жаровнею –
То из уст ее – дыханьице неровное.
То не черных две косы, служанки кроткие:
Две расхлестанных змеи – да с косоплетками!
До ковровой до земли склонилась истоиво,
Об царевы сапоги звенит монистами.
«Виноградинка в соку,
Здравствуй, зернышко!
Не видал я на веку
Стройней горлышка!
Вся от пяточек до бус –
Во как – нравишься!
Да коль я не подавлюсь,
Ты – подавишься!
Оттого что вкус мой гнусный, мокрый ус!»

* * *

Вырывала тут из кос косоплетки,
Отползала змея к самой середке,
Духом винным-тут-бочоночным румянилась,
Царю – в землю, гусярочку – в пояс кланялась.
Ножки смиренные, рот алый поджат.
Во всем теле – одни ноздри дрожат.

* * *

Заиграл сперва гусяр так-от легонечко,
Ровно капельки шумят по подоконничку.
Та – рябь рябит,
Плечьями дрожит.
Заработали тут струночки-прислужницы,
Ровно зернышки-посыпались-жемчужинки.
Та – пруд-река,
колеблет бока.
Заходили тут и руки в странном плясе:
Коготочками гребет, что кот в атласе.
Сожмет, разожмет,
Вновь в горсть соберет.
Отпустил гусяр своих коней стреноженных –
Прокатилась дрожь волной до быстрых ноженек.
Как тигр-лежебок
Готовит прыжок.
Ой, рябь!
Ой, зыбь!
Ой, жар!
Ой, хлад!
Ой, в пляс пошла, помилуй Бог вас, стар и млад!
Бочком, бочком,
Шмыжком, шмыжком,
Играючи да крадучись –
что кот с мышом!
(Ох, не пляшут так, жена, пред муженьком!)
– Скидавай босовики!
Босая пляши! –
Эй, топ, босовичок!
Эй, скок, босовичок!
Наших босых ног –
Не белей снежок!
(Что ж ты вспыхнул, ай мороз тебя ожег?)
– Пусть душу не спасу, –
Распущай косу! –
Как тряханёт!
Как маханёт!
Мраком-то-как –
Жаром – дохнёт!
Белый плат-то свой нагрудный распахнет!..
Плоть ли бабья – ай

Просто яблонь-май?

Бабья пазуха –

Али Божий рай?

То дыханьице ли, жаркий воздушок,

Аль инбирь-шафран-корица-корешок?

Веселится Царь, – инда пот утер!

Белей снегу – сын, глаза в землю впер.

– Что ж вы, струночки, не стали впереворот? –

Не змеиный шип – шелков рваных скрип,

То не плетка-хлыст – шелков рваных свист,

То на всем плясу – шелка ручьями вниз!

– Эй, жару поддавай!

Рубаху скидавай! –

Отцу с сыном пир великий задавай!

Заленилась – не слышать монист.

С плеча левого наплечник вниз.

Рукой заспанной ресницы трет,

Теперь правому плечу – черед.

Осовела, что кулек с мукой,

Ткань у бедер собрала рукой.

Да не вóвремя зевнула, дрянь!

Пошла рот крестить, – пустила ткань.

И – взыграв как целый град Содом –

Закрутилась дымовым столбом!

* * *

Ночь – ежели черная,

Кровь ежели красная,

Бабенка невздорная,

Да на всё согласная –

Можно одной улочкой

Вдвоем ходить,

Можно одной булочкой

Двоих накормить.

Друг ли ты с товарищем,

Ай сын с отцом,

Поделитесь чарочкой –

И всё с концом!

Грех из-за убожества

Входить в изъян!

Поделись по-божески –

И каждый пьян.

На миру монашество –

Что землю грызть!

Ну, а бабья наша тут

Молчать – корысть.

Столбам с перекладкою

Никто не плох!

Хватай мертвой хваткою,

А там – как Бог!

* * *

Луна с луговины

Ушла за копну.

Глядит Царь на сына,

Глядит на жену.

Верней самострела

Глаз пьяных – прицел.

«Ты ног не жалела,

Ты рук не жалел,

И так что за кружкой

Я верно сужу,

Решил, что друг дружкой

Я вас награжу.

Любитесь – доколе

Ус есть у китов,

Да чтоб мне к Николе

Внучок был готов!

Да чтоб тот внучонок

С меня был снятой!»

Берет царь бочонок:
«Налей вам святой!
В ковры-вам-подстилки
Вину велю течь!»
В персты по бутылке
Сует вместо свеч.
«Чтоб в играх-затействах
Плодились птенцы,
Вот вам венецейских
Две чарки – в венцы!»
Вверх дном, ошалелый!
Двойной аж фонтан:
Ей прямо на тело,
Ему на кафтан.
Сидит, приосанясь,
Меж струн и меж струй,
Да вдруг как затянет:
«Исайя, ликуй!»
* * *

Эй, Исайя ты, Исайя,
С небес свесь-ка голову!
На невесту взглянь: босая,
Того хуже – голая!
Словно цельным становищем
Вражьем – в рот целована.
Всего тела вдоль – винищем
В кровь исполосована.
Ишь, сокрыла черноглазье!
Хороша, смиренница!
На полуношных-то разве
На летуньях – женятся?
Как пойдет чудить в кровати
Булавками-иглами!
– Нет, Исайя-ликователь,
Твое дело гиблое!
Гляди: царь их лбами чокнул
Для дельца веселого!
«Да в уста чтобы – не в щеку
Целоваться, голуби!
Не рябая, не косяя,
Глаже шелку – платьнице!»
– Ох, пророк ты наш Исайя,
Паренек-то пятится!
«Коли сам жену не чмокнешь,
Скручу с ней веревкою!»
(Ох, поддастся паренек наш!
Пенька – баба ловкая!)
Быть ему, пророк Исайя,
За дверьми чугунными!
От нее себя заставил
Изгородью струнную!
Царь из рук как схватит гусли!
– Держись, гуси-лебеди! –
«Чмокай в паточное устье, –
Не то – гусли вдребезги!»
То не девица в когтях у черной немочи –
То Царевича у женских уст застеночек.
Потягивается, подрагивает,
Устами уста потрагивает,
Как жалом в него вонзается,
Как в яблок в него вгрызается,
Из сердца весь сок вытягивает,
В глубинную глубь затягивает.
«Учись, учись, любовничек,
Как без меня чаевничать!
Учись, учись, болезный мой,
Как нашей лаской брезговать!
Учись, учись, монашек мой,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Как в споре жить – да с мачехой!»
Обхватывает, обматывает,
В грудь скудную – когти вкапывает,
Вокруг обвилась, как жимолость,
Как радуга – запрокинулась!
Белки-то уже – под дёснами!
Аж пол подметает – космами!
* * *

Стар и млад – не суди!
Этот жар – из груди
Должен в грудь перебечь,
Аль всю суть нашу сжечь.
У цыгана – луна,
У буяна – война,
У дворянчиков – честь,
У нас – кровь одна есть.
Кровь, что воет волком,
Кровь – свирепый дракон,
Кровь, что кровь с молоком
В кровь целует – силком!
Встреча третья и последняя
Солнце в терем врезалось –
Что меч золотой!
Лежит цвет-наш-трезвенник,
Как пьяный какой.
Вот уж вечер-зареве –
Он взор межит.
Уж к вечерне вдарили –
Он всё лежит.
Ухо клонит-слушает:
Уж с коих пор –
Ровно шум-шушуканье,
Девичий спор.
Словно ручеечка два
Шумят сквозь снег...
Только шепоточка два, –
А толку – нет.
Ему шепоточка два
Без всяких слов,
А нам волосочка два
Да с двух голов.
(Враги неразрывные –
В одном котле!)
Сошлись на груди одной,
Одном сукне.
Один – глаз хоть выколи,
Тот – взор завесь.
Один – аж по щиколку,
Тот – с пальчик весь.
По кафтану шитому
Шумят войной.
Тот – змеиным шипом-то,
А тот – струной.
От их шуму-шороху
Аж лоб болит!
«Твое дело коротко!»
– Да толк велик!
«Стрижка-брижка-выскачка!»
– С грозой дружу!
«Из хвоста-знать-кисточки!»
– Да верх держу!
«С головы я чёсаной!»
– А я с честной!
«Моя баба – с косами!»
– Моя – с красой!
Был тут спор порядошный:
Свились в комок!
Только слышит: рядышком –

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Другой шумок.

Не морской, не гусельный:

Пчелиный – гуд.

Близко-близко, чуть ли не
У самых губ.

Нет, не пчелки розанам

Ведут дозор.

То с печатью грозною

У слюнки – спор[90].

«Чей ты, мед несмешанный?»

– Забыл ожог?

«Подари усмешечкой!»

– Вдохни разок!

«Вспомни час полуночный!»

– Полдневный жар!

«Теку в каждой слюночке!»

– Что вздох – то дар!

«Раскрой половиночки!»

– Шепни во сне!

«Все мои – кровиночки!»

– Все песни – мне!

Разорвут на части две,

(Аж жар во рту!)

Разных уст – печати две

На том же рту.

«Мой он, мед несмешанный!»

– Шалишь, дружок!

Свистит слюнка грешная,

Кипит ожог.

«Что это с губами-то?»

(Гуслиар втупик.)

«Пить хочу без памяти, –

Аж грудь кипит!»

Язычком оближется:

От губ – дымок,

Только что поблизости –

Опять шумок:

Как от свечки воск дает

В церкви ночной. –

Речь великопостная,

Шумок свечной.

Ему – капли воску две

Из Божьих сот,

А нам, значит, слезки две –

Из разных вод.

Та из моря Чёрного,

Акульих мест,

Та из моря верного –

Жемчужный всплеск.

Двух печалей первенцы:

– Вернись! – Вернись! –

Две слезы-соперницы

В одну слились.

* * *

Жаркими руками

Вдоль перил витых,

Шалыми скачками

С лестничек крутых.

Какой тут заморыш!

Богатырь, ей-ей!

Одним махом – сорок

Спрыгнул ступеней.

Бугор ему – кочка,

Страшён ему – кто?

Море бы в примочки

Взял, каб не мелко!

Ох, ожог, знать, лютой!

Не простой, знать, мед!

Гляди, вихрь полу-то
Сейчас оторвет!
По камням-колючкам
Шпарит-жарит – и-их!
А ведьмухи внучкам:
«Ошалел жених!»
Только – царь небесный! –
Из тьмы теремной
Что за знак за крестный
Вслед ему – чудной?
«На измор-отраву,
На позор-на-вред,
Слева – да направо,
Снизу – да наверх...»
Не глаза под бровью:
Черные дела!
Не наестся кровью
Ревности игла!

* * *

Ох ты воля! – дорогая! – корабельная!
Окиянская дорога – колыбельная!

* * *

«Не спи, крепись!
Взгляни на птиц:
Заснем – так вниз,
Заснешь – так вниз...
Не та уж синь
Промеж ресниц
Пойдет, –
Морская синь пойдет!
Морская синь,
Морская соль,
Всё море в грудь твою взойдет, –
И будешь ты
Не Царский сын:
Морской король.
Аминь.
Не спи – встряхнись!
Учись у птиц!
Смекай наш писк,
Смекай наш свист!
Не звон монист –
Змеиный шип!
Держись!
С змеицей вперегиб
Не стой в ночи!
Шелками шит, змеей зашит
Твой вороток!
Не спи, крепись!
Встряхнись!
Смекай наш свист!»

* * *

И ветер этой песне вторил
Широким свистом кучерским.
Тогда заговорило море
Роскошным голосом морским:
– Доверься морю! – Не обманет!
Плыви, корабель-корабель!
Я нянюшка – всех лучше – нянек,
Всем колыбелям колыбель.
Уж скоро ты в кулак – канаты
Сам разорвешь, своей рукой.
Припав к груди моей богатой,
Крепчай, мой выкормыш морской!
Клади себе взамен подушки
Мою широкую зарю!
Тебе в игрушки-погремушки
Я само солнце подарю!

Не будет вольным володеньям
Твоим ни краю, ни конца...
Испей, сыночек двухнедельный,
Испей морского питьеца.
Испей, испей его, испробуй!
Утробу тощую согрей.
Иди, иди ко мне в учебу –
К пенящейся груди моей!

* * *

Волна челн колышет,
Жар утробу сушит.
Одно дело – слушать,
А другое – слышать.
Кому жить охота –
К мощам не паломник,
Кому пить охота –
Лишь стакан и помнит.
Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Чересчур уж пенный!
Выпьешь, – ничего не
Скажешь, – мед хвалёный!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересолёный!

* * *

Кровь ли это в жилах,
Аль волна об челн,
Как та песнь сложилась –
Нам-то знать почему?
Не своей охотой –
Дуло у виска!
Не своей работы –
Смертная тоска!

* * *

Как ременным кушаком сжата грудь.
Ручку поднял – вороток отстегнуть,
Да от темени до пят – как вздрогнёт!
Да как ручку-то назад дерганёт!
А всего-то на тебе, дурачок,
Пустяковина сидит: паучок.
Шейкой крутит, аж в лице покраснел!
А паук-то уж на грудку приспел.
«Не дави меня, Господь не велит.
Не простой я паучок, – крестовик!»
И тоненько так, комарьей струной:
«Не простой я паучок, – теремной!»
Ну и страху-тут-смятенья было!
Ровно судорогой парня свело.
Тут бы дрянь ему да в воду щелчком!
Ан уж кончено и так с паучком:
Солнце светит, ветерок, значит, свеж...
Только нового – что дядькина плешь!
– Чтоб ты лопнул с той мушиной крови! –
А старик ему: «Бог в помощь, плыви!»
– Чтоб огнем тебя – мушиная кровь! –
А старик ему: «Совет да любовь!»
– Чтоб на гроб тебе не стало досок! –
А старик на то ни слова, – молчок.

* * *

То не Свет-Егорий
Спор ведет с Советом,
То посередь моря –
Царь-Девница с Ветром.
Говорит, как с ровней,
(Мудр, хоть непоседа!)
Спор-то поллюбовный,
Дружная беседа.

«Ветер-ветер, перебежчик,
Переносчик, пересказчик,
Наших женских дел доносчик,
Слов разносчик, дум доказчик...
Да чтоб слов не тратить,
– Разом чтоб! Спроста! –
Есть ли где, касатик,
Меж царей мне братец,
Меж девиц – сестра?»
Говорит – как шутит.
Тот кудрями крутит:
– Нет во всей вселенной
Такой здоровенной!
Ты – наш цвет военный!
Я – твой неизменный! –
Вздых тут поборовши,
Отпила от чаши.
«Так-то так – здоровше!
Ну, а всех ли краше?»
Говорит – как рубит.
Тот как дьякон трюбит:
– Нет во всей вселенной
Такой откровенной!
Ты – наш цвет военный!
Я – твой неизменный! –
«Эх, болтун досужий,
Скажи, не жалея:
Ну, а может – хуже
Знаешь – да милее?»
Говорит – как просит.
Тот гонцом доносит:
– Нет во всей вселенной
Такой несравненной!
Ты – наш цвет военный!
Я – твой неизменный!
«Чего ж он, мой лебедь...
(Говорит – как бредит)
Синий взор свой прячет?»
Говорит – как плачет...
– Будет тебе руки
Марать бабьим делом!
– Коли будут внуки,
Будешь ты им – дедом! –
На руки ей тихо
Шум-кладет-крыло:
– Мой совет, чтоб их и
вовсе не было!
Варишь – не наваришь!
От лоханки – к курам!
Предоставь, товарищ,
Это дело – дурам.
Куры на нашесте, –
Ребят не унять!
Давай лучше вместе
Корабли гонять! –
Разошелся дурень:
Аж грозитя Деве!
– А родства-то: шурин,
Тесть, да зять, да деверь...
Степняки, невежды,
Ватошный кафтан! –
Крылышек промежду
Грудку-взял-ей-стан.
– Нет на всем на рынке
Ценней – жениха-то!
От моей перинки
Не пойдешь брюхатой!
Крыл у меня двое:

Одно подстелю,
А другим накрою
И благословлю. –
Да над самой, эдак,
Шепчет над душой:
«Не хочу я девок,
Ты мне брат старшой!»
– Нет во всей вселенной
Такой дерзновенной!
Ты – наш цвет военный!
Я – твой неизменный!
По рукам, что ль? – Слышит:
Слеза – стук – об сталь.
«Об одном лишь, – дышит, –
Грусть-схватила-жаль.
Лучше б... (тот к ней ближе)
Вовсе б свет погас!
Так и не увижу
Его синих глаз!»
Зарычал с досады!
Разом крылья отнял!
– Да в любом посаде
Таких глаз – по сотням!
Бабью страсть дрянную
Знаю – к кулаку!
Чай, не приревную, –
Сам приволоку!
Не мужик, не зверь я,
Не законный лапоть!
Ну, а чем на перья
Мне слезою капать –
Хватай-ка за гриву –
Брать Стамбул-Царьград!
Девичий-свой-львиный
Покажи захват!
Завзятой бобыль я,
Проживем без скуки! –
Тот навстречу – крылья,
Та навстречу – руки...
– Всех законов крепче
Ветровой закон! –
«Свет-Архангел! – шепчет. –
Никак, его звон?»

* * *

«Сорную траву дурную
Не коси, косарь, с плеча!
Не паша, не боронуя,
Молодость моя прошла:
Всё печаль свою покоил,
Даже печки не сложил.
Кто избы себе не строил –
Тот земли не заслужил.
Для гробочка-домовины,
Из досочек из шести
Из сосновых – ни единой
Я не выстрогал доски.
Только знал, что на перине
Струнным звоном ворожил.
Кто страды земной не принял –
Тот земли не заслужил.
На перине, на соломе,
Середь моря без весла, –
Ничего не чтит, кроме
Струнного ремесла.
Ну, а этим уж именем
Пуще хлеба дорожил...
Кто к земным плодам надменен –
Тот земли не заслужил!»

Ломовым ей дышлом
В грудь – напев чуть слышный.
Она Ветру: «Слышишь?»
– Ничего не слышу!
Тот без зла ответил,
Ее зло взяло.
«Отстранись-ка, Ветер,
Рваное крыло!
Из твоей свободы
Не слатать заплаты!
Тебе путь – к Восходу,
Ну, а мне – к Закату!»
Не орел с орлицей
В спор-вступили-схват:
Крылья рвет – Девицын
Нареченный брат.
* * *

Солнце – долу,
Месяц – в гору,
Челнок с горы на гору.
Оставался б, мальчик, дома,
Обирал бы ягоды...
В сапожке казанском ногу
На борток поставил он.
Окиянскую дорогу
Мерит взором сабельным.
То не меч с мечом,
Не клинок с клинком –
То пресветлый взор
С заревым лучом –
Взор державный с лучом державным
В поединке схватились славном.
Под ногою хлябь-трясина
Дурь ведет опасную.
Мерься, мерься, взор пресиний,
С тою саблей красною!
Докажи: не трус ты скверный,
Не сопля в халатике!
С самим воинством вечерним,
Мол, играл в солдатики.
То не ладан-пар
От воды встает,
То войскам – гусяр
Производит смотр.
Не крестьянским полкам голодным –
Золотым облакам Господним.
– Выходи – сам хан татарский –
Поравняюсь силою!
Возводи меня на царство,
Рать ширококрылая!
Надоело промеж нянек
Брать цветник атакою!
Никакой я вам не пряник,
Не миндаль, не патока! –
То не два крыла –
В золотой костер,
То Царевич наш
Две руки простер,
Две руки свои разом поднял
В золотую зарю Господню!
(Не кичись своим обхватом,
Грудь Первопрестольная!
Семихолмие – Москва-то,
Хлябь – тысячехолмие!
Величай нас, люд сермяжный,
По имени-отчеству!
На морском холму на каждом –

Вот наше Высочество!)
То не просто – конь
В боевой огонь,
Без стремян-подков
Острогрудый конь –
По морским заповедным чащам,
С белым всадником, ввысь глядящим.
А навстречу – из чертога –
Кто – в броню закованный?
Не ему ли дать дорогу
Войска – на две стороны?
К гусяру простерты длани,
За плечьями-просторами
Разошлась двумя крылами
Рать золотоперая...
То не меч честной
Мечу держит речь,
То булавка-сон
Промеж хилых плеч,
То острожник двух рук ревнивых
Женской мстью сражен в загривок.
* * *

Над орленком своим – орлица,
Над Царевичем – Царь-Девница.
– Бог на небе – и тот в аду,
Ворон в поле, мертвец в гробу,
Шептуны, летуны, ветрогоны,
Вихрь осенний и ветер полуденный,
Все разбойнички по кустам,
Хан татарский, турецкий султан,
Силы – власти – престолы – славы –
Стан пернатый и стан шершавый,
Ветер – воды – огонь – земля,
Эта спящая кровь – моя!
Царю не дам,
Огню не дам,
Воде не дам,
Земле не дам.
Ребенок, здесь спящий,
Мой – в море и в чаще,
В шелках – под рогожей –
Мой – стоя и лежа,
И в волчьей берлоге,
И в поздней дороге,
Мой – пеший и конный,
Мой – певчий и сонный.
Ребенок, здесь спящий,
Мой – в горе и в счастье,
Мой – в мощи и в хвори,
Мой – в пляске и в ссоре,
И в царском чертоге,
И в царском остроге,
В шелках – на соломе –
Мой – в гробе и в громе!
В огне и в заразе,
В чуме и в прокаже,
Мой – в сглазе и в порче,
Мой – в пене и в корчах,
В грехе и в погоне,
Мой – в ханском полоне,
Мой – есть он дотоле
И будет – доколе:
Есть страж – в раю,
Не-наш – в аду,
Земля – внизу,
Судьба – вверху.
* * *

Что́ это вдруг стальным лучом

Рассекло луч вечерний?
То Дева-Царь своим мечом
Клянется, саблей верной.
Припав к головочке льняной,
Ресницы-нежит-стрелы:
«Сама виной, сама виной, –
Гордыня одолела!
Видали вы такую статью,
Чтоб вдруг ребеночку не спать?
Да мне твой взор и спящий,
Всех царств небесных – слаще!
Кто спит – тот пьян, кто спит – тот сыт.
Да, цветик благовонный!
Есть Толстый Царь, есть Тонкий Царь,
Ты Царь мой будешь – Сонный!
Чуть что не так – и двор сквозной,
И дом дружку заказан...
Хоть и хорош, как заказной, –
У Бога не заказан!»
С великой нежностью ему
Разглаживает шнур-тесьму,
Лик-наклоняет-солнце
На белое суконце.
И вдруг – будь счастлив, паренек,
Что сон твой непритворный! –
Белого поля поперек
– Пропала! – волос черный!
* * *

Через всё небо – вкось
Красные письма.
Первый глухой удар
Грома далекого.
Дева не крестит лба,
Лат отломила бок,
Сабельной сталью в сталь
Знаки-врезает-весть.
Кончив, на острый край
Весть-насадила-гнев.
Через коленку – враз –
Саблю-ломает-сталь.
В правой – чем грудь разить,
В той – где рукой хватать.
Стан преклонив, к ногам
Оба конца кладет.
Не разогнув колен,
Русским честным крестом
Лоб-ему-грудь-плеча
Крестит на сон ночной.
Гонит пророк коней.
Гривами хлябь пошла.
Пуще взметнулся бич
В длани пророковой.
Молнией поднялась,
Грудь-разломила-сталь.
Правой рукой под грудь,
Левою – сердце вон!
Взмах – и ответный всплеск.
Красен рубахи холст,
Как кровавая – хлябь...
Ветер замел круги.
Ох, уж не ветер, не вихрь!
В небо полезла хлябь!
Не оплошай бичом, –
Вожжи уж вырваны!
* * *

Не приступ протрубил горнист –
Кулашный свист!
Не бурю полоснувший хлыст –

Ответный свист!

– Здорово, нареченный брат!

– Здорово, брат!

– В дорогу, нареченный брат!

– В дорогу, брат!

Довольно, знать, по гуслиару

Рвать волоса!

В грудь – сквозь сердечного дыру –

Ветр ворвался!

* * *

Сталь из вóрота –

Память в лоб.

«Где же воинство?

Что за сноп

Из воды, за лучи-за-стрелы?

Середь моря, что ль, солнце село?

Что за кровь на моей груди?»

А колдун: – В облаке гляди!

И видит гуслиар: в облаках тех румяных,

В морях тех не наших – туманных – обманных –

Челнок лебединый с младым гуслиаром...

И дивного мужа под красным шатром

Он видит – как золотом-писанный-краской!

И светлые латы под огненной каской,

И красную каску на красных кудрях,

И властную руку, в небесных морях

Простертую – через простор пурпурóвый –

Чрез версты и версты к челну гуслиарову.

И вот уж – прыжками морская слюда,

Вот-вот уж носами сшибутся суда...

Сошлись – и как древнего времени чудо –

Тот муж светоносный в челнок белогрудый

Нисходит – склоняется – сдернул покров...

Да как подивится на вид гуслиаров!

Да как рассмеется так вот откровенно, –

Как новое солнце взошло во вселенной!

Как лев златогривый стоит над щенком...

Так, ласка за лаской, смешок за смешком,

В морях тех небесных! – далече-далече! –

Вся их повторяется первая встреча.

И снова туман-всколыхнулся-фата,

И сынова в небе всё та же мечта:

Корабль тот – и челн тот, и вновь пурпурóвый

Вскипающий вал промеж ними – и снова

По грозному небу – как кистью золотой –

Над Ангелом – Воин из стали литой.

И грозную смуту на личике круглом,

Жемчужную россыпь на золоте смуглом

Он видит. – Как дождичком-бьет-серебром!

Да что ж это? Аль обернулся бабьём?

Да как ж это можно, чтоб в каске хвостатой

Над дрянью-гуслиаришкой реветь в три ручья-то!

Аль черная ночь-тобой крутит-дурман?

И длится, и длится зеркальный обман...

И вот уж, мечом-поиграв-рукоятью,

Уста гуслиару припечатал печатью.

– Смеется! – И это, мол, нам нипочем!

Так, слезка за слезкою, луч за лучом,

В том зеркале чудном – с закатного краю –

Вся их повторяется встреча вторая.

И видит гуслиар, как в волшебном стекле,

Эбеновый волос на белом сукне,

И светлую саблю с письмом рукописным,

И крест тот широкий – любви бескорыстной,

Которым нас матери крестят: – живи!

Ох, латы ломает! Рубаха в крови!

Кровавое сердце взметнулось над хлябью!

– Спаси мою душеньку! – Грудка-то – бабья!

Кровавою дланью громам поклялась!..
Так, перед морями двух плачущих глаз,
В морях тех небесных – далече-далече! –
Вся их разыгралась последняя встреча.
* * *

И снова: гладь – гладью,
Синь – синью..
Где сердце упало – красно!
Оставьте вы Царского сына,
Он память-читает-письмо.
Науки – не царское дело,
Мозги не пристали гербам.
Знать, лютая страсть одолела,
Коль сразу прочел – по складам:
– Нигде меня нету.
В никуда я пропала.
Никто не догонит.
Ничто не вернет.
* * *

Как цветочек!
Смотреть-то жалость!
Эх вы, сабельных
Два куска!
«Что ж, – шепочет, –
Теперь осталось?»
– Ей войска, а тебе – тоска! –
Размахнулся всею силой рук:
Ан уж нету старика – паук!
Как притопнет, поглядев востро:
Ан уж нету паука – мокро!
Сам же в воду – добывать свое добро.
Ночь последняя
«Ой, вётлы, ой, вётлы –
Полночные мётлы!
Ой, вётлы!
Ой, рот ты мой блёклый,
Глаза мои стёклы –
Ой, вётлы!
Пришел к побережью
Без парня – челнок-то!
Ой, вётлы!
Не жить мне на свете!
Ой, вётлы, ой, ветер,
Ой, ветер!
Бери меня, ветер,
На крылышки, ветер,
Ой, ветер!
Берите, туманы!
Не быть мне румяной –
Туманы!
Отравой-обманом –
Объелась-дурманом,
Ой, ветер!
Не жить мне на свете!
Ой, вётлы, ой, ветер,
Ой, ветер!»
А ветер в ответ ей:
«Я милого встретил,
Шлет вести.
Жив белый твой цветик,
Да только не весел,
Не светел.
В кумашной палатке
Плывет без оглядки –
С солдаткой.
У страшной солдатки
Под огненной пяткой –
Твой сладкий!

А хочешь – за бабой
Разбойной – в погоню?
Обгоним!

А хочешь – волну
За волной поторопим?
Затопим!

Затопим, закружим,
Закружим, отслужим?
Отслужим!

А дружкá – назад,
К груди пламенной!»

А она, в слезах:

«Ветер, нá меня!

Ветер, нá меня!

Туман, нá меня!

Отпусти меня,

Гроб мой каменный!»

* * *

Мчится, мчится вместе с Ветром – молодая!
Заметает след – ветла седая.

Не пушись, ветла!

Не трудись, метла!

Кому дело, что я с ветром утекла?

«Ох ты, ветер, не было бы нам подвоху!»

– А ты, мать моя, сиди себе, не охай!

Крепче всяких уз –

Ветровой союз!

Чай, не первой в своей верности клянусь! –

«Что ж то, ветер, не слышать морского шуму?»

– А ты, мать моя, сиди себе, не думай!

Встречных птиц считай,

Звезды в лоб щелкай, –

Не очнешься – и уж царство-нам-Китай!

«Что толкаешься, мужик ты сиволапый?»

– А ты, мать, меня за крылышки не цапай!

Не слетишь – не трусь!

Не таков я гусь, –

Не таких еще носил через всю Русь!

«Прямо в небо норовит, лесной шишига!»

– А ты, мать моя, сиди себе, не прыгай!

Для двух ног твоих

Тот пролет велик –

Не с любовничком упасть на пуховик!

«Ой, родимый, погоди, никак не сяду!»

– Сиди, мать моя, сиди, сиди, не падай!

До низов-равнин –

Не вершок-аршин!

Уж не ссорься лучше с Ветром ты старшим!

«Говорят тебе, дурак, сидеть неловко!»

– Нет, уж некогда – годить! Верста – делов-то!

Не одна краса,

что твоя коса!

Не одной тебе, чай, в верности клялся!

«Что ж ты, подлый, обернулся кверху брюхом?!»

– Не сумела усидеть, змея, – так рухай!

Знай, змея из змей:

Сахарок-твой-клей

Так и тает промеж двух ее грудей!

* * *

– Ух! –

– Кто ж это так ухнул вдруг?

Просто вылетел из тела – дух!

Да не плачь ты, полунощный сын!

Просто тело о кремень-кирпич.

И пополз меж камней –

Змей...

Конец

Над подвалами – полы,

Над полами – потолки,
Купола – над потолками,
Облака – над куполами.
Там – про наши дела
Пальцем пишет – Судьба.
Пишет – ровно плугом пашет:
Не до грамоты ей нашей!
Берегись, народ крещеный:
Пишет прописью саженой!
В облаках – промеж звезд –
Чуть зажглось – уж сбылось.
Под престолами – подвалы,
Над престолами – обломы
Облаков багровых, грозных
С красной молнией и с громом.
Сверху – страсть, снизу – смрад..
А еще царей винят!
Веселись, пока веселый!
Над подвалами – престолы.
Как найдет БОГ грозу,
Был вверху, стал внизу.
Над подвалами – престолы,
Под подвалами – погосты,
С черной костью нашей рабской,
С мертвой плотью нашей скотской.
Сверху – страсть, снизу – смрад..
А еще рабов винят!
Веселись, лик бледный, впалый!
Под престолами – подвалы!
Не пропеть петуху –
Был внизу, стал вверху.
– Кто ж всё царствице мое разнес в труху?
– А ты кто? – Царь.
– Какой ты Царь!
Нет, – ты не Царь, скажи:
Комарь.
Кровосос ты, ишь раздулся с нашей кровушки!
Где крестьянские все наши телочки-коровушки?
Царь, залечивай
Раны-немощи!
Есть нам нечего,
Пить нам не на што!
Свиньям месиво –
Вот обед наш весь!
Гниль да с плесенью –
Вот и век наш весь!
Гниль да плесень да горящая солома!
– Кто пустил вас, черти-дьяволы, в хоромы?
– А мы сами пришли!
Одолели вши.
Всё нутро-кишки
Проскребли жмыхи.
Чтоб спознался Царь крестьянский с нашим горем –
Мы царю-то Комару-то – брюхо вспорем!
– Что вы, дурни, Царю брюхо пороть?
У Царя-то, чай, священная плоть!
Али к Божьему закону тупы?
– Всё по рошицам твои, Царь, попы!
– Ошалели, сволочь, черная кость!
– Кость-то белую твою с мясом врозь
Разведем – тогда смекнешь, старина:
Кость-то разная, а кровь-то – одна!
– Эй, дворянчики мои, грибы-груздочки!
Столбы верные, примерные столбочки!
Что ж вы нынче на помин не легки?
– Все без шапочки твои, Царь, грибки!
За престол за твой по красным по стогнам
Место лобное свели – с местом лобным.

«Не трудись, – кричат, – собачьи кишки!
Только выше мы еще – без башки!»
– Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный;
Выручай меня хоть ты, Двор Гостиный!
Аль в груди, как на лотке, – одна гниль?
– От купцов твоих, Кумач, – одна быль!
Там, где розаны цветут и на святки
В том краю теперь разбили палатки!
Пропадать с тобой небось – не глупцы!
Все водой твои махнули купцы!
– Эй, навозенные мухи,
Псы-антихристы!
Вызволяй, свиное ухо,
Царя – хитростью!
– Все макать пошли – да в нашу солонку!
Все на нашу перешли на сторонку!
– Ой, Боже, да кто ж вы?
– А мы – бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, бессапожье,
Ощебья, отребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьи, –
Да так себе – сволочь!
– Как не пропиты мои, значит, дрожки, –
Всем сафьянцу привезу на сапожки!
– Сафьян нам негоже:
Твоя нужна кожа.
– Пощадите мою спинку, голубчики!
Всем овчинки привезу на тулупчики!
– Нет, царь, не до шуб!
Тебя под тулуп.
Чай, веками нас валили под рогожу-то!
– Ой, да что ж это, да что ж это, да что ж это?!
– Смеялся – плачь!
– Грозился – трусь!
Да, Царь-Кумач,
Мы – Красная Русь!
Твоя мамка мы, кормилка никудашная,
Русь кулашная – калашная – кумашная!
Ша – баш!
Москва, 14 июля – 17 сентября 1920

Переулочки
Алексею Александровичу Подгаецкому-чаброву

на память о нашей последней Москве

А не видел ли, млад, – не вемо-што,
А не слышал ли, млад, – не знамо-што
В белохрущатых громких платьицах
В переулочках тех Игнатьевских.
□□Свет до свету горит,
□□должно, требу творит,
□□Богу жертву кадит,
□□С дуба требует.
А звоньба-то отколь? – Запастыца!
А урчба-то отколь? – Заклятыце!
Попытай молодецка счастьяца
В переулочках тех Игнатьевских!
□□Две колдобины. Пень.
□□Разваленный плетень.
□□Без следочку – да в темь,
□□Всех окошечек – семь.
Пока дома сидишь – подумывай,
А шестое пройдешь – послезивай:
С бережочку рыбачка юная
В полглазочку косит: не клюноло ль?

□□Дунет – костром загарит,
□□Плюнет – рублем подарит,
□□Ох, башковит-красовит,
□□Дальше – язык не велит!
Оттого-то и в полглазочку-то
Сверх крутого плеча покати́ста.
На пустые слова не тратятся
В переулочках тех Игнатъевских!
А войти-то как? – Выходом.
А речи-то как? – Выкрутом.
А на што мне крестится?
Все Христы-то где ж? – Вышедши.
На плет-паутиночку
Крестись без запиночки!
Смекай, мол, детинушка,
Своя здесь святынюшка.
Занавес-мой – занавес!
Мурзамецкий мой отрез!
Часть-рябь-слепь-резь!
Мне лица не занавесь!
Погоди, молодец, успеется!
Чай, не диво како под пологом!
На князьке воронье голуби
В ползобочка воркуют до-люби:
□□Про белые плечи,
□□Которых не смети,
□□Про сладкие смеси –
□□Потом не жалети...
□□Про неги, про лести,
□□Зеленые листья,
□□Про яства – не ести,
□□Орешки – не грызти.
А еще, молодец, не тупиться!
Али к чаше-идешь-причастьицу?
Прямо в очи глядят, – не застытятся
В переулочках тех Игнатъевских!
□□Уж как плотно-наплотно
□□Те платки запахнуты!
□□Яблочками, яхонтами
□□Улещает, шахматами.
□□(От моих горячих губ –
□□Лихоманочки идут!
□□От моих горячих губ –
□□В теле жилочки гудут!)
□□Шахматами, яхонтами...
□□Уста мои сахарные.
□□Совсем еще матушкиным
□□Молочишком пахнете!
□□(Разрумяниста моя
□□Знобь-Тумановна!
□□Лихоманочка моя
□□Лихомановна!)
* * *
□□А – и – рай!
□□А – и – вей!
□□О – би – рай!
□□Не – ро – бей!
□□Яблок – яхонт,
□□Яблок – злато.
□□Кто зачахнет –
□□Про то знато.
□□Яблок – лесь,
□□Яблок – лась.
□□Рук за пазуху
□□Не класть.
□□Зорким – слепость.
□□Чутким – глухость.
□□Голубей вверху

□□ Не слушать.
□□ Робким – плеть.
□□ Дерзким – ласть.
□□ Глазком яблочка
□□ Не красть!
Как за праву-то рученьку –
Хлест да плёск!
Вместо белой-то рученьки –
Ящеров хвост!
Как за леву-то рученьку
Схватит – хляст!
Ошалелой гадюченькой
В левый глаз!
Пояском через плечико
Хочет – клек:
Раю-райскою реченькой
Шелк потек.
□□ А – ю – рай,
□□ А – ю – рей,
□□ Об – ми – рай,
□□ Сне – го – вей.
□□ Чеснок – яблочку
□□ Неровня.
□□ Аю-раюшки
□□ Раевна.
□□ Речка – зыбь.
□□ Речка – рябь,
□□ Рукой – рыбоньки
□□ Не лапь...
□□ Не то на кривь,
□□ Не то на бок,
□□ Раю-радужный
□□ Кораблик.
□□ Речка – хлип,
□□ Рыбка – плёск.
□□ От всей рыбоньки –
□□ Лишь хвост.
□□ Уж и странствьице –
□□ Любота для глаз!
□□ Шемаханские
□□ Паруса у нас!
(Что за дурость-така-соплячество
Башкой русою в юбки прятаться?)
□□ Райской слюночкой
□□ Между прочих рек
□□ Слыву, – вьюношам
□□ Слассе, бают, нет.
(Шепоточки-мои-смеюнчики,
Сладкослюнчатые, сладкострунчатые!)
□□ Как за те шепота –
□□ Брыком-ревом душа,
□□ Как за те шепота –
□□ Турьим рогом башка!
На корме воронные голуби
В ползобочка воркуют до-любви:
□□ Про ребра, про десны,
□□ Голодную вёсну,
□□ Про лен-тот-нечесан,
□□ Поклон-тот-непослан.
□□ А на што нам лен,
□□ Зелена башка?
□□ Твой земной поклон –
□□ В широки шелка:
□□ Кланяйся,
□□ Кланяйся!
□□ Под расчесочку
□□ Подставляй ленок,
□□ Чтоб и спросыпу

□□ Не сказал сынок:
□□ К маменьке,
□□ К маменьке!
□□ Река – радужну
□□ Широту струит.
□□ Видишь – матушка
□□ На лужку стоит:
□□ Кланяйся,
□□ Кланяйся!
□□ Еще кланяйся
□□ На восток-ковыль.
□□ Волеваньице,
□□ Дорогая быль –
□□ С памяти!
□□ С памяти!
□□ Ой! – Молния!
□□ Ой! – Жжет!
□□ Не – молния:
□□ Конь – ржет!
□□ Раз – на ноги,
□□ Два – за косы,
□□ Три – славу петь.
□□ Ан –
□□ Ни косы-ни руна,
□□ Ни реки-ни челна,
□□ Две вожжи,
□□ Ямщикок, жги!
□□ Красен тот конь,
□□ Как на иконе.
□□ Я же и конь,
□□ Я ж и погоня.
□□ Скачка-то
□□ В гру – ди!
□□ Жарок огонь!
□□ Жги!
□□ В обе вожжи!
□□ Гей, мои рыжи!
□□ Лжей-то в груди
□□ Семь, да семижды
□□ Семь, да еще –
□□ Семь.
□□ Жги, ямщикок,
□□ В темь!
□□ Тьмищами – в тыл!
□□ Не перетопать!
□□ Щек моих пыл,
□□ Жил моих пропад!
□□ Заревом в лоб – ржа,
□□ Ры – жая воз – жа!
□□ Сладсть-то одна!
□□ Мук-то двенадцать!
□□ Брось повода!
□□ Рученьки настезь!
– Н á – На века́-дни
□□ Царствьица хлеб – ни!
□□ Льни,
□□ Льни,
□□ Черны
□□ Котлы смоляны!
□□ Не лги: смоляны,
□□ То льны зелены.
□□ Клонись,
□□ Кренись,
□□ Ресницами льни.
□□ Ложись под свист.
□□ Стрелы калены.
□□ Ай, льны!
□□ Ай, льны льняны,

Царицыны льны!
Ручьи с земли
Помин привезли:
Ресницами шли,
Глазницами шли,
Землицею шли, –
Солоны!
Солоницами – глазницы
У ржаной земли.
Что ж вы, гости имениты,
Мало по – были?
Солоницею – земляца,
Сколько хошь – соли!
Что ж вы, плоти румянисты,
Мало по – жили?
Мало ль, много ли –
Дроги поданы!
Проходи со мной
Муку огненну!
Ой – молния!
Ой – гром!
Не – молния:
Конь – в дом!
Раз – выступом,
Два – высококом,
Три – искры в лоб!
Ан:
Ни огня-ни котла,
Ни коня-ни седла,
Два крыла,
Да и в ла –
Зорь!
Лазорь, лазорь,
Крутая гора!
Лазорь, лазорь,
Вторая земля!
Зорь-Лазаревна,
Синь-Ладановна,
Лазорь-лазорь,
Прохлада моя!
Ла – зорь!
Во останный во разочек
Затянишь, замри!
То последний ветерочек
С аржаной земли:
Горбы, бороды, да борозды,
Да зеленя.
Дух навозенный, забористый, –
Моя земля!
Котел без дна!
Ладонь-глубизна!
Лазорь, лазорь,
Синь-Озеровна:
Ла – зорь!
Во останный во последний
Через всю-от-синь:
Не за раннею обедней
Молодцу – помин...
В кузне – славу куют,
К устам – чару несут,
Другу – славу поют
В ла – зорь.
Лазорь, лазорь!
Златы стремена!
Лазорь, лазорь,
Куды завела?
Высь-Ястребовна.
Зыбь-Радуговна,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Глыбь-Яхонтовна:
Лазорь!
Звончей, звонницы-бессонницы,
Во весь-от-звон!
Здесь головушки не клонятся:
И так взойдем!
Синей, дымницы-кадильницы,
Во весь-от-дым!
На груди моей – одиннадцать
Еще с одним!
Аминь.
Помин,
Морская Хвалынь,
Синь-Савановна.
А –
Весь-от-и мир,
Маревом – дни!
Без вести – мир,
Без вести – мы.
Синь-ты-Хвалынь,
Сгинь-Бережок!
Звездная синь –
Наш положок.
Но через весь
Морок – взгляни! –
Лестницею –
Ризы мои!
Глух пуховик:
Дна не достанешь,
Каменем крик
Панет – и канет.
Поволевав,
Попшалевав:
Синь – в сапогах,
Синь – в головах..
Пасть – не упасть,
Плыть – не доплыть,
Дарственными –
Душу насыть!
Милый, растрать!
С кладью не примут!
Дабы принять –
Надо отринуть!
Первая цвель,
Пригород лишь!
Этих земель –
Тридевятнадцать их!
Но через весь
Пропад – взгляни! –
Пригоршнями –
Земли мои!
Милый, не льни:
Ибо не нужно:
Ибо ни лжи:
Ибо ни мужа
Здесь, ни жены,
Раны не жгут,
Жатвы без рук,
Клятвы без губ.
Не удержав,
– Всё раздаря! –
Жаворонком
Рана моя
В ла –
Лазорь, лазорь,
Круты рамена!
Лазорь, лазорь,
Куды завела?

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

□□Туды-завела,
□□Сюды-завела,
□□Концы залила,
□□Следы замела
□□В ла –
□□В лазорь-в раззор
□□От зорь – до зорь
□□На при – вязи
□□Ревя, заклят:
□□Взор туп.
□□Лоб крут,
□□Рог злат.
* * *

□□Турий след у ворот,
□□От ворот – поворот.
Москва, апрель 1922

Молодец
Борису Пастернаку –

«за игру за твою великую,
за утехы твои за нежные...»

Часть первая

1. Мlолодец
Синь да сгинь – край села,
Рухнул дуб, трость цела.
У вдовы у той у трудной
Дочь Маруся весела.
Как пойдет с коромыслом –
Церкви в звон, парни в спор.
Дочь Маруся румяниста –
Самой Троице раззор!
Отпусти-ка меня, мать,
С подружками погулять,
Ленку тонкого попрясть,
Здоровьица порастрясть.
Заспалась уж очень-то
Под камнем – руда!
– Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода!
* * *

Бегут русы,
Бегут круты,
Шелком скрученные –
Эх!
Моя – круче,
Твоя – круче,
У Маруси – круче всех!
Ходи шибче,
Ходи выше,
Медом сыщенная –
Эх!
Моя – выше,
Твоя – выше,
У Маруси – выше всех!
Наше счастье –
Ткати, прясти,
Ладком-в складчину-да в гладь!
– Ходи чаще! –
Двери настезь:
– Добро-здравствовать-гулять!
То ль не зга,
То ль не жгонь,
То ль не мlолодец-огонь!
То ль не зарь,
То ль не взлом,

То ль не жар-костер – да в дом!

На круг поклон,

Кошель на стол,

Из кошеля – казна ручьем, дождем:

– Хватай в подол!

– За сладким-за крепким

Беги, малолетство!

Сокола, на спевку!

Гуляй, красны девки!

Стакан с краем налит,

Кумач жаром горит,

Каждый сам головит,

Народ валом валит.

Горят, яркие,

Горят, жарки,

жаром бархачены –

Эх!

Мои – жарче,

Твои – жарче,

У Маруси – жарче всех!

Стучат, громки,

Гремят, звонки,

Неуёмчивые –

Эх!

Мое – громче,

Твое – громче,

У Маруси – громче всех!

Вытирайте, Любки,

Малиновы губки!

Волянь, за погудку!

Сокóл, по голубку!

С которой из нас вперед

чужой мóлодец пойдет?

Котору из нас вперед

Сокóл – за руку возьмет?

За той потянуся,

что меж русских – руса,

вкруг той обовьюся,

что меж Люб – Маруся!

Пляши, Маша,

Пляши, Глаша,

да по-нашенскому –

Эх!

Моя – краше,

Твоя – краше,

А у гостя – краше всех!

Дрожи, доски!

Ходи, трёски!

Покоробиться вам нонь!

Под тем – доски,

Под тем – доски,

А под мóлодцем – огонь!

Огонь там-огонь здесь,

Огонь сам-огонь весь!

Руки врозь,

Ходом скор,

вкруг березыньки – костер.

Грива – вкось,

Дыхом – яр,

вкруг часовенки – пожар!

Прядает, прыщет,

Притопот, присвист.

Пышечка! – Пищи!

Прищепот, прищелк.

Ой да што ж!

Ой да где ж!

Уж и силушки в обрез!

Ой да што ж!

Ой да где ж!
Лучше жилочки подрежь!
Пляши, пряха,
Пляши, птаха,
Растят-взрачивают – ан:
Кому – заступ,
Кому – ястреб,
Кому – мóлодец незнаком.
Неслежён, неслыхан –
Дыхом, дыхом, дыхом!
Не добром – так лихом!
Вихрем, вихрем, вихрем!
Тваво золотца – пуды,
И мне, мóлодцу, ссуди!
Твой малиновый налив –
Ссуди, девка, поделись!
Ты – сок,
Ты – лист,
Я – нож румянист!
Едок по заслугам!
Кругом, кругом, кругом!
Не добром – так худом!
Кругом, кругом, кругом!
Твоя кожа шелковая –
Потому прищелкиваю.
Твоя сладость спрятанная –
Потому приглатываю.
Близь – в близь,
Сердь – в сердь,
На – жызьть,
На –
Ай, Маруся!
Коса руса!
Урожайные хлеба!
Что шатнулась,
Всколыбнулась,
Аль на ноженьки слаба?
От ореховой скорлупки
Весь изъян.
Не пора ли нам, голубки,
По домам?
(Уж как я сваво безусова
Да в рот!)
– Проводи меня, Маруся,
До ворот.
* * *

Уж ты кось-околица,
Калитка косящата.
– Небось пням не молимся:
У купца в приказчиках.
Чай, не задаром:
Звону – хоть брось!
Красным товаром
Тоже, небось!
Наши баньки топлены,
Наши кони – скореньки.
А село – на што тебе?
Небось – с колоколенкой.
Сердь моя руса,
Спелая рожь –
Сердце, Маруся,
Замуж пойдешь?
2. Лесенка
Пляши, мати,
Коль не лень!
У нас в хате
Велик-день.
Меня, ветку,

Алый плод,
Сокól в женушки берет!
– А сказал тебе отколь?
– Глаза-волосы как смоль!
– А сказал тебе из чьих?
– Одно сердце – на двоих!
– Твои сласти – срочные,
Твое сердце – слепенько.
Накинь ему, доченька,
На пуговку – петельку.
Мое слово верное,
Мое сердце зрячее.
Иди, сердце сдерживай,
Клубок разворачивай.
* * *

Уж и жар!
Уж и пляс!
На три Волги расплелась!
Уж и спех!
Уж и дых!
Одно сердце – на двоих!
– Уж ты яблочко-некусанное-плод!
Проводи меня, Маруся,
До ворот.
Прощай, пташечка
Моя вспугнута!
(Она петельку –
Да на пуговку).
Сон несбытошный,
До свиданьица!
(А уж ниточка
Селом тянется).
* * *

По канавам,
По заборам
– Месяц справа –
Мимо бревен
По амбарам,
Мимо ставен
По колдобинам –
Канавам,
Ходом дробленным,
Дозором,
Вором-крадом.
Не споткнися,
Ниточка моя, не рвися,
Новик, не закатывайся,
Клубочек, разматывайся!
По оврагам,
По задворкам,
Сметом здоровым,
Оком зорким,
По лазуркам –
Закоулкам,
Вздохом спертым,
Сердцем гулким –
Дружок, не спохватывайся!
Клубочек, разматывайся!
Через дичь-лебеду
я ль на поводе веду?
Через дичь-лебеду
я ль на поводе – иду?
Сердце – слева,
Месяц – справа,
Мимо царского
Кружала,
Мимо рыбна
Мимо ряда

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вкруг церковныя ограды

Ко главному входу:

Врата на запоре.

* * *

Ни души, ни вздоху.

Глянь: лесенка сбоку.

Шмыжком, с осторожкой

По лесенке – кошкой:

Стоит наш знакомец-то,

Грызет упо –

Ох, Маруся! Кровь всполохнутая-страх!

Да как охнет тут, как грохнет тут – да как

Через площадь

– Месяц слева –

Мимо Божья

Мимо гнева

По канавам

– Жилы гудом –

Сердце справа,

Сердце всюду,

По колдобинам –

Ухабам

Валом-варом,

□□Уж и хват

Суженый! – Взгляни-ка взад,

Привыкай к своим хоромам,

Вдогон церковь с вором, с гробом,

С Богом, с громом!

Через пень-колоду – топом,

Через темь-болото – следом,

Табуном-летит-потопом,

Чугуном-гремит-железом,

Через пень-кол топает,

Воротами хлопает.

Гони, робь,

Вперед лбом:

Мертвец с гробом за горбом!

Мо – лись

Покрову!

Мертвец с гробом на горбу!

И –

Дом.

* * *

– Чего, дочка, видела?

Чего, дочка, слышала?

Каков дом у милого?

– С крестовою крышею.

* * *

– Чего ж, дочка, бледная?

Чего ж, дочка, потная?

– Деревня-то – эвона!

Через пень-кол топала!

– Пирком да за свадебку!

Платочком помашете!

– Чего ж, дочка, плачешь-то?

– Да с радости, матушка.

3. В воротáх

То над зоренькою мать

Над сокровищем:

– Слезой корку поливать

Дело вдовичье!

Вплетай, золотце,

Базар в волоса!

Небось мóлодец-пожар

Заждался!

* * *

Телом льстив,

Взором дик:

– Чего в очи не глядишь?

(В висках – стук,

В жилах дрожь),

– Чего ближе не идешь?

Уж ты кровь моя–нарушенная–робь,

Проводи меня, Маруся, до ворот!

* * *

Девки вьюном крутятся,

Стрекочут, потворствуют.

А Маруся тупится,

Не хочет, упорствует.

– Душа твоя дикая!

Гордыня двуперстная!

Стыдят, перстом тыкают,

Грохочут, усердствуют.

– Аль укусит

Дружок?

(Уж Маруся – шажок).

– Аль удушит

Жених?

(Уж Маруся – от них).

Не пошла б, каб не страх.

Шаг да шаг – в воротах.

* * *

– Пиши, девка, на́бело:

На лесенку лазила?

Пыхтит, глаза – стеклами:

– Приступочкой грохала?

(Глаза вски – ды – вает) [91]:

– Была-видела? – Нет.

– Ну так знай, сестра,

(Сам белей холста,

Сопит, ворот рвет).

Завтра брат помрет.

Зуб о заступ –

Лязг.

Как сказал –

Так сгас.

* * *

А уж мать с мосточку–то:

– Как любились-сватались?

Чем угощал-потчевал?

– Загадками, страхами.

– Чего, дочка, хмуришься?

Темна твоя исповедь.

– На крестовой улице

Дом обещал выстроить.

– Кончать бы, как начато!

– Попляшешь, просватамши!

– Чего ж, дочка, плачешь–то?

– Да с радости, матушка!

* * *

Спит двор, спит и дом,

Спит дым над бугром,

Спит пес, спит и гусь:

– Маруся, а Маруся!

Спасай мою жыть!

Сестрица, проснись!

Спит царь, спит и вор.

– Встань, встань на дозор!

Зол, страшен и гол.

Осиновый кол,

Сестрица, готовь!

Спасай мою кровь!

Ползком – через шлях,

Стойком – в воротах,

Калиткою – скрип...

– Сестрица, погиб!

Лют брачный твой пир,
Жених твой у –
Привстать хочет;
Плеча – пудом.
– Вставай, дочка!
Братцу худо!
– Пчелой сушит!
Червем точит!
– Вставай, душу
Отдать хочет!
Тут как вскочит:
– Кровь! Кровь в доме!
– Молись, дочка:
Братец помер.
* * *

лежит братец, белки прячет
Под синими веками.
Обмыт братец, одет братец,
Мать к попу поехала.
Неплохой тебе сестрою
Была: штаны платаны.
Куды кинусь? куды скроюсь?
Все горлышко – пятнами!
Попы ладаном оденут,
Кадилами встречными.
Куды кинусь? куды денусь?
Ведь три – твоих свечечки!
Есть кто? – Чу!
Задуло свечу.
Отзо – вись!
Две разом сдались
И:

С хрипом-с криком через пень-кол-колеи.

4. Вторые воротá
Как на страшный на суд
Ноги сами несут.
Тишь и темень везде.
Свет – в последней избе.
И – косяк-то знаком! –
Прямо в пляску – снопом.
Разом пляс стал:
Вздох, стон, причет.
Рукой застят,
Водой прыщут.
Жужжат, жмутся
Гурьбой, сбродом.
Чужой тут же,
Стоит одаль.
– Ну-кошь, девки, –
Шагнул к телу.
Глядит. – Очи взвела, – Села.
Встает, ровно в дрёме
Тяжкой, неведомой.
– Брат у меня помер.
– Бедная! Бедная!
Серая ты верба! –
Люлькают, пестуют.
И мблodeц первый:
– Царство небесное!
Уж ты рожь моя-нерушенная-мед,
Проводи меня, Маруся, до ворот!
Ветер да ивы.
Тихий, не дерзкий.
Голосом льстивым:
– Выслушай, сердце!
В кротости просим!
Милости райской!
Встану с допросом –

Не отпирайся!

Брось свою хитрость!

– Сердце, клянусь:

Прахом рассыплюсь,

Ввек не вернусь!

(Рученьки сжаты,

Ноженьки ноют).

Нашего брата

Правдою кроют!

До сердцевины,

Сердь моя, болен!

Знай, что невинен,

Знай, что неволен!

Сам тебе в ручки,

Сердце, даюсь!

Крест мне и ключ мне:

Ввек не вернусь!

Лют твой сударик!

Лют твой румяный!

Полночь как вдарит,

Волком как гляну –

«Знаю мол чья мол

Кровь в твоих жилах!»

Всё мне до самой

Капли и выложь –

И разорвется

Весь наш союз.

Ветром в воротцы –

Ввек не вернусь!

Не одну твою жызть

В руках, сердце, держу:

Вчера брата загрыз,

Нынче мать загры –

Раз,

Другой

С колокольни – бой.

Раз за разом

Дробясь

До двенадцати раз.

Над душой дыша:

– Скажи, следом шла?

Дрожат, вплоть сошлись.

– Мою знаешь жызть?

Глаза вски – ды – вает.

– Была-видела? – Нет.

– Ну так знай, слепа,

(Руку снял с плеча,

Пыхтит, землю бьет)

– Нынче мать помрет.

Зуб о заступ –

Лязг.

Как сказал –

Так сгас.

* * *

А навстречу, с ветром-то:

– Спешу, моя странница!

Псалтирь читать некому!

– Никак не расстанемся!

– Чтоб каждый твой помысел

Сбылся, моя звездочка!

– Три дня как знакомы с ним:

Второй дом возводит уж!

– Щедровит уж очень-то!

– Землицы достаточно!

– Возьмешь к себе, доченька?

– Сама приду, матушка!

* * *

Дол – га ноч – ка,

Долга ночка скушная!
– Доч – ка! Доч – ка!
Собаки – все спущены?
Аль шажочка
Не ступишь для матери?
Доч – ка! Доч – ка!
Врата крепко заперты?
Ды – ши ти – ше!
Привадишь – грех на́ душу!
– Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, матушка!
Дол – га ночка,
Долга ночка страдная.
– Доч – ка! Доч – ка!
К знахарке за снадобьем!
Кол да кочка
Земным моим помыслам!
Доч – ка! Доч – ка!
Кто в воротá ломится?
Не свой! Пришлый!
Железная хваточка!
– Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, матушка!
Дол – га ночка,
Долга ночка судная.
– Доч – ка! Доч – ка!
Прощай! Мною сгублена!
В оди – ночку
Помру, спешу, рóдная!
Доч – ка! Доч – ка!
Прощай! Тобой продана!
Сопит, пышет!
Спешу! – Силком-натиском!
– Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, ма –
* * *

Лежит матушка недвижимая,
В снега саванные выряжена:
Важная.
Книжная.
Глаза – чаши непочатые –
Пятаками припечатаны:
Вдавлены.
Спрятаны.
Для того, глаза, прикрыты вы,
Чтобы дочку не выпытывали:
Тайную
Скрытную.
Чтобы, коршуны над падалью,
К себе дочку не выглядывали:
В саваны.
В ладаны.
И не надо нам тех страхов пытаться.
Ан и на пол – пятак.
И не надо нам в ту хату – ногой.
Ан и на пол – другой.
Знать, не сыт
Гнев твой – по́смерть.
Правым спит,
Левым смотрит.
5. Под порогом
Уж плясано, плясано!
Уж топано, топано!
Все головы – масляные,
Красные, потные.
Платочками-всплѣсками,
Прижимками-шашнями.
Один только вдовствует:

Рубаха кумашная.

Ан и настезь – двёрочка:

Мороженный дых.

Да голосом обморочным:

– Здравствуй, жених!

Поклон долог,

Оскал страшен.

– Мать под полог

Ушла, – вспляшем!

Девки разом

В разгон – с плачем.

– Одним глазом

Глядит, – вспляшем!

Красна свадьба!

Чего краше!

Дочка мать продала, –

Вспля –

То не плат белый вьется –

Душа с телом расстается.

– Очнись! – Не хочу!

Пляша душу испущу!

– Беги, девка, из хаты!

Спасай душу! – Тваму брату

И так хороша!

На кой мне душа!

Не пожар тушу,

Свою смерть пляшу

С гикотом! с топотом!

Головной пышу!

Головой к плечу:

Шепотом, шепотом!

Оттого что клад

Закопали в тай:

Жемчугом! Золотцем!

Оттого что ад

Мне кромешный – рай:

С мóлодцем! С мóлодцем!

Не метель – клочья крутит:

Девка с мóлодцем шутит.

Не пожар – стéклы бьет:

Парень к девице льнет.

Невестынька!

Стряхни мечту!

Гони версту!

Беги к попу!

Что ведаешь –

Всё выложь в раз!

Вскачь, девонька!

Последний час!

Не хочу твоей раны!

– Ад с тобой – сад румяный!

– Не хочу твоей пены!

– Смерть с тобой – жемчуг ценный!

Не избыть такой нежбы!

Выплясали из избы.

Лесной стравы опилась!

Двор переплывают в пляс.

– Ты мне князь! Ты мне храм!

Пляшут, пляшут к воротам.

– Отступись! – Лют жар! – Всю выжму!

Пуще жизни! – Пуще жизни!

– Дождалась! – Конец! – Все стерпишь?

Пуще смерти! – Пуще смерти!

И на голову – в самый спор

Литого олова топор

По темени: в последний пляс

Земного времени приказ

– и –

– Крестом да кадилом
Говори – ходила?
На тайное дело
Говори – глядела?
Глаза вски – ды – ваает:
– Была-видела? – Нет.
Ну так знай, стойка,
(А из глаз – тоска
В три ручья да сплошь!)
Нынче в ночь помрешь.
Зуб о заступ –
Лязг.
Как сказал –
Так сгас.
* * *

Лежит девица
Как в церкву убранная.
Ровно деревце
В цветенье – срубленное.
В три полотнища
Простерлась, в строгостях.
Да нейдет еще
Душа из ребрышек.
Сон-не сон, лежит,
Да плоть-не плоть, лежит,
Ни кость-ни вздох, лежит,
Да ждет-пождет, лежит.
По жилкам – унывная
Жаль, ровно дудочка.
Все такое дивное,
Чудное чудится.
Ровно не на лавочке
Лежит: в цветах-в шелестах.
Ровно не жила еще:
Дед с бабкой не спелися!
Под горькой осиною,
С ручьями, с пчелами.
Все цветочки синие,
Она – что польмя!
Под горькой осиною,
Где странник путь держал.
Все цветочки синие,
Она – что уголь-жар.
За той потянуся,
Что меж русых – руса,
Вкруг той обовьюся,
Что меж люб –
– Сплю, не трожь!
– Жжем-не ждем!
Вкруг роскошества –
Шмелем.
– Час да наш,
Ад мой ал!
К самой чашечке
Припал.
– Конец твоим рудам!
Гудом, гудом, гудом!
– Конец твоим алым!
Жалом, жалом, жалом!
– Ай – жаль?
– Злей – жаль!
С одной пей!
Ай, шмель!
Во – весь
Свой – хмель
Пей, шмель!
Ай, шмель!
– Смекай, румяниста,

Всех кровинок – триста.
Держи, бережлива,
Одну на разживу:
Чтоб той реченькой да вспять
Было нам с чего начать.
Замок да печать.
Свежей прежнего да встать –
Нельзя помнить, велю спать.
Замок да печать.
Чтоб и в самом сонном
Сне тебя не вспомнил,
Велю: цветы скромно.
Чтоб за самим князем
Встрев – тебя не сглазил,
Велю: гляди на-земь.
Наших встреч – счетом пять:
Зерном лечь, цветком встать.
Цветок красен, листок зелен,
Дай тебя уколыбелю
На всю вечность – неделю.
Чтобы ноженьками в двери
Проносить тебя не смели,
Панихиды не пели.
Чтобы с дедами-с отцами
Под крестом тебе не стлали,
Вверху камня не клали.
Раз да раз – пять разов:
Перед Богом – пять годов.
Твоих бед – пять возов:
Без обедни – пять годов.
В царстве небесном
Девки – все русы!
Спишь ли, невеста?
Спишь ли, Маруся?
В царстве небесном
Овцы – все целы!
Спи, моя белая!
Больно не сделаю!
Нагадали тебе девки перемену:
Побелела моя радость, побелела.
Наплясали тебе девки покрывало,
Отпылала моя радость, отпылала.
Зубки – что скалишь?
Аль уж вдовца
Праздную? – Аль уж
Кровушка вся?
Над вздóшным над склоном –
Звоном, звоном, звоном!
Над сердцем над впалым –
Жалом, жалом, жалом –
Ай, в самую сердь!
Прощай, моя –
* * *

То не бусинки
Вокруг жемчужинки:
Над Марусенькой
Толпой – подруженьки.
Тяжело, небось!
(Небось, со всякой ведь...)
Таку молодость
Стоять – оплакивать.
Росла правильная,
Цвела, пламенная.
Зачем спаивали?
Зачем сманивали?
Мести б тебе гладенько,
Цвести б за князенькой.
Хошь для ради празднику

Раскройте, глазыньки!
В платочке голубеньком,
Дарила б рубликом...
Раскрой, девка, губоньки,
Скажись, голубонька!
Не считавши
До трех
Из-под савана – вздох.
На всех разом
Да в ряд
Из-под савана – взгляд:
«Как я грешница великая пред Богом –
Пронosite меня, девки, под порогом.
Как я с нежитью и в смерти неразрывна –
Хороните меня, девки, на развиле:
В снегах, без креста».
Сказав – отошла.

* * *

Грeши с Богом!
Земля скроет!
Под порогом
Яму роют.
Прощай! Трогай,
Сустав-хрящик!
Под порогом
Тело тащат.
Как из хаты той безглазой
Выносили троих разом:
Двоих – правильной дорогой,
А Марусю – под порогом.
Как на отдых тот на грозный
Проносили троих – розно:
Двоих – в садик во крестовый,
А Марусю – во просторы.
В те простор – ны – и.

Часть вторая

1. Барин

– Эй, звоночки, звончей вдарим!

Наша новая дуга!

Молод барин, холост барин,

Стар у барина слуга.

– Эй, дружочки, скорей будем!

Да на все наши снега!

Буен барин, бубен – барин!

Хмур у барина слуга.

□□Эй, кони мои –

□□Вы сони мои

□□Нахлестанныи –

□□Эй, вёрсты мои!

Верста слева, верста справа,

Верста в брови, верста в тыл.

Тому песня, тому слава,

Кто дорогу породил.

Уж не Сидор я, не Павел,

В плечах – удаль, в ушах – гул.

...В глазах – столб рябой поставил,

В снегах – вёрсту протянул.

□□Эй вы кони мои

□□Сони мои

□□Собственные!

□□Нахлестанныи!

□□Эй, вёрсты мои!

Втору сотню загребаем,

Пляши, сбруя, гуляй, кнут!

– Глянь-кось, барин, встань-кось, барин,

Чем снегá-белы цветут!

Где вёрсты сошлись,

(Все – врозь, одна ввысь) –

Цвет, цвет румянист
Горит, уголь-чист!
(Нов у барина глазок,
Скок у барина легóк).
Перстами защелкал:
– Ай, сдую! Ай, сдерну!
– А ты его с толком!
А ты его с корнем!
В ладошки заплёскал:
– Ай, знатный! Ай, важный!
– Смотри, барин, слёз бы
С красой – да не нажил.
(Млад у барина зубок,
Нрав у барина резóв).
В сугроб – по колено,
Межа – нараспашку.
(Коль красен, так мне мол, –
Грехи наши тяжки!)
Торопится, взором
Ест, горячится.
– Ну как, барин, скоро ль?
Место нечисто!

Обдувает, стряхивает
Снег с листа.
Сел, в полу запахивает.
– Гей, верста!
2. Мраморá
Что за свет такой в снегах
О двенадцати столбах?
Сугроб-белая гора,
Прадедовы мрамора.
По той лестнице – да ввысь:
Взглянуть – ноги отнялись!
Сверкнула – и канула
Стремниною каменной.
Отрешись – хоть раз испей
Мраморных оторопей!
Взглянешь – и вбросятся
Мороком, пропастью.
Впрочем – Богу ли соврем? –
Столб как столб и дом как дом:
С башнями, с банями:
Нашего барина.

* * *

Что ж барин? Бражничает?
Буйствует? Шпажничает?
Жизнью небрежничает,
С цветиком нежничает.
Цвет мой-найденыш,
Жар мой в ладонях,
Князь мой-затворник,
Красный поддонник.
Как ударит в барабан
Красный мрак по мраморám,
Как взыграет, аргамак,
Красный мрак во мраморах –
Да по притолкам – в дыма́,
Да по тутолкам – в чаны...
И не надо мне вина!
И не надо мне жены!
Ой ли?
Младость в ладонки
Плещет с веселья,
Старость в сторонке
Стелет постелю.
Стелет – без складок,
Канет – без дна...
Старость на младость

Очи взвела.
Встала – да во мрак,
Встала – да вперясь:
– Я у тебя раб,
Ты у меня князь.
В энтих мраморах...
(К уху наклонясь:)
Стар у тебя раб...
Нежить завелась.
Так что – безо лжи –
Виду не кажи,
Взору не межи,
В зоркости лежи.
* * *

Не ветер в горах
Седины отряс.
Гудит в мраморах
Двенадцатый час.
Высок, одинок
Грядет государь.
(Считай, баринок:
четвертый удар!)
Час – тысячегруд,
Час – тысячеуст.
Все мóроки дружб,
Все промахи чувств –
Всё выворотил
И выбросил – вал.
(Эй, выше держи!
девятый упал!)
девятый удар,
Десятый размах.
Грядет государь,
Грядет в мраморах.
в бахрóмах – заглох –
и – громом вдоль зал –
Высокий как вздох
двенадцатый вал.
Да с двенадцатым, с последним – в самый бой
Как встряхнется-встрепенется зелень-зной.
Да с двенадцатым, с последним – в самый вал
Как сорвется-оторвется пламень ал.
(Барин как взарится!)
На-земь как светится!
Да как ударится
Красною девицей!
Красное приданное,
Щечки бесчувственные.
Стан запрокидывает,
Ручки выхрустывает.
Грудками взыгрывает,
Деснами взблестывает,
Полными пригоршнями
дрёму расплескивает,
взблёстами! – Искрами!
Бровки-то – в две версты!
Ай да поистину
Красная девица!
Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин – следом.
в ногах – навик:
Чертог – ведом.
Берет вправо.
Барин – следом.
Громки мраморные плиты,
А ее шаги – как смыты.

Звонки мраморные стены,
А ее шаги – как в пену.
Луна в небе – бела.
Плывет, – влево взяла.
Плывет – хлебом,
Плывет – медом.
Барин – следом:
Как запродан.
Метет змеем,
Метет русым.
Как приклеен,
Как прикручен.
Хитры девицыны плутни!
(Глядит:) занавес лоскутный.
Легка девицына свита.
Посередке – стол накрытый.
Не сробевши вот столь –
Хвать – за хлеб да за соль!
Яства – искусные,
Вина – печатные.
Корочкой хрустнула,
Чарочкой звякнула.
Смоквы – роскошные,
Сласти – московские.
Корка искрошена,
Чарка расплѣскана.
Слезкой наслащивает,
Думкой – закусывает.
Всеми суставчиками
Скуку выхрустывает.
Как ударит из стремян.
Лунный луч по хрусталям,
Как взыграет, раскалясь,
Лунный луч во хрусталях
Да как упрется
В лик ее лепый...
– Батюшки-светы!
Очи-то – слепы!
Впалый.
Огненный.
Встала.
Вздогнула.
Лик – как выдышан.
Ни кро –
виночки.
В лентах-в ржавостях,
В бусах-в тусклостях.
Стенкой крадется.
Ухом слушает.
Вьется, лепится
Черной немочью:
Как по лесенке –
Вверх по стеночке!
Веки суживает,
Плечи втягивает:
Ох, подслушивает!
Ох, подглядывает!
Да как взманит,
Телом прянет, –
Об зѣмь грянет –
В пляс пошла!
В те звонки невидимые
Ты кому названиваешь?
Ты кому подмигиваешь?
Ты кого приманиваешь?
Не путем – так с вывертами!
Не за грош – так втридорога!
Усмешками призрачными

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ты кого заигрываешь?
С кем хороводишься?
Где твои званье?
Ведь никогошеньки:
Месяц да мраморы.
Месяц – взблёстами
Звяк – об стеклышки.
Чаркой – по столу:
С милым чокнуться!
Чарка – вдребезги!
Скатерть – краскою!
Знать у девицы
Счастье – красное!
Хочу страчу!
Хочу спрячу!
Пляшет. Плачет.
Плачет. Пляшет.
Вплавь. Вскачь.
Всё – в раз!
Пляс. Плач.
Плач. Пляс.
Парусами шелковыми
Середь пола – колоколом.
Ладошки навыворот:
Землицу раскидывает.
Ай клад?
Ноготками яростными
В половицах скрябается.
С Востока да к Западу
Ложбинку выкапывает:
Ан:
– дон!
Морокам приказ:
Вспять
Вон!
Утренний закон:
Звон:
Час.
Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин следом.
Пропал, бравый!
Пропал, бедный!
Берет вправо –
Барин следом.
Громки мраморные долы, –
А ее шаги – как в золы.
Громки ржавленные скрепы –
А ее шаги – как в пеплы..
Мимо спящих бород
Метет, – влево берет.
Глоток краткий,
Шажок срочный..
Носком – в пятку:
Как пристрочен.
Уж не раем
Метет – пёклом.
...Как припаян,
Как приклёпан.
Легки девицыны взломы!
Глядит: горенка знакома.
Хитры девицыны прятки!
Глядит: деревце да в кадке.
Лбом об землю – чок!
Да на ветку –
Скок –
Тут к ней барин! Хвать!

– «Говори, как звать:

Имя, званье, род!»

Схватил-замер-ждет.

Тут – началось!

(Где и взялось?)

Плачем взмелось!

Змеем взвилось!

Вьется из рук,

Бьется из рук,

Рвется из рук,

Льется из рук.

Сгреб – не дает.

– Брык-скок-бег-лёт –

Поводом рвет,

Парусом бьет.

Прыгом из рук,

Шибом из рук,

Кидом из рук,

Дыбом из рук.

В лоб укротил –

Полымем в тыл!

Барин – из жил,

Барин – из сил:

Широкогруд,

Жилой – упруг.

Рыбой из рук!

Рывом из рук!

Месяц – во мрак,

Куст-невелик

Сучьями – как

Крючьями в лик!

Месяц – во мрак,

Куст, распалясь,

Шипьями – как

Клычьями в глаз!

Держит (из ям –

Очи!) – вот-вот

Ввысь по ветвям

Цветом уйдет!

Держит (бугром –

Жилы!) – Ни жизнь!

Тут из бахром

Громом: «Держись!»

Лист – в берега,

Месяц – из туч,

К деве – слуга:

– «Крест-тебе-ключ!»

Как всстонет тут древо!

Как вздрогнет тут дева!

Как справа-налево

Да слева-направо:

Руками, ветвями...

Ослабла, размякла.

Последнее пламя,

Последняя капля

Иссякла, потухла,

Потухла, погасла.

Как пакля – как кукла –

Как лампа без масла...

Потухла,

Поникла,

Погасла.

– Откуда сквозная такая?

– Не знаю.

– Лоза привозная, я чаю?

– Не знаю.

– Какая гроза за плечами?

– Не знаю.

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Как прежде в глаза величали?

– Не знаю.

Тут как вскинет барин брови!

– Хочешь жить со мной в любви?

Жизнь? – Há! – Смерть? – Мне!

– Не зна – ю, не...

Подступает барин тише:

– Может грех какой давнишний?

Он – дай, ты – há...

О – на: «не зна –

ю, не помню...» Барин звоном:

– Не в княжны беру, а в жены!

Же – на од – на!

– Не – знаю... Há...

Шумком скушным тростниковым:

– Ты послушь мои три слова!

(Долго ль вместе лечь?

Не об этом речь)

Покорись девичьей бредне:

Не томи меня к обедне

Пять годов – день в день,

Пять годов – и день.

Холодна иду под полог:

Не сзывай гостей веселых,

В одиночку пей,

Не зови гостей.

А последний тебе сказ мой:

Ни одной чтоб нитки красной,

Ни клочка, ни зги!

Деревцо сожги...

3. Сын

Текут реки, катятся,

Растут дети – старятся,

Живут баре – тратятся,

Гулять – так без скарества!

У меня ль жена млада,

У меня ль красавица!

Не одна, чай, стерлася

Деньга блеску ярого.

Живут голубь с горлицей,

Живут барин с барыней.

У меня ль жена млада,

У меня ль сударыня!

День встает – свят поют,

Полдень бьет – в лад встают,

Вечер в лоб – сказки вьют,

Ночь в обход – нас не ждут.

Позабыл, как холост был,

За бутылкой вздорничал.

Никогда чтоб голос-жив

Раскатился в горницах.

У меня ль жена строга,

У меня ль затворница!

А ведь было – жигом жег!

Нажигал без скупости!

Кумача на весь чертог

Не найдешь лоскутика.

У меня ль жена скромна, –

С такой не раскутишься!

Ходит в белом,

Судит зрело,

Хвалит скупю,

Глаза тупит.

Только шип один жесток:

Что живем без помощи!

Ни одной на весь чертог

Не найдешь иконочки.

У меня ль жена без дна:

Доставать – потонете.
Час живут – страх блюдут,
День живут – слаще льнут,
Год живут – сон без смут,
Пятый стук – сына ждут.
Ходит барин кругом,
Ходит барин возле.
Взъерошен, напуган,
Напуган, разрознен.
Укрепой-охраной
Стоит – живым тыном.
Глазком кто б не глянул,
Огня бы не кинул.
Шмыжком, да с оглядкой,
Где словом, где знаком.
Ключом кто б не звякнул,
Страды бы не запер.
(Куды и вся удаль
девалась, – неведемо!)
..На тебя не дунул,
На тебя не венул.
Тягот много принято:
Ни одной не сбавлено.
И в снегах раскинута
Молодая барыня.
Снега – крепко сотканы,
Душа – краем держится.
В две руки высокие
Простирает первенца.
Стоит трезв как пьян:
– Ух ты дар мой ждан,
Уж ты сын Богдан, –
Уж и пир задам!
* * *

Не лоза кудрявая
В свистах – в светлостях:
Молодая барыня
С сыном тешится.
Ровно реки вздулися,
Ливни – звонами..
Ровно по всем улицам
Дни прощёные!
Господи, помилуй мя!
Огнь – без уголья!
Одной ручкой – милого,
Другой – любого.
Словно конь да коновязь
Сбив – за тридевять!
Словно реки тронулись,
Горы сдвинулись!
* * *

Не леды расколотые
В брег упорствуют.
То соборным колоколом
Грудь отцовская.
Слезы – реками,
В сердце – ласточки!..
Эх, да некому
Тобой похвастаться!
Царем бы Давидом бы
В пляс – да с бубнами!
Сласть невиданная!
Радость трудная!
Так и падаю
С ног как пьяница..
Эх, и задал бы
Пированьице!
* * *

(Сласти – шагом,
Страсти – рысью).

Барин, барин,
Вслух не мысли!
Вести – шаром,
Гости – шастом.

Барин, барин,
Вкось не хвастай!

Шаром – жаром –
Жигом – граем...

Барин, барин, барин, барин!..

4. Пированьице

Нынче – вдосталь, завтра снова
Всего вдоволь.

Как от жизни той медовой
Сны пудовы.

Еще дедов да прадедов
Наших навик.

Лежит барин, – отобедал
Да и на бок.

Всхрапы да вздрёмы,
Свисты да звоны,

Быт наш ядрёный,
День заведёный.

Ан в храп-тот-сап:

– Встань, барин-млад
Скидай халат!

Влезай в парад!

Тот – как: Бросьте!

– Ба – рин! Гости!

Торба – вестей!

Вставай быстрее!

Рядись пестрей!

Встречай гостей!

Сей – час тут уж!

А тот: К шутам!

– Дорого дашь,

Барин, брось блажь!

Мощь-знать покажь!

Встречать прикажь!

О – пять на бок!

Эх – ты: баба!

Как вскочит, брав!

Как топнет, строг!

Рукой – в рукав,

Ногой – в сапог:

Па – шел!

* * *

Не вихрь быстроног

Стойком – через ров:

Глядит баринок

С высот-мраморов:

Гля – нул: обмер!

Та – бун огнен!

Ровно граи вороные

С гнезда согнаны.

Кони-сани-возжи-гривы, –

Верста огненна!

О – гонь в пламя!

Ко – ни! Сани!

Ножёвою ссадиной,

Язвой повальнойю.

Передние-задние,

Ближние-дальние.

Передние – ко крыльцу,

Последние – за версту!

Верстой – не обхватишь:

Катят, катят, катят!

Стеной – не заслонишь:

Гонят, гонят, гонят!

Откуда понабраны?

Табором, табором!

Откуда поназваны?

Князевы! Князевы!

Пожаловали! – Не ждал?

Пожаром – да на пожар!

Ор – дой в сени.

Ко – ни в пене.

Кони! Кони!

Красные попоны!

Крыльцо – стоном.

Низкие поклоны.

Плеча – трясом, тела – трёсом,

□□глаза – скошены:

– А мы гости расхорошие,

Непрошены.

Бобер – бором, багрец – жаром,

□□сапог с постуком:

– А мы гости нетаковские,

Слободские.

Хватка – резв́ая!

Таска – борзая!

Царства – не знаем!

Здравствуй, хозяин!

* * *

Пыл – в мраморах,

Пар – в мраморах,

Пир – в мраморах,

Жар – в мраморах.

Один спростал –

Другой кричи!

А пуст стакан –

Под стол мечи!

У нас закон:

Стакан – под стол!

Сапог – на стол!

Гуляй, сокóл!

А простыли – скреби с мылом,

□□мети метлами!

А мы гости вострокрылые,

Залетные!

С которой из стран,

Сброд красен-незван?

Роман-не Роман,

Иван-не Иван.

Эх, лишь бы вино

В нутро – да не вспять,

Не все ли равно

Кому наливать!

Гуляй, братцы!

Бросай чванство!

– А ты сам пей!

– А ты сам пей!

Напьюсь – конным

В алтарь въеду!

– А мы следом!

– А мы следом!

– Поце – луемся!

Младым – чмокать!

Седым – шамкать!

– А ты сам хват!

– А ты сам хват!

Хошь разок да всласть –

А там хоть...

– А ты сам князь!

– А ты сам князь!

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Побра – таемся!

Горячи куем червонцы!

– Поклянемся!

– Поклянемся!

Хороши дарим гостинцы!

– Покумимся!

– Покумимся!

В отцы крёстные

К тебе посланы!

Домок собственный:

«Ищи по́ снегу!»

Брось страхи,

Брось думы!

Мы – кумы, мы – кумы!

С дороги – да с вестью:

Где ж крестник? Где ж крестник?

Шест – вице затевай!

Крест – ника подавай!

Вино – лужей,

Спиной – ужас.

Гости: Ну же!

Барин: Ну вас!

Власы – тыном,

Мозги – смутой.

Гости: Сына!

Барин: К шу́там!

Тут как вспышут

Гости – красным:

– Даром хвастал!

– Даром хвастал!

Тут как взмашут

Гости – рдяным:

– Не Богдан он:

Чертом – дан он!

Один: с горбом!

Другой: урод!

– Клянусь, что хром!

– Ей-ей, двурог!

Один: соплив!

Другой: безнос!

– Клянусь, что крив!

– Клянусь, что кос!

– Бьюсь об заклад,

(Один:) клыкаст!

Другой: сохат!

Третей: без глаз!

– Ах – так?!

Правильно, кумовья!

(Вдребезги – сулея!)

– Правильно, сатаны!

(Вдребезги – стаканы!)

– Так горбач он?

Гей, седины!

Беги в качку!

Тащи сына!

Клыкастый? Хвост в сáжень?

Покажем! Покажем!

Нахвастал? Нос с краю?

Представим! Представим!

– На – ли –

* * *

«Твои очи голубые,

Мои мысли вздорные.

Твои очи голубые,

А бывают – черные.

Словно жизнь мою угнали

Верстой, – а я с краю.

Голова моя дурная,

Что́ пою – не знаю.
У меня ль дружок – не пара.
Уборы – не хитрые?
Точно с лесенки упала,
Упала – не выпрямлюсь.
На чужом огне сгораешь,
Душа, – силком взяли!
Голова моя дурная,
Что́ пою – не знаю.
Помню зори, помню руды...
– В шелках али в рубище? –
Не припомню, не забуду,
Чего не забуду-то?
Только славы, что верна, мол...
Жена? – Не так звали!
Голова моя дурная,
Что́ пою –»

* * *

По ухабинам – пурга,
Перед барином – слуга.
(По скáмьям – сверканье)
С пустыми руками.
– Где же мой яблоч-плод?
– Барыня не дает.
– Где же мой андел-лик?
– Барыня не велит!
Я ей: милость!
Хошь на малость!
Распалилась,
Раскричалась:
– «Душу тебе, рабу,
С косточкой разведу!»
Ту как взграют
Гости – граем:
– Ай да краля!
– Ай да краля!
Тут как сплунут
Гости наземь:
– Должно сглазим!
– Должно сглазим!
Белки – пучат,
Перстом – тычут.
Тот – по-щучьи,
Тот – по-птичььи.
Христом просят,
Слюной прыщут.
Тот по-пёсьи,
Тот по-крысьи.
– Здо́ – рово, кумовья!
(По́ столу – колея!)
– Здо́ – рово, холуи!
(Проруби, полыньи...)
Красна баня!
Вскачь, седины!
де мол барин
самой с сыном
выходить велел...
– На – ли –

* * *

«Твои очи голубые,
Мои мысли спорные.
Твои очи голубые,
А могли бы – черные...
Не выказывала жара
Сваво, – цвела скромно.
Голова-моя-держава:
С кем спала – не помню...
И жила б себе орлицей

Безданно-беспошлинно!
Зачем гости собралися?
Кем званы? Кем посланы?
Не обманывала стража
Сваво, – цвела скромно.
Голова-моя-пропажа:
С кем спала – не помню..
Кто там бродит, взойти хочет?
Соколик – ай перепел?
Люб и нелюб мне сыночек!
Всем люб, а чем нелюб-то?
Не приваживала жала
Тваво, – цвела скромно.
Голова-моя-завалы:
С кем спала –»
* * *

По завáлежам – пурга,
Перед барином – слуга:
(По скамьям скаканье)
Один, без канпаньи.
– Где ж моя званая?
– С места не глянула!
– Где ж моя знатная?
– Пястьем не звякнула!
Без хозяйки, мол, не ужин,
А оне в ответ: не нужно!
Не бродяги, мол, вельможи..
А оне в ответ: не можно!
Тут как взвизгнут,
Растопырясь:
– Должно в чирьях!
Должно в чирьях!
Да как вструбят
Разом, вкупе:
– Должно в струпьях!
Должно в струпьях!
– Что ступ – то струп!
– Что зуб – то брешь!
– Клянусь, что чуб!
– Клянусь, что плешь!
– Котел с лица!
– Рыжей лисы!
– Клянусь, лыса!
– Ей-ей, усы!
– Прозаложусь,
(Один:) – смердит!
Другой: курдюк!
Третей: кадык!
– Ах – так?!
Сверимся, кумовья!
(Голову заломя
Пышет: костер в ночи!)
– Сверимся, кумачи!
Нос шилом, кость – дышлом?
Запишем! Запишем!
Плешива? Пасть – домной?
Попомним! Попомним!
Всем бы цаца,
Каб не клык?
Держись, братцы!
Гей, старик!
Пои псарню!
Вари варом!
Пошел парнем –
Вернусь парой!
Пав да с па – вою..
– На – ли –
* * *

«Твои очи голубые,
– В ночах, в тайнах вскормленный! –
Твои очи голубые,
Закрываю: черные.
Черным заревом те зори:
Кто слышал? Кто видел?
Голова моя! Ох, горе –
голова! Не выдай!
Росло деревце – да с краю,
Стояло-не трогало.
Зачем платице сорвали
Цветное, махровое?
Где страна-ровна, в которой
Ни мужа-ни сына...
Голова моя! Ох, горы –
голова! – Не сдвину.
Дивен, дивен на ресницах
Снежочек не тающий!
Зачем ободом теснитесь?
Под локоть толкаете?
Пять деньков еще до сроку.
– Кто просит? Не выйду!!! –
Голова моя! Ох, грохот –
жернова...»

* * *

Середь табора – гудёж:
Барин барыню ведет.
По скамьям тряsenье:
В хрустальном, в кисейном.
– Вот вам, гикоты-торги,
Мое дитяtko-труды!
– Вот вам, ярманка-орда,
Моя барыня-строга!
Чур – не щупать!
За версту дивись!
(Очи тупит,
Мрамор ледовит.)
– Полно жаться!
Кланяйся, душа!
Ну-кось, братцы,
Чем не хороша?
Тут как грянут
Гости стоном:
– Хороша да некрещёна!
Чего жмешься?
Товар жженный!
Некрещёна, непростёна!
– В церкву ходила?
– Жертву кадила?
– Спинку трудила?
– По – клоны била?
Один: где крест?
Другой: лбом грянь!
Таких невест,
(Третей:) в Ердань!
Один: заест!
Другой: погиб!
Таких невест
(Третей:) на дыб!
Один: волкам!
Другой: в котел!
Третей: во храм!
Слуга: на кол!
– Ах так?!
(Скамьи – скрежетом,
В лицах – празелень)
– Вот вам, нежити,
Слово праведно!

(Пасти – патокой,
Очи – плёнкою)
...Слово краткое,
Слово громкое.
– Ой!
Волчиное стадо!
Лести лисьи!
Не надо-не надо!
Не – клянися!
Будьте прокляты!
Волки! Филины!
Вот-вот грохнется,
Сына выронит.
(Очьми жрут уж,
Пьют без рюмок!)
Барин в смутах,
Барин в думах.
Стакан – дна нет,
Кругом – хари...
Тут как грянут,
Тук как вдарят, –
Тут взвоют как,
Как взноют тут:
Один: тюфяк!
Другой: фетюк!
– Как есть фетис!
– Чуть тронь – по швам!
Один: раскис!
Другой: сплошал!
За – ряд холост!
Са – пог латан!
Жена в голос:
«Вспомни клятвы!»
– ногой княжит!
– спиной мыслит!
Жена навзрыд:
«Не – клянися!»
Не вынесло сердце страма,
Кровь дворянская встала,
Слово грозное пало:
– «Завтра те в храм Господень
Об руку входим!»
Правую поднял.
Ан:
Зга!
Петушиный клич!
Чудь, дичь,
Нежить – в берега!
Ай –
да!
* * *
Столы – скоком,
Ковры – ковом.
– Прощай, сокол,
Держи слово!
Белки – пялью,
Уста – пеной.
– Прощай, краля,
Держи цену!
Торопом-шорохом-ворохом – мороком!
5. Херувимская
И кони не ржали,
И птицы не пели.
В оконные ржави
Рассветные цвели.
И бражник не цедит,
И возчик не возит.
Рассветные седи,

Рассветные сквози.

И еле – как будто бы мысли сказались –

Над барыней – шелест:

– Проснись, моя зависть!

и брежно – как будто слезою колеблясь –

Над барыней дребезг:

– Проснись, моя ревность!

(Не ветер ли в травах?

Не пепел ли в золах?

Не баринов навик,

Не баринов голос.)

И дале, и возле,

И звоном, и вязью...

Рассветные сквози,

Рассветные связи...

И режью – как будто бы ветер навстречу –

– Не езд! Не езд!

Младенцем ответишь!

И слезно – как будто бы женщина плачет –

– Не езд! Не езд!

Блаженством заплатишь!

Прислушалась: ўжли?

Потупилась: брежу!

– Родная! Не-мужняя!

Всё тебя нежу!

Не злостно, не ложно:

За вечность – однажды!

Чужая! Неможная!

Всё тебя жажду!..

И нудно – как малые дети в болезни –

– Не езд! Не езд! Не езд! Не езд!

* * *

Проморгал до свету, –

Серей свечки сальной.

Тихие советы

в бариновой спальне.

Спаси Боже – крик,

Спаси Боже – спор:

Тихий разговор,

Скрытый разговор.

Сидят – русский с седым,

Сидят – малый с лысым.

Один голос: Еду!

Другой: Протрезвися!

– Сказано: иди!

Барыню буди!

(Тихие бои,

Скрытые бои!)

Помолчат – и снова

За старую рану.

Один голос: слово!

Другой голос: спьяну!

Больно им твоя

Клятва дорога!

(Старая брада,

На́ двое игра!)

– Дворянин и спьяну

Не лжет. – Грехи-беды!

– Закладывай сани!

– Избавь! – Сказал: еду!

– Экая ты жмурь,

Дво – рянская дурь,

Графская глазурь,

Барская фигурь!

Девятый раскат,

Десятый размах...

А старый: никак

К обедне звонят?

Кольнуло в груди...

За окнами грай...

– Супругу буди!

Коней запрягай!

– В рай...

* * *

В поле – зарево,

В спальне тишь.

– Вставай, барыня,

Рай проспишь!

Веки – кружевом:

Дрема? Явь?

– Вставай, мужнюю

Волю правь!

Поедем-поедем!

К обедне-к обедне!

Покатим-покатим!

К причастью-к причастью!

К мо – щам приложимся!

Вста – вай, безбожница!

Кня – зьям покажемся!

Вста – вай, проказница!

Про тебя – колокол меден!

Едем! Едем! Едем! Едем!

Про тебя, баловень блуден!

Будем! Будем! Будем! Будем!

И – их!

* * *

Вьюга! Вьюга!

Белая голуба!

Бела – вьюга!

Бела, белогуба!

Уж и вьюга!

Ни друга, ни дуба!

Пуши, вьюга,

Бобровую шубу!

Шу – ми ширше!

Сразишь – осчастливишь!

Таких пиршеств

Не три-не четыре!

Мети выше!

Что свыше – то свято!

– Сплю-не слышу,

Сплю-не слышу, мату –

– што?

– Што там крючится

Вровень с полозом?[92]

– Ветлы – сучьями,

Версты – холодом.

– Брови – клочьями!

Глотка – трещиной!

– По – морочилось,

При – мерещилось...

Свищи, вьюга!

Смекай, слепость:

Краса с другом –

Одна крепость!

Хлещи, стужа!

Терпи, кротость!

Жена с мужем –

Одна пропасть!

Где двое – не лезь,

Бесштанная блудь!

– «Эй, барская спесь!

Родства не забудь!»

– Прочь! Не до братьёв!

Что было – прошло!

– «А кто я таков

Сказать на у» –

– Што?

– Што там тащится

За полозьями?

– Должно, пташечку

Подморозило.

– Очи – прелестью,

Ручки – скрещены...

– По – метелилось,

При – мерещилось!

Тесней к мужу лепится:

Ягненок обсахаренный!

Тесней в меха трепетны

Младенца запахивает:

– Помру, будешь дитяtko

Родимое пестовать?

– «Душа твоя дикая!

Гордыня двуперстная!»

– Што?

– Што там крутится

В серьгах-в блёскотах?

– Пурга – прутиком

Ко – ней хлѣстает!

– Полно – грудые!

Круто – плечие!

– Пона – думалось,

При – мерещилось!

Вставай прахом, вставай пылью,

Вставай памятью со лба!

Уж ты крест-разъезд-развилье –

Раздорожице-судьба!

Уж и стужа – костям хладно!

Бобры-шали не спасут!

– Глянь-кось, ладный, встань-кось, ладный,

Чем снега-белы цветут!

Што там угольем

Жжет-красуется?

Тот, испуганно:

– Мечта суетна!

– Краса грозная!

Листы – вещи!

– По – морозилось,

При – мерещилось!

Уж вы, птахи,

Народ мёрзкий!

К шутам, страхи!

Гуляй, версты!

Долой, старый

Козел – с козел!

Мою пару

Заморозил!

(Дед –

Прыг

В снег:

Сник).

* * *

Пиши, идола, белó:

Нашей милости – село!

Кивни, милая, в бобры!

Нашей милости – рабы!

Чьи хаты? – Бариновы!

Ло – паты? – Бариновы!

За – платы? – Бариновы!

Ре – бяты? – Бариновы!

Мои – хаты,

Мои – траты.

Отцом взято,

Богу свято.

– Сапожки валеные!
Чьи ножки? – Бариновы!
– Се – режки даренные,
Чьи ножки? – Бариновы!
Мои страхи,
Мои хрипы,
Царем шито,
Богом крыто.
– Эй, гуси жареные!
Чьи гуси? – Бариновы!
– Эй, руки ржавленные!
Чьи Руси? – Бариновы!
Уж мы, баре,
Народ шустрый!
Держись, Марьи!
Моя Русь-то!
На своем селе – мы царь!
Захотим – с конем в алтарь!
С ко – нем, с саня – ами!
С воз – ком, с коня – ами!
Чья кладка? – Барская!
Доглядка? – Барская!
Столбами красная
Чья хатка? – Барская!
Вали, троечка, без дум!
Наше – золотце-чугун!
Святой Троицы опричь –
Наша строечка-кирпич!
– Эй, суч!
Князь мой таёжный,
Тать подорожный,
Скажи, рогожа,
Чья церковь? – Божья.
Его – своды,
Твоя – глина.
– А я, лодырь,
Думал – ино..
– Взводил – курень,
Вышло – царство!
– А я, дурень,
Думал – барска!
– Где над царствами – крест,
Барской власти – запрет.
Где над царствами – плат,
Барской воле – закат.
– Ловкач парень:
Надумал!
Думал – барин,
Вышел – дурень!
Уж мы баре –
Простофили!
Слезай, краля!
Подкатили..
К вра – там,
Во – храм.
* * *
«Подай, ягодка!
Подай, вишенка!»
Ноем-тягостью
Братья нищя.
«Спаси праведник..
Спаси мученик»..
Загнусявили,
Заканючили.
(Слепцы,
Хромцы,
Немцы, –
Глумцы).

По алтыну
В ладонь – мимо.
Хромцы – тыном,
Немцы: имя!
Персты – прытью,
Зенки – гатью.
– Кого чтить-то?
– Поминать-то?
– Не чтите меня,
Не славьте меня...
(Поскрипыванье,
Покряхтыванье...)
– Оставьте меня!
Не троньте меня!
(Посапыванье,
Пощелкиванье...)
Один: с Богом! другой: стой!
Диковинный твой покрой!
Один: сдайся! – другой: скрой!
Во здравье, за упокой!
Клю – кой,
Бель – мом.
Лай. – Ной.
Ор.

* * *

Конницей вражескою
Вход загораживают.
Гла – зищи – светочем!
Ку – мач – под ветошкой!
Лик – в лик, близь – в близь:
«Скажись-объявись!»
Близь – в близь, жызть – в жызть:
«Скажись-назо...»
– «Брысь,
Рыси прыскучи,
Лисы шатучи!»
Шарахом – куча.
Барин – под ручку
Кралю – во храм.
* * *

«От лица нечестивых»,
(На сладость – льстивых!)
«Мою душу острастших»,
(Своей – не спасших!)
«В крове крылу твоея
Покроеши мя...»
(Зорь моя утренняя!
Сокровищница!)
Робок – шаг,
Долу – зрак.
Кровь в ушах:
Знобу звяк.
«Врази мои душу»,
(Молись! Не слушай!)
«Мою одержаша»,
(Молись!) «Объяша
мя – тако лев
Готов на лов...»
(Разве уж так
Суров?
Не клейми меня печатью крайней!)
«Тако скимен, обитаяй в тайнах».
Шепот с тылу, шепот с краю:
– Чья такая?
Шей – вертом, очи – кольем:
– Чья? Отколе?
Глубже выю
В плеча.

Глаз не вскинет:

Свеча.

«Окропи мя иссопом – очищуся!»

(В дом веселый, высокий, пышущий

Там, где бубны и гусли

И сласть – без брега!..)

«Убелюся я

Паче снега!»

Круче – сына

К груди:

Глаз не сымет.

– «Гряди!

Сердце мое – смятёся во мне!

Смерти боязнь – нападé на мя!»

(Трезвенница! Девственница!

Кладезь, лишь мне – ведомый!

Дивен твой рай!

Красен твой крин!

Сына продай,

Мужа отринь!

Ибо царств тебя княгиней

Ставлю – явно и вочью!)

– «Дай мне крылья голубине:

Полещу и почию!»

Крыльев плеск

Возле плеч.

Воску треск.

Жар от свеч.

– «Мягче масла уста их...»

(Рвалась и млела!)

«Слаще ангелов – славят,

Но меч и стрелы –

Словеса их!

И дружба их

Червь – в кости.

Мужи кровей

И льсти».

(Уж столь ли злостен

Сей мóрок костный?

У девок спросим!)

– «Премудрость! – Прóсти!»

Ковом – виски,

Гором – гортань.

(Оком не вскинь!

Взором не взглянь!)

– Как на невесте

фата... – Грех тяжек!

– И лба не крестит!

И глаз не кажет!

– Гляди-кось: речи

Творит! В гроб краше!

– Нечеловечья

Краса, не наша!

– С дитятком!

– С хлопчиком!

– В чепчике!

– В платъице!

(Тычутся,

Шепчутся,

Топчутся,

Пятятся.)

– Обольщение!

– Тьма египетска!

«Огла – шеннии,

Изыдите!»

(Уста – жжением,

В ушах – гикоты).

– Огла – шеннии,

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Изыдите!

– Свет очей моих!
Недр владычица!
– Оглашении,
Изы –
– Прощай, сытенький!
Прощай, гладенький!
Никнет. – Дитяtko
Мужу – на руки.
– Прощай, чуточка!
Прощай, крохотка!
Вот-вот скрутится,
На-земь грохнется.
Зелень... Морская синь...
Стелется... Клонится...
– Только глазка не вскинь:
В левой оконнице!
От входу – крайняя...
Не трону... Чай меня!.. –
Вейные... Таяные...
Моление тайное.
– Рвение, ко мне!
Рдение, ко мне!
В левом окне,
В вечном огне.
Перси – в багрец!
Сердце – к груди!
Нечеловецк
Свет! – Не гляди!
«И – же хе – ру – вимы!»
Иг – ри – щем орлиным,
Ли – ствием гонимым...
«Хе – ру – вимы тай – но...»
Тысячами-стами,
Тысячами-тьмами...
«Яко да Царя всех...»
Удар. – Окно настезь...
Стклом-звоном, тьмой-страстью..
– Гляди, беспмятна!
(ни зги. Люд – замертво.)
– Гря – ду, сердь рдяная!
Ма – руся!
□□Глянула.
Грянули стёклы:
Рдяные копны!
Польмем-пёклом,
Полным потоком
Огнь – и в разлете
Крыл – копия
Яростней: – Ты?!
– Я!
Та – ввысь,
Тот – вблизи:
Свились,
Взвились:
Зной – в зной,
Хлынь – в хлынь!
До – мой
В огнь синь.
Прага, Сочельник 1922

Примечания

1

Звенящие, лопающиеся гроздьа (фр.)

2

Да здравствует! (лат.)

3

На голубом Дунае (нем.)

4

О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность...

Гёльдерлин (пер. М. Цветаевой)

5

Memento mori (лат.) – помни о смерти.

6

Т. е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита) (прим. автора)

7

Здесь: память (лат.)

8

Juri – судья, Rührei – яичница-болтуня, национальное блюдо; Rühr uns nicht an – не дотрагивайтесь до нас (нем.)

9

«Человек, где ты?» (нем.)

10

«Я наг» (нем.)

11

NB! лучше (прим. автора)

12

Мой сын Георгий (Мур), родившийся в полный разгар мечты о Крысолове и первой главы его – 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, ровно в полдень, в безумную (последнюю!) вьюгу, в избе, в деревне Вшеноры, близ Праги. МЦ.

13

Ударение, как: Миргород, Белгород и пр. (прим. автора)

14

«Завтра – тоже день» (нем.)

15

Wurg – по-немецки крепость. МЦ.

16

Подразумевается: запах. МЦ.

17

Излишество вредно (нем.)

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
18
В меру! (нем.)

19
В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний (прим. автора)

20
Убийца Коцебу (прим. автора)

21
Позор! (нем.)

22
Бог! (нем.)

23
Сердечный, дорогой (нем.)

24
Хлеб (нем.)

25
В лето Господне (лат.)

26
Липами (нем.)

27
Жареная баранина (нем.)

28
Обман и стыд! (нем.)

29
Квартет (лат.)

30
Будет дело! (фр.)

31
Умри и убей! (нем.)

32
В прошлом! (ит.)

33
Деньги – песок (нем.)

34
Неизвестен (нем.)

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
35

Дадим – слопает, жить – значит экономить... (нем.)

36

Утреннюю похлебку! (нем.)

37

Нежнейший тон (ит.)

38

Речь идет о детской песенке (фр.)

39

Между первым и вторым слогом перерыв (прим. автора)

40

В последних четырех строках между первым и вторым слогом – перерыв.

Печь прочного образца!
Про – топится крепостца!
Все – тучки поразнесло!
Про – сушится бельецо!
(прим. автора)

41

Гнездо (нем.)

42

Любимый (нем.)

43

Верую (лат.)

44

Священная семерка (нем.)

45

Темные кипарисы!
Мир чересчур весел.
И всё будет забыто
(нем.).

46

Прах – слявянское порох. (прим. автора)

47

От нудить, существительное. (прим. автора)

48

То есть: земля была как должна быть перед грозой земля. (прим. автора)

49

Там – на Перекопе. Красными перекапывалась новь, белыми окапывалась бывь. (прим. автора)

50

Телец ласковый – Керенский. От долгого сидения – оглядывались, вспоминали.
(прим. автора)

51

Шло – всё, шла – Россия, шли – все мы. (прим. автора)

52

Четверостишие о Галлиполи – заскок в будущее. (прим. автора)

53

То есть возьмет. Заскок в будущее. (прим. автора)

54

То есть: тыщу бы верст покрыл, кабы шагал по шпалам, а не взад-вперед по валу.
(прим. автора)

55

То есть – фактически – раз он всё время поворачивается – то вправо, то влево от него. Но есть еще и другой смысл: земля ханска и страна дивья еще не решили.
(прим. автора)

56

Эту землю первый сказал Геродот, и вот она – имеющему уши – говорит его имя.
(прим. автора)

57

Всех не с винтовкой не в строю,
Всех: «моя хата с краю ведь:
Коли снаряд – так уж в мою!»
Вопль: отстояв – отстраивать.
(прим. автора)

58

Многоточие, тире и перерыв строки – моя последняя проверка и окончательное утверждение.

И вот, двадцать лет спустя, повторяю: Христос на Руси в тот час укрывался за пазухой добровольца. Весь Христос – за тощей пазухой добровольца. Так было – и так будет – благодаря этим двум моим строкам. МЦ. Париж, 17 сентября 1938 г.

59

То есть: всем дают (NB! последнее) (прим. автора)

60

NB! Вожáта вместо Вожатого. (М. б. неоправданный) славянизм. Но мне нужно было именно это слово – и звук. (прим. автора)

61

Это говорит не доброволец, а сказал бы доброволец если бы им быть перестал (перешел). (прим. автора)

62

Глагол скрадывать: утаивать. (прим. автора)

63

Жива ли уж – мать, жена, да жив-то ли – (деревенские) – он. (прим. автора)

64

Подразумевается – наша власть. (прим. автора)

65

Этим дано и оправдано его Высокопревосходительство. (прим. автора)

66

Подразумевается: мечта наша (прим. автора).

67

Весь отрывок от «К каждому хвостку» до «бак бензиновый» имеет дать надежду, которой обвешены самолеты: пуды надежд, которыми обвешен каждый самолет. (прим. автора)

68

Здесь прожектор дан в виде добровольца (марковская фуражка). Вся главка Прожектор – только игра этого самого прожектора: света и тьмы. (прим. автора)

69

Подразумевается – говорю. (прим. автора)

70

Бобрик (стрижка). (прим. автора)

71

Руки любимой. (прим. автора)

72

Явление солдата. Последующая фраза о необходимости еще раз вычистить пулеметы доказывает, что солдаты давным-давно уже всё знают. (прим. автора)

73

NB! Моя любимая глава. (прим. автора)

74

В тай – тайком (народное). (прим. автора)

75

Опережение событий: где кто – после той травы – ляжет. Турецкий серп и сербский крест как символы смерти. (прим. автора)

76

Надеюсь, что понятно, что:

– колоколами

– голубями

(прим. автора)

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

77

Прошу без всяких знаков, ибо (прошу проверить) ни один не подходит. Это – скороговорка, имеющая дать вихрь. (прим. автора)

78

На шее крест? прошу произносить (т. е. понимать) не: на шее – крест? а: на шее крест? То есть как будто бы следовало: имеется ли? (прим. автора)

79

По свидетельству добровольца, с которого мой Перекоп писался, единственное чтение их все те сто дней было ворох казначейских дел. У моего добровольца – но это к делу не относится, а только так, к слову – была еще моя детская книжка стихов «Волшебный фонарь», с которой в кармане проделал все добровольчество – от первых дней Новочеркасска до последних Крыма. (прим. автора)

80

Простонародное. (прим. автора)

81

Ударение на и, вместо края. (прим. автора)

82

То есть так же тихо, бесшумно. (прим. автора)

83

Надеюсь, понятно, что – своими! (прим. автора)

84

То есть буквой П. (прим. автора)

85

Подразумевается: – творите. (прим. автора)

86

Мною дословно, без малейшего изменения, взяты из записок моего добровольца, просто – списаны. Могу сказать почти то же о всем моем Перекопе, который писался так: слева – его тетрадь (крохотная, даже не тетрадь, а стопочка бумаги), справа моя – черновая, синяя, вчетверо большая. Если в моем Перекопе есть физические (фактические) ошибки – то виноваты стихи, из-за которых приходилось вводить посторонние делу понятия. И еще – моя безнадежная неизлечимая военная слепость. Писала вслепую, зная только чувства и ближайшие предметы. Писала как те – шли. (прим. автора)

87

Видение (убитого) генерала Маркова, ведущего на Русь – «марковцев своих». (прим. автора)

88

Шеломяном – курганом. В Слове о Полку Игореве – Русь уже за шеломяном. (прим. автора)

89

<Соколиная слободка> начата 23-го января, кончена начерно 1-го марта 1928 г. Медон

Том 3. Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

90

Печать (ожог) – поцелуй Царь-девицы, слюнка – поцелуй мачехи. Первой говорит слюнка (прим. автора).

91

Относится к Марусе (прим. автора).

92 Вопросы – ее, ответы – бариновы (прим. автора).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!